

уральский

следопыт

№11**** 1978

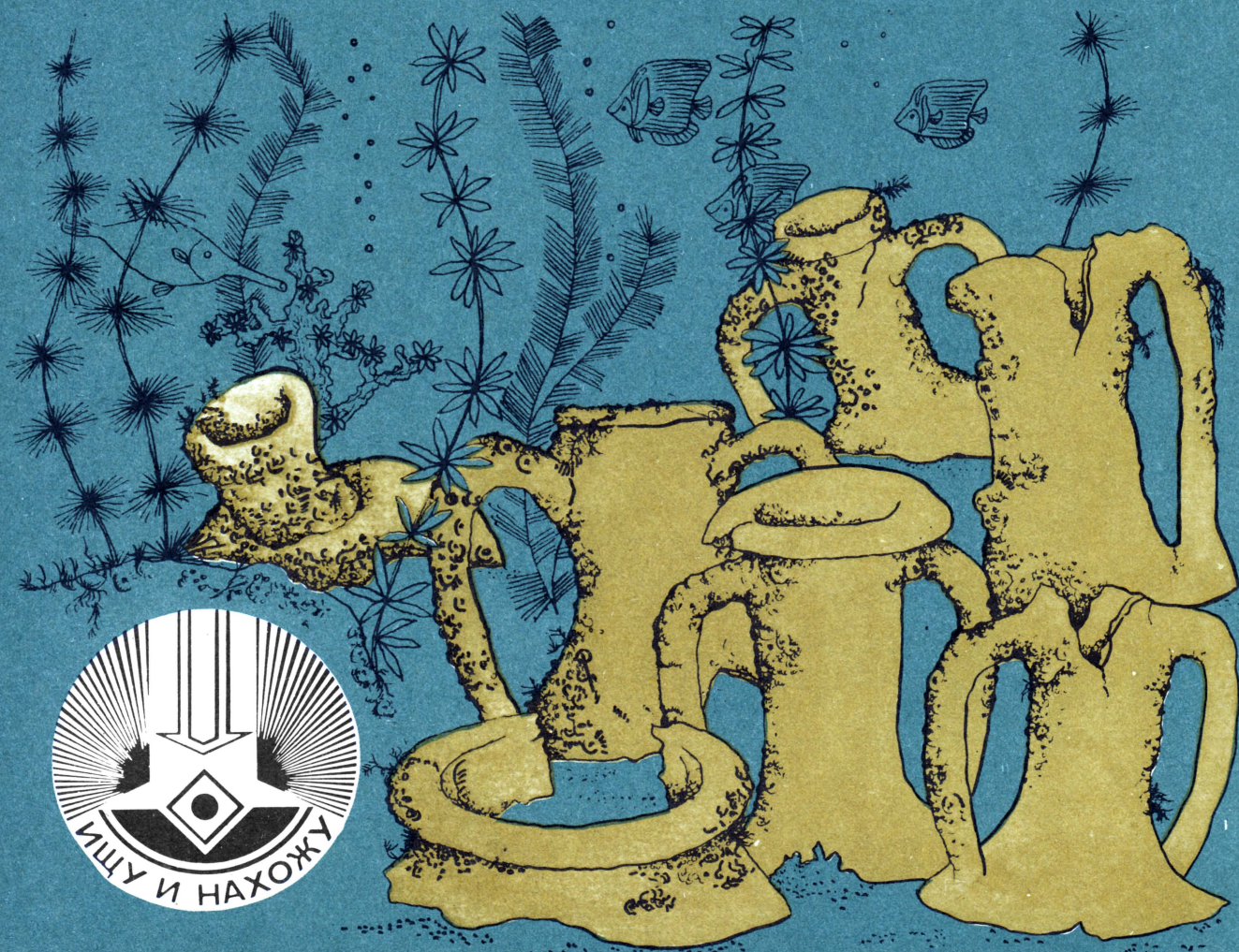
НА ДНЕ МАЛОЙ БУХТЫ

Кто бывал в Анапе, знает Малую бухту, над которой сейчас расположен корпус санатория имени Эжени Коттон. Почти вертикальный срез высокого, метров за двадцать, берега обнажил падающие под углом в 45 градусов пласты камня-известняка, чередующиеся с пластами глины. Внизу — узкая полоса дикого пляжа.

Дно бухты имеет такое же геологическое строе-

ние. Только выходы пластов известняка сгладились штормами и очень похожи на каменную кладку. Пласты же глины вымылись метра на два-три в глубину. И если смотреть с высоты берега вниз, особенно в тихую погоду, когда вода неподвижна и прозрачна, кажется, что далеко в море уходят чуть прикрытые водой каменные молы.

Читайте стр. 29

В номере:

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА**

**ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ**

**ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА**

**СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Б. Исаев БЕСТУЖЕВКИ	2
А. Вшивков АКТЕР ИЗ КУРСАНТСКОГО ТЕАТРА	5
И. Каплун ПОЛИЦЕЙСКИЙ КУРЬЕЗ	7
И. Тюфяков НАШ БАЖОВ	8
В. Губарев ВСЕГО ОДНО УТРО...	11
А. Нагибин ПРАЗДНИК ФОТОИСКУССТВА	16
Г. Савченко АЛЕША И УТЮГ. Рассказ	17
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	24
НТ-78	26
Г. Колоколов НА ДНЕ МАЛОЙ БУХТЫ	29
П. Завьялов МОЙ ДРУГ ВАНЧО	30
ПАМЯТНИК РУССКОМУ ЗОДЧЕСТВУ	33
В. Тулин, Е. Разумов, В. Лысенко, А. Мерзляков, А. Каменский, В. Борисов, В. Сиваков НАПОЙ МНЕ ОСЕНИ МОТИВ... Стихи	34
Г. Прашкевич ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК. Повесть	36
МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	59
А. Мальсагов «...ДАБЫ НЕ ВЫГЛЯДЕТЬ СПЕСИВЫМ БОЛВАНОМ»	60
Н. Николаев СИНЯЯ СТРЕКОЗА. СНЕЖНЫЙ ПРИНЦ.	65
Б. Золотарев ПАШКА	67
В. Аринин ДЕЛО СУХОВО-КОБЫЛИНА	69
Ю. Чернов ЖИВАЯ ВОДА	72
В. Харитонов СТРАНИЦЫ ОЛИМПИАД	73
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/VII 1978 г.
НС 11183
Подписано к печати
18/IX 1978 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,0
Тираж 275 000.
Заказ 603.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№11 * 1978

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

БЕСТУЖЕВКИ

**Борис
ИСАЕВ**

Сто лет назад, 2 октября 1878 года, в общественной и культурной жизни России произошло большое событие: в Петербурге открылся женский университет — Высшие женские курсы, которые по имени их директора-учредителя К. Н. Бестужева-Рюмина были названы Бестужевскими. В 1919 году курсы слились с Петроградским университетом.

Курсистки активно участвовали в общественной жизни страны. «...Не было ни одной более или менее крупной революционной организации, в которую не входили бы слушательницы Бестужевских курсов в значительном числе», — констатировал в 1886 году департамент полиции.

Надпись на мемориальной доске, установленной на фасаде дома № 33 по 10-й линии Васильевского острова, где с 1885 года помещались Бестужевские курсы, напоминает, что здесь учились Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, О. И. Ульянова, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева и другие видные участницы революционного движения в России.

Слушательницами Бестужевских курсов были и О. И. Чачина, С. П. Невзорова-Шестернина, З. П. Кржижановская-Невзорова и др.

«Бестужевки — это Надежда Крупская и Анна Ульянова, это масса женщин, активных участниц Октябрьской революции и социалистического строительства, чей беззаветный труд хорошо послужил делу воспитания советского человека, способствовал большим победам в области науки и культуры», — писала соратница В. И. Ленина, известная ре-

волюционерка и общественная деятельница Елена Дмитриевна Стасова.

...На рассвете 27 октября 1917 года в одной из отдаленных комнат немного притихшего Смольного спала на полу, возле рулонов бумаги, молодая женщина. Это была бестужевка Валентина Алексеева. Час назад, в полутемной мгле осеннего утра, она вернулась из типографии, где правила корректуру газеты «Деревенская беднота». Бессонной была и предыдущая ночь: Алексеева дежурила в Петроградском комитете партии.

По донесениям с мест и недолжным вопросам ходоков Алексеева видела, что злонамеренная клевета на Советскую власть, на большевиков усилилась. Необходимо было как можно скорей наладить снабжение провинции и воинских частей литературой, в которой рассказывается правда о революции. А не организовать ли раздачу литературы прямо здесь, в Смольном? Этой мыслью она поделилась с В. Д. Бонч-Бруевичем, а затем — с Я. М. Свердловым, и предложение ее было сразу поддержано.

Так, на третий или четвертый день Октября в Петроградском военно-революционном комитете возник новый подотдел выдачи литературы. Вскоре В. Ф. Алексеева получила подписанное М. С. Урицким и С. И. Гусевым удостоверение, в котором значилось, что она является «заведующей раздачей литературы для провинции и гарнизона Петрограда».

Но прежде чем раздавать литературу, ее надо добыть. Алексеева

ездит в редакции и типографии за свежими газетами, листовками... Вот она спешит на Николаевскую, 12 (ныне ул. Марата) в издательство «Прибой» с подписанной Ф. Э. Дзержинским бумагой, в которой содержится просьба «выдать тов. Алексеевой агитационной литературы на сумму в три тысячи рублей для агитационной комиссии при военно-революционном комитете».

В Смольном, в самой гуще революционных событий оказалась в те дни и бестужевка Софья Стривская. В канун Октября она работала в анкетной, или, как ее чаще называли, мандатной комиссии по подготовке Второго съезда Советов, потом — в секретариате ВЦИКа. Пафосом революции веяло от каждого документа, проходившего через ее руки. Телеграммы и письма из провинций о поддержке победы петроградского пролетариата, сообщения о создании военно-революционных комитетов, просьбы помочь в становлении Советской власти, мандаты эmissарам, отправляющимся на места... Позднее она — политработник на Кавказском и Западном фронтах, инструктор Замоскворецкого райкома партии в Москве.

Революция подняла к активной общественной жизни миллионные массы рабочих. Среди тех, кто пробуждал их политическое сознание, важную роль играла бывшая слушательница Бестужевских курсов (исключенная в 1901 году «по политической неблагонадежности») Конкордия Николаевна Самойлова. В 1917 году особенно ярко проявились ее организаторские способности. Она приложила много усилий к возобновлению прерванного в 1914 году издания журнала «Работница». К. Н. Самойлову в первые послеоктябрьские годы видели на Украине и на Урале, в центральных губерниях и в Поволжье. Она работала в журнале «Коммунистка», руководила «Страничкой Работницы» в «Правде», заведовала политотделом агитпарохода ВЦИК «Красная звезда».

Бестужевка Елена Гилярова в ок-

тябрьские дни семнадцатого года была организатором красных сестер Василеостровского района Петрограда, участвовала в боях против войск Керенского. В 1919 году она — подпольщица в захваченных белогвардейцами районах Украины; позднее много лет работала в органах народного просвещения.

Бывшие слушательницы Бестужевских курсов работали во многих органах государственной власти молодой Советской республики, особенно видную роль они играли в Народном комиссариате просвещения.

Два года служила в ВЧК Елена Густавовна Смитен. Позднее она работала в аппарате ЦК партии. В Народный комиссариат юстиции вскоре после его создания пришла выпускница юридического факультета Бестужевских курсов Зинаида Теттенборн. Она принимала непосредственное участие в подготовке проекта первого Кодекса законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, занималась и другими юридическими проблемами. В. И. Ленин интересовался книгами З. Теттенборн «Страхование рабочих как результат классовой борьбы», «Законы о труде» и «Советское законодательство о труде». Они и по сей день хранятся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле. В 1919 году З. Теттенборн — на партийно-политической работе в 5-й армии Восточного фронта, а после гражданской войны — в Институте советского права.

...Утром 1 марта 1918 года по длинному коридору Смольного шла бестужевка-большевичка Анна Кравченко. Минувшей ночью она приехала в Петроград из Мотовилихи, что под Пермью, имея ответственное поручение партийного комитета: встретиться с Лениным, рассказать ему об успехах оружейников, о боевых делах красногвардейцев-пермяков, громивших на Южном Урале контрреволюционные банды атамана Дутова, а главное — передать, что уральские рабочие полны сил, что они против мира с немцами, они — за революционную войну с Германией. Так

она, а также другой уралец — Ф. И. Голошкеин и сказали Ленину, когда встретились с ним в коридоре Смольного.

Владимир Ильич внимательно выслушал собеседников и посоветовал им «походить по улицам, послушать, что говорят солдаты...»

«Четыре дня пробыла я тогда в Петрограде, но узнала за эти дни очень много, чего порой и за несколько лет не узнаешь», — писала потом А. Г. Кравченко. Она вернулась в Мотовилиху твердо убежденной в том, что ленинская позиция абсолютно верна: мир с немцами — любой, пусть самый тяжелый мир — необходим для спасения завоеванной революции. И она сумела убедить в этом мотовилихинских большевиков.

Анна Григорьевна очень скупно и скромно рассказывает о своей жизни, хотя рассказывать ей есть о чем — об участии в революции 1905—1907 годов, о работе секретарем Пермского комитета большевиков в 1917 году, о большой просветительской работе в Наркомпросе, в журналах и газетах, в частности, — о редактировании уникальной «Крестьянской газеты для начинающих читать», о своих литературных трудах в первые годы Советской власти... Кандидат педагогических наук А. Г. Кравченко была одним из инициаторов издания педагогических сочинений Н. К. Крупской и принимала непосредственное участие в подготовке текста и примечаний седьмого, восьмого и девятого томов.

...Издательская аннотация к документальной повести В. Коновалова «Елена» (Одесса, 1969) начинается такими словами:

«О ней еще при жизни слагались легенды. Дважды в газетах появлялись некрологи. Председатель Всеукраинского ЦИКа Г. И. Петровский произнес о ней посмертное слово, правительство Советской Украины на своем заседании почтило ее память, а она вновь и вновь появлялась среди революционных борцов и снова готова была идти на какую угодно опасность».

Это сказано о бывшей слушательнице Бестужевских курсов Софье Ивановне Соколовской. 19 января 1918 года в Чернигове была установлена Советская власть и первым председателем губернского исполкома стала 23-летняя Соколовская. Когда же Украину оккупировали австро-германские войска, большевичка Соколовская ушла в подполье; сначала работала в Киеве, потом — в Одессе: секретарем подпольного обкома партии и членом президиума исполкома, вела пропаганду среди высидившихся в Одессе французских, румынских и греческих солдат...

И вместе с тем она могла с шиком поддыхать на роскошном фаэтоне к комендатуре занятого врагом города Очакова, снисходительно кивнуть потребовавшему было пропуск солдату и небрежно отстранить его, ошарашить коменданта своей блестящей наружностью и, представившись вдовой херсонского помещика Лысенко, пожаловаться, что мужики грабят ее имение, а охрана бессильна, ибо плохо вооружена. «Я надеюсь, господин офицер поможет женщине. В Очакове, я слышала, много оружия»... В тот же день подводы с оружием направились со склада прямо к партизанам.

Роль вдовы помещика Лысенко была в этом рискованном спектакле сыграна Соколовской блестяще. Но случалось, что она попадала в серьезные переделки. «В Одессе была дважды арестована, но оба раза бежала от белогвардейской расправы», — писала она в своей биографии.

После гражданской войны Елена Кирилловна Соколовская (подпольная кличка стала ее настоящим именем) была на партийной работе.

В Сибири под именем Власовой работала бестужевка-большевичка Барвара Александровна Васильева. В дни колчаковщины она вела подпольную работу в Омске, Томске, Чите; затем жила во Владивостоке и была избрана членом областного комитета партии, в последние годы жизни была директором киностудии «Мосфильм».

Во Владивостоке в то время оказалось несколько бывших слушательниц Бестужевских курсов. Советская власть была установлена в городе 18 ноября (1 декабря) 1917 года, а через четыре месяца тут высадились японские, американские и английские войска. Потом хозяйничали белочехи. Обстановка была сложной.

Первое слово — о Марии Владимировне Сибирцевой, матери двух героев, один из которых был вместе с Сергеем Лазо сожжен в паровозной топке японцами, а второй погиб в бою под Хабаровском. В дни реакции М. В. Сибирцева укрывала на конспиративных квартирах подпольщиков и партизан, ездила с важными заданиями в Читу и в Харбин. Образованная, волевая и умная женщина, поборница справедливости, она воспитывала детей в духе верности народу. С 1910 до 1918 года (то есть с девяти до семнадцати лет) в семье своей тетки М. В. Сибирцевой жил Саша Фадеев — будущий выдающийся советский писатель.

В Приморье в дни хозяйничания белочехов под флагом легальной организации Рабочий Красный Крест действовала хорошо законспирированная группа подпольщиков. Она держала связь с брошенными в тюрьмы большевиками, снабжала их одеждой, обувью, продовольствием, медикаментами, литературой. Секретарем комитета Красного Креста была бестужевка Зоя Секретарева — Зоя Большая (в отличие от Зои Маленькой — З. Станковой). Казначеем в комитете была другая бестужевка — Таня Цивилева («Девушка с портфельчиком» или «Куропаточка»). В помещении городской управы, на антресолях, где в статистическом управлении работала Т. Цивилева, они среди бела дня ухитрялись изготовлять паспорта, временные удостоверения, пропуска для товаршей, которые вынуждены были скрываться от преследования властей.

В 1919 году З. И. Секретарева редактировала партизанскую газету в Анучино, работала в ряде других

большевистских газет, а позднее, в Чите, была секретарем Совета Министров Дальневосточной республики. Александр Фадеев писал о З. И. Секретаревой, что она «оказала большое идейное влияние на целую группу демократической учащейся молодежи в 1918 году, стихийно подходившую к большевизму, и помогла оформить их мировоззрению». Очень лестно, как о «кристально чистом, честном человеке, преданном партии и народу», он отзывался и о Т. К. Цивилевой.

В дни становления Советского государства бывших слушательниц Бестужевских курсов можно было видеть на важнейших постах и в ряде других районов страны. На Украине в наркомате продовольствия проявила свои организаторские способности Вера Степановна Арнольд (Житкова), в Азербайджане на руководящей партийной работе была Фарандзем Минаевна Кнуянц-Ризель. В Нижнем Новгороде в первые годы революции членом президиума Новгородского Совета и членом губкома партии была Александра Васильевна Савельева-Гусарова, в Московском Совете работала Ольга Павловна Ногина...

Борьба за защиту завоеваний Октября была тяжелой, и некоторым бестужевкам стоила жизни. Попали в руки белогвардейцев и были расстреляны под Златоустом большевички Татьяна Боголепова и Александра Лихачева, стали жертвами эпидемий Конкордия Николаевна Самойлова и Ольга Ивановна Чачина...

Имена ряда бывших слушательниц Бестужевских курсов — активных участниц революционного движения — увековечены в названиях улиц, фабрик, школ...

Сцена из спектакля «Гибель самодержавия», в роли В. И. Ленина — Юрий Тарич. 1924 г.

АКТЕР

ИЗ КУРСАНТСКОГО ТЕАТРА

**Акиндин
ВШИВКОВ**

В журнале «Уральский следопыт» № 3 за 1977 год с интересом и волнением прочитал я в рубрике «Следопытский телеграф» информацию «Кто ты, кремлевский курсант?» — о первом исполнителе роли Ленина на сцене.

Сообщу, что видел, знал и слышал об этом человеке, с которым был хорошо знаком в годы учебы и службы в Объединенной военной школе имени ВЦИК РСФСР в Московском Кремле. Этим человеком был Юрий Викторович Тарич.

Ю. В. Тарич (Алексеев) родился 24 января 1885 года в древнем городе Полоцке. Отец — артиллерийский офицер; в семье шестеро детей, Юрий — старший. Следуя семейной традиции, отец собирался определить сына в артиллерийское училище. Однако мечтам этим не суждено было сбыться. Вопреки родительской воле сын избрал другой путь.

Будучи гимназистом, Юрий сблизился с революционно настроенными студентами (семья в то время жила в Варшаве), которые целью своей жизни видели в борьбе с самодержавием. «Я твердо решил, — писал Юрий домой, — наперекор желаниям отца идти в университет, бежать из дому в Москву». Юрий поступил на юридический факультет Московского университета. Учиться без материальной поддержки было крайне трудно; лихорадочная беготня по зажиточным домам в поисках уроков не давала уверенности в завтрашнем дне. Как ни горько было смириться с мыслью оставить учебу, с университетом пришлось расстаться.

Тарич поступает в передвижной госпиталь Красного Креста санитаром и едет на Дальний Восток. Больше года провел молодой санитар в Маньчжурии. Работа во фронтовом лазарете была серьезным испытанием

Режиссер Ю. Тарич

для девятнадцатилетнего юноши. Он увидел всю жестокость войны: кровь, слезы народа, горе, он был свидетелем разгрома царской армии под Мукденом.

Вернувшись в Варшаву, Юрий установил связи со студентами Военно-медицинской академии, руководителем революционно настроенной молодежи С. Багацким, с которым познакомился еще в гимназистские годы. По рекомендации Багацкого его принимают в варшавскую военно-революционную организацию РСДРП, руководимую Ф. Э. Дзержинским. Тарич активно включается в революционную работу.

Винная лавка на улице Павлинской, в которой служила после смерти отца его мать, стала явочной квартирой членов организации. Царской охранке удалось напасть на след революционеров. По доносу провокатора было схвачено несколько человек, в том числе и С. Багацкий. В декабре 1905 года арестовали и остальных участников. Тарич и его друзья оказались за решеткой.

Через полтора года тюремного заключения в варшавской цитадели последовала ссылка в Сибирь, в Тобольскую губернию. Новым местом жительства неблагонадежного юноши с незаконченным университетским образованием стала глубокая таежная деревня на Иртыше — Тара: от названия ее и возник псевдоним Тарич.

Годы, проведенные в ссылке, во многом определили будущее Юрия.

Именно здесь, в Сибири, начинается его творческий путь. В поисках средств к существованию молодой ссыльный поселенец осенью 1907 года устраивается на работу статистом в провинциальном театре в городе Тобольске. Через месяц режиссер, обративший внимание на незаурядные способности новичка, предложил ему место в театре. Тарич соглашается, хотя смотрит на это как на занятие временное. Однако вскоре работа в театре целиком захватила молодого актера.

Увлечение театром не прошло и после возвращения из ссылки. На сцене провинциальных театров Читы, Благовещенска, Хабаровска, Тамбова он исполняет роли классического репертуара: Хлестаков в «Ревизоре», Молчалин в «Горе от ума», Астров в «Дяде Ване», Лазрт и Яго в пьесах Шекспира... Попытка Тарича снова поступить в университет не увенчалась успехом: университетское начальство считало абитуриента личностью слишком подозрительной, принадлежащей к «сеятелям смуты».

К этому времени относится первый литературный опыт Юрия Викторовича (если не считать нескольких корреспонденций, отправленных в газету «Варшавский дневник» с фронта русско-японской войны). Он пишет рассказы, очерки, завершает работу над пьесой «Изгнанники», в которой рассказывает о том, что видел и пережил в ссылке. В 1914 году создает сценарий для фильма «Трагедия семьи Набатовых» — это его первая работа для кинематографии. Он даже снялся в фильме «Пятый этаж» у кинопредпринимателя А. Талдыкина; но эти работы продиктованы случайными обстоятельствами и сколько-нибудь серьезного значения в творческой биографии Ю. В. Тарича не имеют. Подобных душещипательных кинодрам в те годы создавалось немало.

С августа 1914 года, когда началась первая мировая война, Тарич опять в действующей армии. На фронт он попал канониром на правах волноопределяющегося. Служил в артиллерийской бригаде, где получил звание прапорщика, а к концу войны — поручика. Был командиром взвода, начальником связи бригады. Перед Февральской революцией, находясь в отпуске в Москве, Тарич принимал участие в выступлениях военно-революционных частей у здания Городской думы на Вознесенской площади (ныне площадь Революции). В должности коменданта этапно-продовольственного пункта кормил революционные войска, переправлял в Бутырскую тюрьму арестованных жандармов.

Вернувшись на фронт летом 1917 года, Тарич попадает в водоворот острых столкновений, митингов,

споров — в армии происходит расхождение. Тарича избирают сначала в батареиный комитет, а затем председателем дивизионного комитета гренадерской дивизии. Об Октябрьской революции он узнает от солдат своего взвода. Именно тогда, в решительной борьбе политических страстей, был решен для него вопрос: «С кем я — с «золотыми погонами» или с солдатской массой?»

После свершения революции Тарич демобилизовался из армии. Он много работает. Игра в театре Революции, в театре Краснопресненского района, выступления на сцене Дома народа им. Петра Алексеева... По-прежнему пробует силы на литературном поприще. В 1919 году осуществляется давняя мечта Тарича-литератора: его пьеса о политзаключенных «Изгнанники» получила сценическое воплощение. Премьера состоялась в Доме народа. Автор сам выступал в главной роли — рабочего-большевика Андрея. Хотя пьеса «Изгнанники» не отличалась высокими художественными достоинствами (основные образы в ней решены плакатно), она имела общественный резонанс, так как ее автор одним из первых пытался вдохнуть в драматургию новое, революционное содержание.

Активная деятельность Тарича на подмостках сцены в качестве режиссера и актера, удачный дебют в драматургии сделали его известным в театральных кругах.

В 1920 году Юрий Тарич стал одним из руководителей Курсантаского театра в Московском Кремле. Театр был организован вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, он обслуживал пулеметные курсы красных командиров, которым была поручена охрана Кремля. На одном из литературно-музыкальных вечеров театра присутствовал В. И. Ленин. Частыми посетителями были М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, А. В. Луначарский и другие партийные и государственные деятели.

Театр был организован при курсантском клубе им. Свердлова, для которого ВЦИК предоставил Малый Николаевский дворец и знаменитый круглый Митрофаньевский зал. Пьесы ставились небольшие — пьесы-агитки: «Разруха», «Марат», «Взрыв на Леонтьевской». Был и классический репертуар — «Ревизор», «Женитьба», «На дне», «Бедность не порок».

Значительное место занимали также пьесы-хроники, в которых использовались отрывки из литературных произведений, исторические документы, газетные сообщения. Так, режиссер А. Ставрогин написал и поставил «Курсанты в деревне», «Ураган»; М. Нароков создал небольшую пьесу, положив в ее основу стихотворение Э. Вержарна «Восстание»; А. Роом написал и поставил

историческую хронику «Отклики на смерть В. И. Ленина»; Ю. Тарич для своего театра написал «Смерть Гапона», «Красный трибун» («Гибель Жореса»), «Народовольцы» и другие.

Но самым знаменательным в жизни Курсантского театра стал спектакль «Гибель самодержавия». Он был поставлен Таричем по его пьесе 28 февраля 1924 года. В пьесе отображены отдельные моменты февральского переворота, борьбы большевиков с Временным правительством.

В этом спектакле, впервые на сцене, был воплощен образ Владимира Ильича Ленина. В финале звучала речь Ленина, которую он произнес с балкона дворца Кшесинской. В роли Ленина выступал Юрий Викторович Тарич.

Мы, курсанты, очень хорошо помним, сколько волнений переживал весь коллектив кружковцев в день премьеры (я там тоже участвовал — в массовой сцене). На спектакль ждали сотрудников кремлевских учреждений, видевших Ленина повседневно. В зале сидели курсанты, часто встречавшие его в стенах Кремля, и те из них, что стояли на постах №№ 4 и 27 — у кабинета и квартиры Ильича.

А когда перед началом за кулисами прошел слух, что в зал вошли Н. К. Крупская и М. И. Ульянова, наше волнение достигло самого высокого напряжения. Ответственность, которая лежала на нас в этот памятный вечер, была огромна; понятно, с какой радостью мы встретили прибежавших за кулисы взволнованных курсантов, «подслушавших», как Мария Ильинична говорила: «Ленин на сцене очень похож на живого Ильича»...

Спектакль «Гибель самодержавия» шел буквально спустя месяц после трагических и скорбных дней, когда вся страна провожала в последний путь вождя революции. Нетрудно представить себе, с каким волнением зрители воспринимали появление на сцене «живого» Ильича, который стремительной походкой выходил на сцену и произносил речь. Сохранились фотографии: весь подавшись к слушателям, с энергично выброшенной вперед рукой — поза, жест выступавшего Ленина напоминали известную скульптуру «Ленин на броневике».

Представление о многогранной деятельности Ю. В. Тарича в Кремлевском театре не может быть полным без упоминания об еще одной стороне его творческой работы в этот период — организации и художественном руководстве так называемых «массовых действ». В после-революционные годы шли поиски новых монументальных форм народных празднеств. На городских площадях и улицах в Первомай и Октябрьские праздники нередко ус-

раивались театрализованные зрелища, в которых принимали участие большие коллективы артистов, красноармейцев, рабочих. В Москве в них непременно участвовал Курсантский театр.

Первое выступление на московских улицах было проведено во время суда над эсерами в 1922 году. Совместно с работниками Замоскворецкого района курсанты организовали своего рода карнавальное шествие с плакатами и карикатурами, направленными против контрреволюционных действий эсеров. Автором-постановщиком грандиозного представления был Ю. В. Тарич. Завершалось празднество турниром на конях представителей двух эпох: феодального рыцаря и советского красноармейца. После поражения рыцаря из Никольских ворот вышли на ходулях с огромными масками на головах посланцы самодержавия: торговцы, фабриканты, черносотенцы. С Красной площади эта кавалькада под смех прохожих проследовала по Тверской улице до бывшего генерал-губернаторского дома. Смысл шествия хорошо доходил до каждого зрителя — со сцены истории удалялись призраки былой власти.

О масштабности подобных праздничных игрищ можно судить по тому, что в разных концах площади устанавливались полевые телефоны, при помощи которых велась программа. Иногда в программе указывалось: «Не пугайтесь, стрельба будет холостыми патронами...» Массовые инсценировки привлекали огромное количество людей, которые с интересом следили за развитием сюжета, живо откликались на все перипетии классовый борьбы.

Опыт, приобретенный Ю. В. Таричем в Курсантском театре, сыграл немаловажную роль в его творчестве в последующие годы, когда он связал свою судьбу с кинематографом. Именно здесь, в киноискусстве, с наибольшей полнотой раскрылся талант Тарича.

По приглашению руководства белорусских кинематографистов он в 1928 году становится у истоков белорусского кино. В октябре 1943 года Тарича приглашают в Монгольскую Народную Республику — художественным руководителем киностудии «Монголкино»; он создает там фильмы «Монголия», «Степные вязы» («Цокту-Тайтжи»). За свою жизнь Юрий Викторович поставил двадцать полнометражных фильмов. Последние годы работал на студии «Союздетфильм» в Москве.

Заслуженный деятель искусств РСФСР и БССР, Юрий Викторович Тарич ушел от нас на 83-м году жизни, шестьдесят лет отдав служению искусству.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ КУРЬЕЗ

В мае 1908 года за принадлежность к революционным организациям в Тобольскую губернию был выслан студент Петербургского горного института Николай Черницын, впоследствии крупный ученый и один из основателей горноспасательного дела в России. Тобольский губернатор определил его в Березовский завод. Но ввиду болезни Черницына ему разрешили временно остаться в Тобольске.

Ранним июльским утром ссыльный прибыл в Тобольск на пассажирском пароходе «Казанец». В августе он покинул город на том же пароходе «Казанец». Надзиратель, который присматривал за ссыльным студентом, узнал о побеге лишь на следующий день. Имея строгое предупреждение за побег другого политзаключенного, полицейский на этот раз решил умолчать о случившемся. И никто не хватился Черницына.

А студент в это время вернулся в центральную Россию, закончил институт и стал горным инженером.

И вдруг спустя пять лет тобольский губернатор направил розыскную ведомость в департамент полиции. Оказывается, при аресте у Черницына тогда отобрали фотографии и лишь через год охранка выслала их в Тобольск для возвращения поднадзорному. Но Черницына не оказалось на месте.

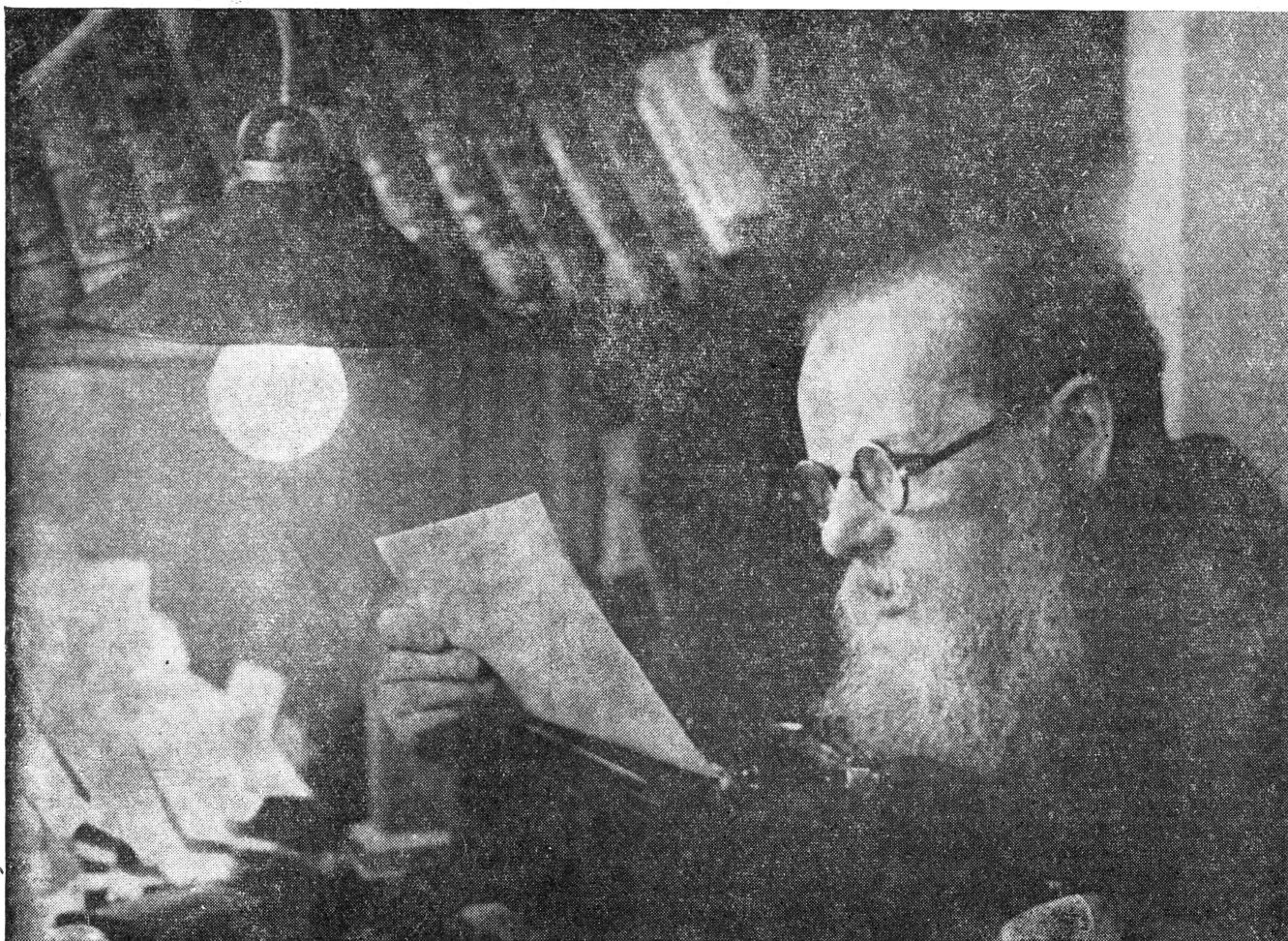
В июне 1911 года потребовали от тобольского полицмейстера сведений о времени побега Черницына из города.

Но лишь в феврале 1913 года из полиции ответили: «Когда выехал и куда именно, сведений нет...»

Как ни дорога была честь мундира, губернским властям пришлось объясняться перед вышестоящим начальством. Виновных наказали. А за инженера Черницына заступился совет съезда горнопромышленников юга России, и его оставили в покое.

Исай
КАПЛУН

Павел Петрович Бажов.

Январь 1946 г.

НАШ БАЖОВ

Иван
ТЮФЯКОВ

Фото автора

По роду своей профессии мне часто приходилось встречаться со многими интересными людьми. Однако встречи с Павлом Петровичем Бажовым и совместные поездки с ним по районам Свердловской области в моей памяти занимают особое место.

Впервые фотографировать Бажова мне довелось в январе 1939 года. Только что вышла из печати «Малахитовая шкатулка».

В марте 1939 года в Свердловск приехали поэты Сергей Михалков и Константин Симонов. На лацканах их пиджаков поблескивали новенькие ордена. Лишь месяц назад большая группа советских писателей была удостоена высоких наград. Когда москвичи беседовали с Пав-

лом Петровичем Бажовым, я их, всех троих, и сфотографировал.

28 марта 1941 года свердловчане (среди них был и П. П. Бажов) встречали на вокзале Александра Серафимовича Серафимовича. 2 апреля состоялась дружеская беседа между А. С. Серафимовичем и П. П. Бажовым. Эта встреча также была снята на пленку.

Потом началась Великая Отечественная война. Я ушел на фронт. В письмах жены иногда получал приветы от Бажова. При встречах с ней он каждый раз спрашивал:

— Как Ванюша? Кланяйся ему.

Летом 1943 года на фронте мне вручили увесистую бандероль. Жена прислала несколько номеров газеты «Уральский рабочий» и сборник рас-

сказов военного времени, изданный в Свердловске. В сборнике были напечатаны и новые сказы П. Бажова. В часы затишья я читал солдатам своего подразделения отдельные статьи из этого сборника и сказы Бажова.

В 1945 году после демобилизации я вновь вернулся к своей старой профессии — фотокорреспондента. Через год, в январе, Павел Петрович был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. По заданию редакции «Уральского рабочего» я с фотоаппаратом отправился к нему домой. То была наша первая послевоенная встреча. До этого я в доме Бажовых по улице Чапаева никогда не бывал. Павел Петрович встретил меня с большим радушием. Одет он был просто, по-домашнему. В его рабочем кабинете вдоль стен стояли длинные высокие книжные шкафы. Поразил меня небольшой письменный стол-конторка — он был весь завален письмами. На столе стояли пишущая машинка и старинная настольная лампа с зеленым абажуром. Всюду в комнате лежали образцы руд и минералов. Сначала мы душевно поговорили, а затем я взял в руки камеру. Сфотографировал Павла Петровича за письменным столом, с внуками Аликсом и Володей, гостившими в то время у деда. Попросил Павла Петровича надеть пиджак и приколоть ордена — хотел сделать официальный портрет.

— Не надо, ну для чего эта парадная шумиха, — запротестовал Павел Петрович. — Снимайте в таком виде, как есть.

Но все-таки уступил моим просьбам. Я помог ему приколоть орден Ленина и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Это был единственный случай, когда Бажов фотографировался с орденами.

В послевоенные годы мне еще не раз приходилось снимать Павла Петровича среди молодежи и школьников, с писателями и журналистами, на различных совещаниях.

Однажды Павел Петрович подарил мне книгу «Малахитовая шкатулка» с автографом: «Ивану Николаевичу Тюфякову на добрую память о многочисленных встречах при фотоаппарате.

6 февраля 1950 г. П. Бажов».

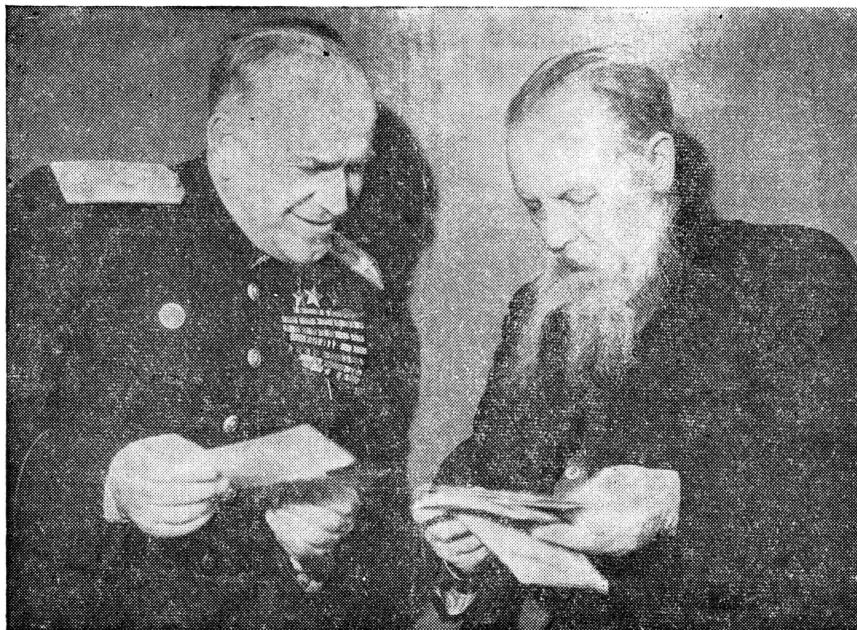

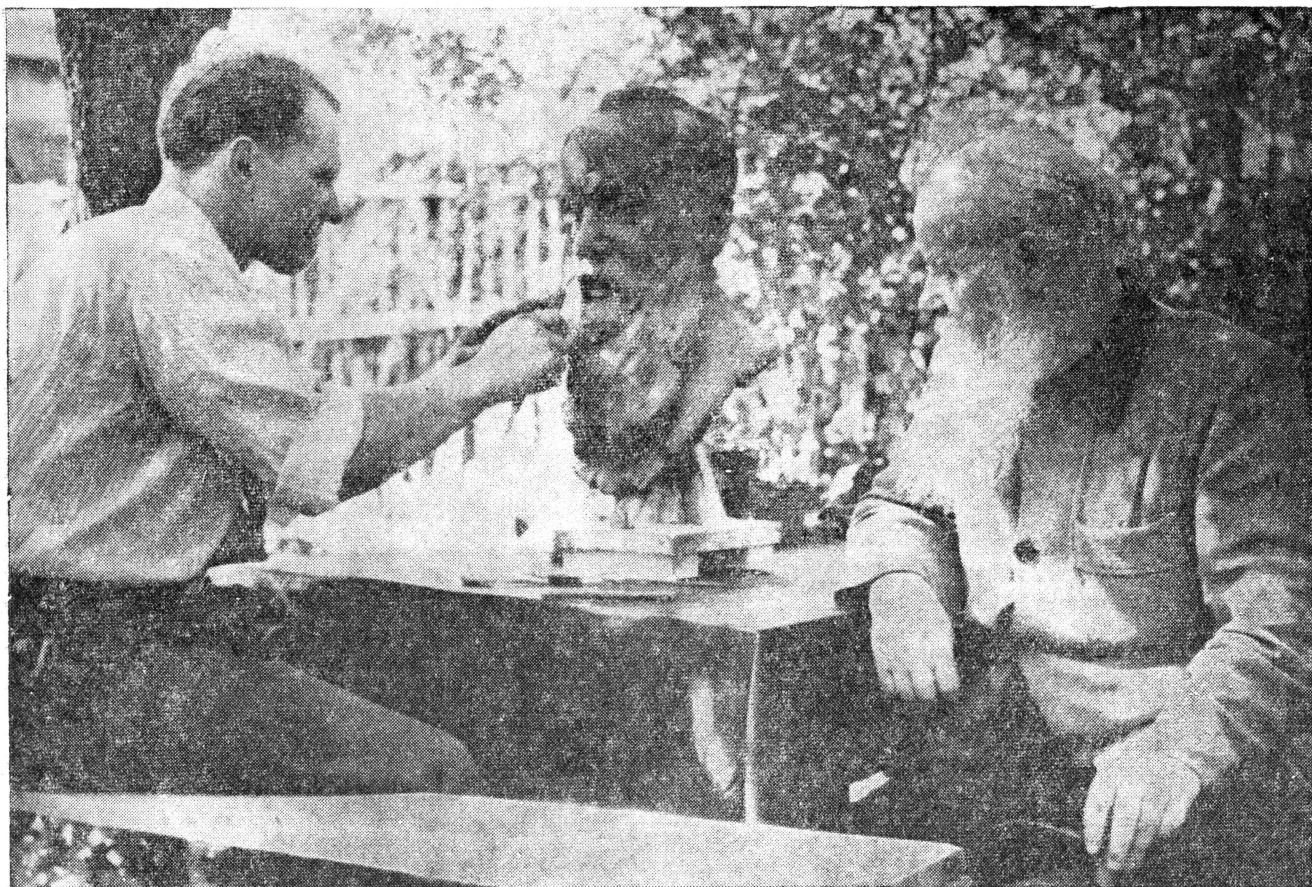
С. В. Михалков, П. П. Бажов и К. М. Симонов.

Март 1939 г.

П. П. Бажов и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Март 1950 г.

Нижнетагильский скульптор М. П. Крамской за работой над бюстом П. П. Бажова.

Июль 1950 г.

Бажов был невысокого роста, с белой пушистой бородой, живыми выразительными глазами, всегда общительный и добрый. До сих пор отчетливо слышу его тихий, мягкий, немного глуховатый голос. Вижу его неторопливую походку. Своей внешностью он как бы сам напоминал сказочного героя.

Фотографировать Павла Петровича было легко и просто, не приходилось придумывать позу, искать ракурсы или выражение лица. Он был хорош именно в своей типично бажовской позе. Во всем его внешнем облике была сама простота. Во время работы, беседы или отдыха он любил на что-нибудь облокотиться, при этом голова всегда была немного опущена вниз, на собеседников он глядел чуть исподлобья.

В конце сороковых годов Уральским военным округом командовал прославленный полководец Маршал Советского Союза Георгий Константи-

нович Жуков. С Жуковым мне приходилось встречаться в основном 1-го мая или 7-го ноября на военных парадах. Мне очень хотелось сфотографировать его вместе с Бажовым. Но как-то все не было подходящих моментов. Наконец, такая возможность представилась. 20 февраля 1950 года в здании Свердловской филармонии проходила городская партийная конференция. В президиум конференции были избраны Жуков и Бажов. В перерыве я пригласил Бажова в отдельную комнату, а затем пошел за Жуковым. Но маршал заявил, что его фотографировали бесчисленное количество раз, ему уже надоело позировать, но сфотографироваться рядом с Бажовым согласился. При мне были фотографии, принесенные для Бажова, и пока они их рассматривали, я сделал несколько снимков.

Мне довелось быть свидетелем необычного события. Павел Петро-

вич позировал тагильскому скульптору Михаилу Крамскому, единственному из художников, которому посчастливилось работать над бюстом Бажова с живой натуры. Это событие я тоже запечатлел.

Когда работа над бюстом была закончена, Бажов, глядя на свой скульптурный портрет, в шутку произнес:

— Вот и у меня появился двойник. Теперь всех корреспондентов буду направлять к нему.

3 декабря 1950 года Бажов умер. Похороны состоялись 10 декабря. Казалось, весь Свердловск вышел проводить в последний путь своего любимого писателя. В этот день я сделал свои последние снимки — снимки прощания с Бажовым.

ВСЕГО ОДНО УТРО ...

Владимир
ГУБАРЕВ

Рисунки
С. Сухова

О друзьях журналисты не любят писать, не принято. Вот уже лет пять не могу сесть за машинку, чтобы рассказать о замечательном человеке и конструкторе, его удивительной судьбе. Он известен широкой публике как Алексей Иванов — автор книги «Первые ступени», как очеркист, рассказавший на страницах журналов и газет о Сергее Павловиче Королеве, о космонавтах. В мире науки он конструктор и ученый, смелый, решительный. Медаль лауреата Ленинской премии, высокие правительственные награды — это свидетельство его вклада в развитие космонавтики. Боевые ордена — это за войну.

Однажды в канун 12 апреля мы, наконец-то, встретились с Ведущим конструктором «Востока», чтобы вспомнить о тех днях, о Королеве, о Гагарине, о первом старте... Перечитав стенографическую запись нашей беседы, я решил, что она сама по себе имеет право на жизнь...

— Недавно я получил письмо. Вот несколько строк из него: «В старой хронике видел Гагарина. Подумал: мы ведь последнее поколение, заставшее его полет, его триумф. А друзья моего младшего брата, школьники, знают его только по фильмам и книгам». Не правда ли, быстро бежит время, ведь такое ощущение, что 12 апреля того года было так недавно...

— Да, вроде бы недавно, а мы постарели. Сердце уже дважды сдавало.

— А память?

— Человек помнит лучшее. Иногда удивляюсь, насколько близки те дни. Память их бережно хранит.

— Только их?

— Ну, нет, конечно. И военные тоже. Фронтовики всегда помнят своих командиров, товарищей, а вот иные люди уходят из памяти быстро. Если люди делят радость и горе поровну, они становятся родными. Пожалуй, во многом война и космонавтика определили мою жизнь...

— ...И если бы пришлось начать ее вновь?

— Не отказался бы ни от единого часа, хотя много было трудных, жестоких минут.

— Но ведь понимания величия событий не было в то время.

— Согласен. Ты любишь Валерия Брюсова?

— Мне он кажется слишком рассудительным, мало эмоций.

— А разве это плохо? Я люблю Брюсова, разве плохо он сказал: «Грандиозные события почти неощутимы для непосредственных участ-

Журналист Владимир Губарев, лауреат премии Ленинского комсомола, был свидетелем большинства стартов в космос... «Поехали!» — так называется новая книга, над которой он работает, в ней рассказывается об основных событиях в космонавтике — от первого спутника до полета «Салюта-6».

ников: каждый видит лишь одну деталь, находящуюся перед глазами, объем целого ускользает от наблюдения. Поэтому, вероятно, очень многие как-то не замечают, что человечество вошло в «эпоху чудес».

— Но ведь ты был Ведущим конструктором «Востока». Как бы по должности положено видеть больше других.

— И все-таки невозможно оценить высоту пирамиды, если стоишь у ее основания. Для оценки сегодняшнего дня нужно взглянуть на него из будущего. Запустили мы первый спутник, понимали, конечно, значение этого события, но не ждали такой реакции. И вдруг: «новая эра», «космическая эпоха человечества». Честно говоря, не думалось об этом. Вот помню, вес — 83,6 килограмма. Однажды в цехе рабочие установили на весы подставку и осторожно опустили на нее «пээсик» («простейший» — так называли мы первый спутник). Девушка-лаборантка записала в графе «вес» — 83,6. А оказалось: эта цифра — сенсация! Свидетельство мощности ракеты, совершенства советской науки и техники.

— Мы невольно перескочили из 61-го года в 57-й...

— Триумф Гагарина начался для человечества 4 октября 1957 года.

— В таком случае уйдем еще дальше, за ту грань, которая отделяет «космический вкус» от «земного». Но историю космонавтики оставим историкам. Когда для тебя начался космос?

— Ты прав, оговориться нужно: речь идет не об истории развития ракетно-космической техники, а о личных впечатлениях человека, работавшего почти пятнадцать лет в коллективе, которым руководил Сергей Павлович Королев... Итак, первый день.

— Как первая любовь?

— Нет, пока всего лишь «первое свидание». Любовь пришла позже... В конце рабочего дня заглянул ко мне один из ведущих инженеров нашего конструкторского бюро. Сел на диван и повел в общем-то обычный разговор, мол, интересно, конечно, работать в КБ, но участвовать на производстве в создании совсем нового гораздо лучше. Я сразу почувствовал, что собеседник все это говорит неспроста...

— Это было в 57-м году?

— Да, летом... А потом он выкладывает главное: «Давай вместе работать!» «Кем?» — спрашиваю. «У меня замом, а я назначен ведущим конструктором первого спутника. Если, конечно, Сергей Павлович мою идею поддержит». Подумав, я согласился, хотя о будущих обязанностях имел скудное представление.

— А что, прежняя работа не нравилась?

— Знаешь, иногда нужно встряхнуться, испытать себя в новом деле, рискнуть. По-моему, это чисто мужская черта.

— Значит, ты не подсчитывал «за» и «против»?

— В тот же вечер мы были у Королева. «Ну, что,

договорились?» — спросил он. Я пробормотал вроде того, что для меня все это ново. «А вы думаете, все, что мы делаем, для нас не ново?» — сказал Сергей Павлович. — На космос думаем замахнуться, спутники Земли делать будем — не ново? Человека в космос пошлем, к Луне полетим — не ново? К другим планетам отправимся — старо, что ли? Или вы думаете, что все это знакомо, и у меня есть опыт полетов к звездам?» Мне показалось, что Королев говорил грубовато, даже обиженно. Видно, ему часто приходилось высказывать подобные мысли. И он вынужден был вновь и вновь повторять столь для него очевидное. Я молчал. «Эх, молодость, молодость!» — сказал он. — Впрочем, это не главный ваш недостаток! Так что же, беретесь?» Я кивнул головой. «Ну вот и добро. Желаю всего хорошего и до свидания. Меня еще дела ждут». Мы вышли из кабинета около одиннадцати часов вечера.

— «Всякое начало трудно». Но в подобном положении оказались все участники создания первого спутника. Это, наверное, немного облегчило «вхождение в должность»?

— Да как сказать! В общем-то крутилось обычное колесо нового заказа. Ругались, спорили, работали. Поначалу даже сложилось впечатление, что занимаемся обычным делом, пока Сергей Павлович не показал нам иное.

— Он активно вмешивался в ваши будни?

— Главный решал кардинальные проблемы. Но не упускал и мелочей. Впрочем, мелочами это казалось на первый взгляд, а потом, подумав и поразмыслив, можно было понять, что происходила психологическая перестройка, иная культура работы требовалась от людей.

— Не будем останавливаться подробно на технических проблемах, связанных с созданием спутника. Хочется понять отношение Сергея Павловича к своему космическому первенцу, его метод руководства.

— Сергей Павлович знал все, но вмешивался лишь в крайних случаях. И ставил новые задачи, когда работа завершалась. Помню последнее совещание перед отправкой спутника на космодром... Разговор большой и, прямо скажем, не простой. Ведущий докладывает об итогах испытаний ракеты и спутника. Но вместо «объект — ПС», дважды говорит «объект — СП». Сергей Павлович вдруг перебивает его: «СП» — это я, Сергей Павлович, а наш первый, простейший спутник — это «ПС»! Прошу не путать». Напряженность на заседании сразу же снялась... Он прекрасно чувствовал атмосферу, когда нужно, ругал беспощадно, но если для пользы дела нужно было смягчить разговор, поддержать человека, Королев умел это делать.

— Он умел скрывать свое настроение?

— Не всегда. Он щедро делился не только идеями, но и чувствами. Это непосвященному могло казаться, что Сергей Павлович невыдержанный человек. Он жил в кол-

лективе, зачем же скрывать от своих соратников и друзей чувства? Пожалуй, только волнение он оставлял себе...

— И вы это замечали?

— Перед самым стартом площадка возле ракеты пустеет. У ракеты остаются Сергей Павлович, его замы, испытатели. Королев останавливается и смотрит на ракету, словно прощается с ней...

— 4 октября я, например, ехал в поезде с целины. Мы, группа студентов, возвращались с уборочной. Вдруг сообщение о запуске первого спутника! Это было настолько необычно!

— Да, мир не смог сразу оценить, что вступил в новую эру. Мы сидели в тесном фургончике и ждали сигнал из космоса. Спутник должен был завершить первый виток. Наконец кто-то произносит: «Вроде слышу». И мы закричали: «Есть! Есть! Есть! Летит!»

— Потом отпраздновали это событие в «узком кругу»?

— Собралось несколько человек вечером. До самолета оставалось два часа, надо было возвращаться к космодрому. Наскоро, по-фронтовому, выпили по чарке, поздравили друг друга.

— По-фронтовому?

— На фронте как: выйдешь из боя, короткий отдых, праздник, если получаешь орден или благодарность Верховного Главнокомандующего,— а потом снова в бой.

— Чем дальше уходит от нас война, тем чаще мы возвращаемся к ней.

— Бесспорно... Наши характеры выковывал фронт. В космонавтику пришли фронтовики. Они не считались ни со временем, ни с трудностями,— ведь для нашего поколения эти сложности оказались несравненно меньшими, чем военные.

— Я это почувствовал по твоим фронтовым дневникам.

— Многие писали тогда, хотя и было запрещено...

— К счастью, дневники существуют. Романы, повести, рассказы о войне — одно, каждый человеческий документ — письмо или дневник — другое.

— Да ведь это собственно и не дневники. Так, некоторые заметки...

Из военных дневников Ведущего конструктора:
«В воскресенье мы вставали на час позже обычного. Но в 5 часов утра мы были разбужены раздавшимися неподалеку сильными взрывами. Так началась для меня война... Потом — отступление, тяжелое, изнурительное. Марш по 30—40 километров в сутки. Разрешалось брать в день из неприкосновенного запаса по 2 сухаря и по 1 куску сахара. 17 суток. 18 июля, ночью, мы — уставшие и изнуренные до крайности добрали до Броваров, это под Киевом, где собирались все разрозненные группы пограничников, выводимые командованием из боев».

— Война для тебя началась 22 июня 41-го года, а закончилась?

— Да, война для меня началась на западной границе. Я служил в погранвойсках. А закончил воевать 15 мая 1945 года под Прагой. Но особенно глубоко я почувствовал, что война окончена, когда стоял на Красной площади, и под барабанную дробь к подножию Мавзолея летели фашистские знамена.

— Окончилась война. А что потом?

— Потом? Потом демобилизация. Ранение сказалось. А с 1947 года в ОКБ у Сергея Павловича. И все послевоенные годы очень были похожи на военные. По напряжению, по темпу жизни.

В одной статье о тебе написаны такие слова: «Алексей Иванов, по-моему, перестал даже спать. Его можно было встретить в монтажно-испытательном корпусе и днем и ночью».

— Ну, это относится уже к 61-му году, когда готовился старт Гагарина.

Из военных дневников Ведущего конструктора:
«...После нескольких ночных маршей мы подошли к Дону, фронт на западном берегу которого был прорван частями пехоты и танков. Ночью, благополучно перейдя по льду Дон, мы устремились на предельной скорости в ворота прорыва, получив задачу как можно дальше углубиться в тыл противника. 19 января в 150 километрах за линией фронта взяли город Валуйки. Ранен. (1943 год).

...(1944 год). Рейд на Дубно через Млынув 17—18 часов. По дороге сильный артогонь. Есть убитые. Несмотря на то, что справа и слева немцы, идем вперед. Рвем нагло и нахально, вышли в район кирпичного завода».

12.2. Утром заняли окраину Дубно в районе церкви. Под сильным огнем «фердинанда» и станковых пулеметов сменили КП в район кладбища. Ночь в склепе на кладбище».

13.2. Бесперывные контратаки танков, самоходок и автоматчиков. Френкель убит, убит Космачев, Рахаев, Соколов, Пушкарев».

С утра опять отбивали контратаки танков и автоматчиков».

— В этом кошмаре я неожиданно встретился с Игорем Казанским, школьным товарищем-одноклассником. Несколько минут у нас было. Обнялись, расплакались. Слезы перемешались с грязью. А потом его танк рванулся, и наши дороги разошлись. Через пару часов Игорь был тяжело ранен. Увидеться вновь пришлось уже после Победы».

— Вы встречаетесь с однополчанами?

— Обязательно! И с товарищами по школе. Правда, от класса остались одни девчонки, а парней всего четверо. Остальных взяла война. Много талантливых ребят было — математиков, физиков. Как их не хватало нам, когда мы начали заниматься космосом, не хватало...

— Еще в начале 61-го года в печати появились статьи, что успехи космонавтики, конечно, грандиозны, но потребуется несколько лет для подготовки полета человека».

— Люди еще не привыкли к темпам технического прогресса. Это мы сейчас верим во всеильность науки и техники.

— А как начался полет Гагарина?

— Сначала просто человека. Гагарина еще не было. Однажды по диспетчерскому циркуляру мне передали: «Зайдите немедленно к Королеву!» В кабинете Сергея Павловича собрались руководители КБ, секретарь парткома, еще несколько человек. Королев был в черном костюме, с Золотой Звездой Героя. «Я только что вернулся из Центрального Комитета», — сказал Сергей Павлович. — Там очень интересуются ходом создания космического аппарата для полета человека. Все мы должны ясно себе представлять, какое доверие нам оказывается. Я прошу всех заместителей, всех руководителей отделов и завода, а также общественные организации самым тщательным образом продумать, как нам организовать работу.

— Тогда и родилось название корабля?

— Не помню, как возникло название «Восток». Кто именно первым его придумал — не знаю. Но мы все чаще писали его в документах и постепенно привыкли. «Восток» — было для нас условным обозначением корабля-спутника. Символом это слово стало после старта Гагарина.

— Споров на первом этапе было много?

— С избытком. Проектанты разрабатывали один вариант за другим, а к общему знаменателю так и не приходили...

— ...И устроили технический совет и все сразу решились?

— Нет, если бы так выявлялись наилучшие варианты, то потеряли бы еще несколько месяцев. Произошло иначе. Однажды в кабинет начальника проектного отдела зашел Сергей Павлович. Снял пальто, повесил шляпу и сказал: «Ну-ка, друзья мои, показывайте, над чем вы здесь «расползлись»? И когда это кончится? Понимаете ли вы, что мы больше ждать не можем, когда вы утрясете свои противоречия! Или вы думаете, что вам позволительно будет еще месяц играть в варианты?» Через три часа решение было принято.

— Терпение у Сергея Павловича кончилось?

— Пожалуй. Он чувствовал, на каком именно участке стопорится дело. И вмешивался.

— И для тебя как Ведущего конструктора наступили кошмарные дни?

— Для всех. Ведь создавался аппарат, которого ранее нигде не существовало.

— И он казался тебе красивым?

— Представь: в цехе главной сборки стоит космический корабль. На что он мог быть похож? Да, пожалуй, только сам на себя. Сравнить-то его не с чем. Он не подходил даже на предыдущие спутники и лунники. Корабль красив своей необычностью. Отойдешь в сторону, по-

смотришь на это рогато-космическое чудо, и удовольствие от сделанного рождается.

— Таким «Восток» увидели и космонавты?

— Нет, первый корабль еще не был «Востоком». Он стартовал 15 мая 1960 года. И будущим космонавтам увидеть его не пришлось. Но на заводе рождалась серия кораблей. Каждый из них становился совершеннее, ведь после испытаний мы постоянно вносили что-то новое.

— Это первое испытание в космосе было удачным?

— В принципе — да, хотя финал полета не получился. Трое суток мы изучали, как ведут себя все системы корабля, а затем была дана команда на спуск. Но подвела система ориентации — и вместо торможения корабль получил дополнительный импульс. Он перешел на другую орбиту.

— А как сказались неудача на Сергее Павловиче? Он, вероятно, был резок, взволнован?

— Напротив! Всех неудача удручала, а Сергей Павлович с большим интересом выслушивал доклады всех служб. А потом, как вспоминал его заместитель, с которыми они вместе возвращались на машине, не доезжая до дома, Королев предложил пройтись пешком. Было утро. Они медленно шли. Сергей Павлович возбужденно и даже, показалось, восторженно продолжал говорить о ночной работе. Он увлеченно рассуждал, что это первый опыт маневрирования в космосе, переход с одной орбиты на другую! Он чуть ли не был счастлив.

— Пожалуй, Сергей Павлович глубже всех понимал, что в науке и отрицательный результат чрезвычайно важен?

— Он, конечно, знал, что нечто подобное обязательно должно случиться. Он умел предвидеть, и из неудач, чтобы исключить их в будущем, старался делать глубокие выводы. Он мыслил, а мы предпочли эмоции...

— Последующее показало его правоту?

— Все было внимательно проанализировано, установлена причина. Ученые и конструкторы не имели права ошибаться, их незнание могло слишком дорого стоить. Ведь речь шла о человеческой жизни.

— А мастерство пилота-космонавта?

— Нельзя же было в первых полетах полагаться на умение и волю космонавта, так как неизвестно было, сможет ли он в условиях невесомости их проявить. Влияние невесомости на организм было совершенно не изучено. Поэтому и были запланированы запуски кораблей-спутников с животными. После них можно было определить, какую работу на орбите нужно отдать автоматике, а какую возложить на человека.

— Автоматический корабль-спутник, разве это не заманчиво?

— В то время — нет. Вопрос стоял о полете человека. Целесообразно было соединить возможности человека и автоматики, тогда результаты будут весомее. Но у нас в 60-м году еще не было «человеческого опыта», и этим

объясняется «перестраховка» при подготовке к полету человека.

— Когда ты поверил, что человек все-таки полетит?

— А ты знаешь, пожалуй, вот когда. Однажды получили мы от смежников темно-зеленый ящик. Ящик как ящик. Все обступили его. Щелкнули замки-крышки. Сразу же заглянули внутрь. А в ящике, выложенном изнутри мягким поролоном,—кресло космонавта. Не макетное. Настоящее.

— А когда же вы встретили его владельца?

— В тот же день! Не успел я толком рассмотреть кресло, как вдруг вызывают к телефону. Слышу голос Королева: «Я через несколько минут приеду. И учтите, не один приеду, а с «хозяевами»,—повторил он.—Вы поняли меня? И приготовьтесь к тому, чтобы товарищам «хозяевам» все рассказать и объяснить».

— А раньше о них—«хозяевах»—вы ничего не знали?

— Нам было известно—отобрана первая группа космонавтов и началась их подготовка. Рассказывали, что отбор летчиков шел с участием крупнейших биологов, медиков, психологов.

...Сергей Павлович представил нас. А гости сами навалились—Гагарин, Титов, Николаев, Попович...

— Ты называешь их в том порядке, как они потом полетели...

— Клянусь, не запомнил, чью руку пожал первому. А память выстроила их по стартам.

— Цех, корабль поразили будущих космонавтов?

— Некоторая, я бы сказал, восторженность была заметна... Впрочем, сначала они были у Сергея Павловича и он им рассказал о завтрашнем дне космонавтики. Он так и говорил: «Давайте помечтаем, я люблю мечтать. Без этого, знаете ли, я не представляю своей работы!»

...Королев к космонавтам относился очень бережно, нежно даже.

— По-отцовски?

— Да... И это чувство переносилось на корабль. Зайдет, бывало, поздно вечером в цех, отпустит сопровождающих его инженеров, конструкторов, возьмет табурет, сядет поодаль и молча смотрит на ракету и корабль. А потом резко встанет—лицо другое, решительное, подвижное,—и каскад четких, категорических указаний.

— Бытует мнение, что все равно—был ли Королев или кто другой—запуск человека в космос состоялся бы.

— Я не согласен. Мне кажется, что благодаря его настойчивости и упорству это произошло в апреле 1961 года. Если бы был другой человек, полет произошел бы, но позже. Королев не побоялся взять на себя личную ответственность за осуществление первого полета. Это мог сделать только выдающийся конструктор, организатор, человек...

— Вспоминаю о первой встрече с «Востоком», Юрий

Гагарин приводит любопытные детали: «По одному мы входили в пилотскую кабину корабля... Чего только не было в этой необычной кабине! И все совсем не так, как на самолете... Каждый впервые по нескольку минут провел на кресле—рабочем месте космонавта».

— Все правильно. Правда, гостям пришлось подождать, пока мы кресло установили в кабине и к кораблю подвели специальную ажурную площадку. Гагарин поднялся первым и, сняв ботинки, ловко подтянувшись на руках за кромку люка, опустился в кресло.

— Опять символика: первым Гагарин познакомился с кораблем, первым и полетел.

— Мы его как-то выделили из остальных. Обаяние... Гагарин сразу располагал к себе искренностью и доверчивостью.

— Вы часто встречались с ним до полета?

— Всего несколько раз. Пожалуй, лучше я его узнал только на космодроме, когда запускали корабли с собачками и готовили главный «Восток» к старту.

— Твое «знаменитое» увольнение и выговор были в это время? Легенды ходят об этом случае...

— Ну уж легенды... Просто напряжение тех дней было невероятным.

— А все же как это было?

— В одном из клапанов системы ориентации при испытаниях обнаружился дефект. А я еще не знал о нем, был в другом помещении. Вдруг входит Сергей Павлович, а я сижу и рассуждаю с товарищем о катапультном запуске. «Вы, собственно, что здесь делаете? Отвечайте, когда вас спрашивают?» Королев был «на взводе», я молчал. «Почему вы не в монтажном корпусе? Да вы что-нибудь знаете, и вообще отвечаете за что-нибудь или нет?» Я молчу. Тогда он говорит: «Так вот что—я отстраняю вас от работы, я увольняю вас! Мне не нужны такие помощники. Сдать пропуск, и к чертовой матери, пешком по шпалам!» Хлопнул дверью и ушел. «Пешком по шпалам»—высшая степень гнева. Пошел я в зал. Чувствовалось, что «буря» и там была солидной... К вечеру дефект устранили. Пропуск я, конечно, не пошел сдавать. Ночью приходит Сергей Павлович к нам. Уже смягчился. Но мне говорит все же: «Выговор за эту скобу вам обеспечен!». А я отвечаю: «Выговор, Сергей Павлович, вы мне объявлять не имеете права». Вдруг наступила тишина—как это я возражаю Королеву? И Сергей Павлович тоже немного растерялся, спрашивает: «Это как же вас понимать?» «А так,—говорю,—не можете. Я не ваш сотрудник. Вы меня четыре часа назад уволили». Замолчал Королев, и вдруг хохот: «Сукин ты сын! Ну, купил! Ладно, старина, не обижайся. Это тебе так, авансом, чтобы быстрее вертелся».

— Гагарин и Титов знали о ваших неприятностях в монтажном корпусе?

— Не надо драматизировать этот эпизод. Шла нормальная работа. В процессе испытаний часто появляются

трудности, их просто надо устранять — и все. А у Юры и Германа своих забот хватало.

— Ты имеешь в виду тренировки в корабле?

— Конечно. Они поочередно обживали свой космический дом. И мне не раз довелось побывать в кабине.

— Это любознательность или необходимость?

— Необходимость. Любопытство могут проявлять лишь посторонние. А ведь для меня корабль был «свой». А вот почувствовал, что такое скафандр, после того, как заметил, что ряд движений в нем космонавтам нелегко делать. Однажды я облачился в космические доспехи, «поработал» в них. Минут через десять был мокрый, как мышь. А 12 апреля неумолимо приближалось...

— 11 апреля, уже ночью, я приехал из института, от медиков, где готовились космонавты к полету. Привез большой материал. Он назывался «Завтра полетит человек». Зашел к главному редактору газеты. И все-таки не решились напечатать эту статью — слишком фантастическим все это казалось...

— Да... фантастическим. Всю ночь с 11 на 12 апреля мы были на стартовой. Рано утром приезжает Королев. Уставшие глаза, но спокоен...

— Ты провожал Гагарина до корабля?

— Нас было четверо. Мы вместе поднялись в лифте. Подошли к люку. Юрий спрашивает у нашего монтажника: «Ну, как?» «Все в порядке, первый сорт, как СП скажет», — ответил он. «Раз так — садимся». Потом была объявлена часовая готовность. Надо прощаться с Юрием и закрывать люк. Он смотрит, улыбается, подмигивает. Пожал я руку Юре, похлопал по шлему, отошел в сторону. Крышку люка ребята накинута на замки. Все вместе быстро навинчиваем гайки. Все! Вдруг настойчивый сигнал зуммера. Телефон. Голос Королева: «Почему не докладываете? Как дела у вас?» «Сергей Павлович, — говорю, — тридцать секунд назад закончили установку люка. Приступаем к проверке герметичности». «Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?» «Все нормально...» «Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3...» Я похолодел. Значит, нет электрического контакта, сигнализирующего о нормальном закрытии крышки. «Что можете сделать для проверки контакта? — спрашивает Королев. — Успеете снять и снова установить крышку?» Юрий через зеркальце, пришитое к рукаву скафандра, следит за нами. Чуть-чуть перемещаем кронштейн с контактом и вновь закрываем крышку... Наконец, долгожданное: «КП-3 — в порядке! Приступайте к проверке герметичности»... Тридцатиминутная готовность. Мы покидаем площадку. Все — теперь мы только зрители...

— Я понимаю, что этот великий день забываем до мельчайших подробностей. Его нельзя определить словом.

— Можно. Это сделал Гагарин...

— И прошлое, и этот день, и будущее?

— Да. Всего одно слово — озорное и бессмертное гагаринское «Поехали!».

ПРАЗДНИК

«Мы давно искали модель фотофестиваля, и вот состоявшийся в Челябинске получился именно таким — искомым. Это первый подобный фестиваль в Российской Федерации. Он отличался разнообразием мероприятий, хорошей организацией, что позволило нам плодотворно провести весь семинар фотожурналистов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Думаю, что опыт челябинцев сослужит добрую службу при организации наших будущих фестивалей...» — такую оценку дал празднику фотоискусства известный советский фотомастер, первый заместитель председателя Всесоюзной фотокомиссии Союза журналистов СССР, фотокорреспондент журнала «Огонек» Геннадий Колесов. Семь дней газеты и радио, телевидение Челябинска рассказывали трудящимся области о фотофестивале. А праздничное настроение предшествовало ему еще до его открытия — накануне фотокорреспондент «Вечернего Челябинска» Сергей Васильев получил высшую награду на международной выставке «ИФО — Сканбалтик» за серию фотографий «Человек родился», ему и фотолюбителю из Миасса Виктору Дурманову присудили наиболее почетные награды международной выставки «Уорлдпрессфото — 78» «Золотой глаз».

Шесть фотовыставок открылось в дни работы фестиваля. В картинной галерее — отчетная фотоклуба. В педагогическом — выставили лучшие работы студентов нескольких выпусков. Основатели фотоклуба представили на третью по десять лучших работ, многие из которых экспонировались на международных и всесоюзных фотовыставках.

Большая работа ведется в Челябинске с фотолюбителями, с начинающими авторами газет, с детьми. Их снимки были представлены еще на трех выставках.

В будущем году челябинскому фотоклубу исполнится двадцать лет. Были за эти годы серьезные испытания, не сразу пришло признание. Но ветеранам удалось сплотить вокруг себя все творческие силы, многих научить искусству фотографии, воспитать незаменимых помощников прессы Челябинской области.

Почетно, что именно челябинцам поручили подготовить и провести всесоюзную фотовыставку, посвященную годовщине Конституции СССР. Уже во время работы фестиваля были отобраны лучшие работы оренбуржцев и эстонцев, москвичей и хабаровчан, тюменцев и курганцев. В адрес организаторов пришли новые тысячи работ.

Но вернемся к фестивалю: большой зал Дворца культуры железнодорожников переполнен. На сцену поочередно поднимаются организаторы праздника, именинники — призеры выставок и конкурсов, почетные гости из Москвы, Вильнюса. Им вручаются многочисленные призы, медали фотоклуба, сувениры. Самодельные артисты помогают сделать вечер еще веселее.

В заключение вечера была проведена лотерея, по которой каждый получил или каталог одной из выставок, или работу члена фотоклуба. В эти дни все киоски Союзпечати Челябинска предлагали горожанам значки фотофестиваля.

ФОТОИСКУССТВА

Судьба «Золотого глаза» Виктора Дурманова глубоко симптоматична: в родном для него Магнитогорске работал фотоклуб. Общение с товарищами дало возможность поверить в свои силы, получить навыки серьезной работы.

И вот однажды, как в сказке, встретил на обычной съемке обычный фотолобитель обычную маленькую девочку. Три дня следил за ней глаз фотолобителя, его фотоаппарат сделал сотни кадров. И среди них — один, сразу же понравившийся автору.

Так и остался бы он в коллекции Виктора, не обрати на него внимания председатель фотоклуба Евгений Ткаченко. Он посоветовал Дурманову попытать счастья на международной фотовыставке, предвещая успех. Ткаченко оказался прав. Впервые в истории советской журналистики фотолобитель получил высшую награду столь ответственной профессиональной выставки, как «Уорлдпрессфого».

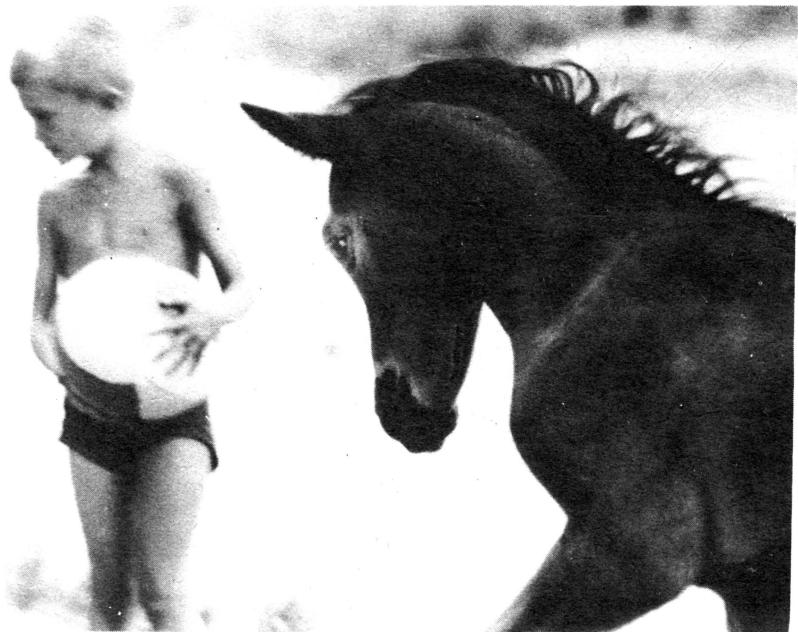

Виктор Дурманов.
«Первая попытка».

*С выставки
«Новые имена
Челябинского
фотоклуба»*

Виктор Басков.
«Трудное начало»

Петр Коржавин.
«Детство»

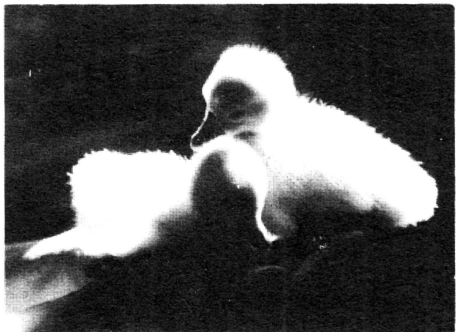

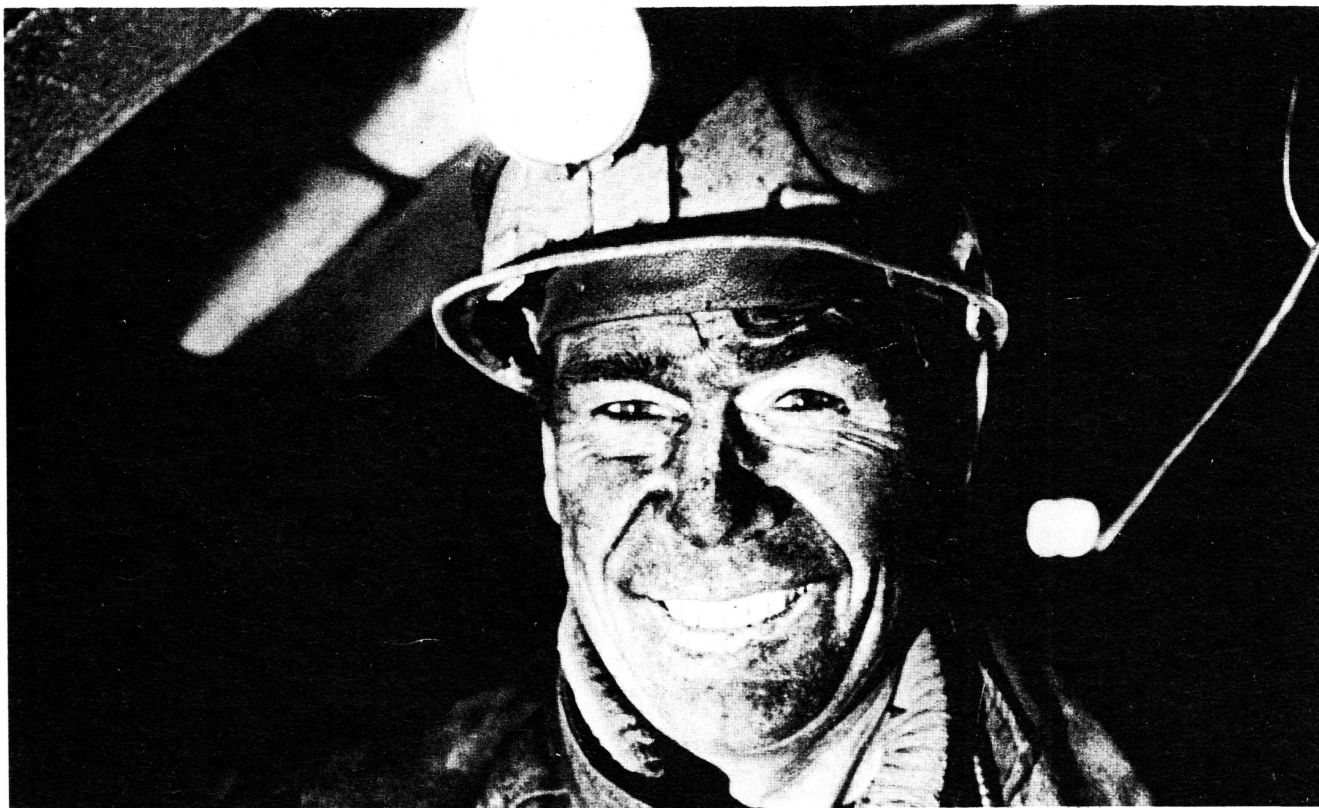
Александр Симаков.
«Двое»

Анатолий Шевяков.
«Зимние перевертыши»

Анатолий Шевяков.
«Первый день»

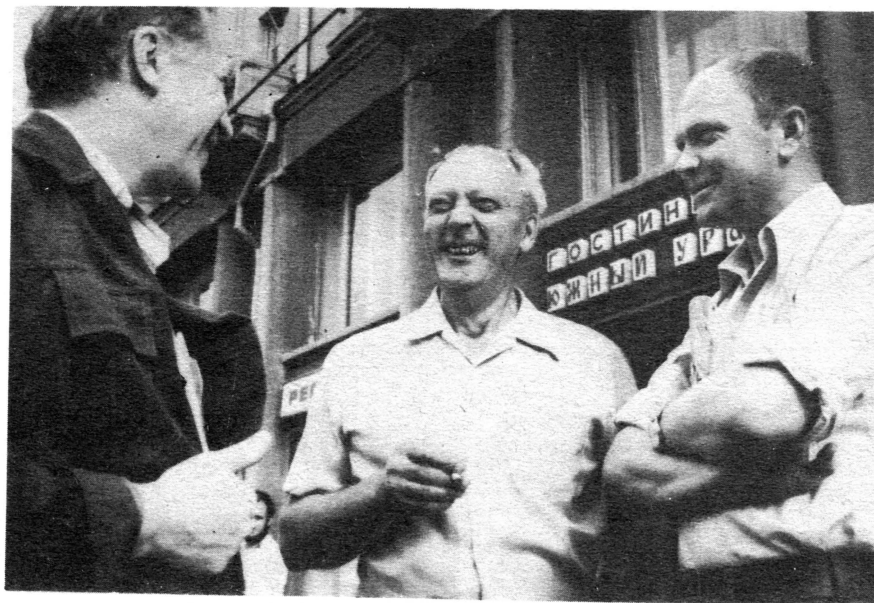

Александр Титаев.
«Улыбка шахтера»

Александр Саунин.
«В вихре танца»

Дмитрий Графов.
«Надежда...»

Составной частью фестиваля стал семинар фотожурналистов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Заведующий отделом журнала «Советское фото» Ю. Кривоносов рассказал, какой отзвук нашла новая Конституция СССР в творчестве фотожурналистов и фотолюбителей страны, говорил о проблемах, требующих безотлагательного решения, в частности, о создании при журнале «Советское фото» картотеки лучших работ фотомастеров нашей страны.

Своим опытом поделились фотокорреспонденты журналов «Советский Союз» и «Огонек» В. Резников и Г. Копосов. Старший преподаватель кафедры журналистики Вильнюсского университета В. Юодакис говорил о том, чему учит путь, пройденный советской фотожурналистикой, подчеркнул необходимость изучения работы практиков, говорил о серьезном отставании теоретических разработок от требований жизни.

И, конечно же, с большим интересом были встречены выступления хозяев — фотомастеров Челябинска. С. Васильев рассказал о своей работе над фотоочерком «Человек родился», художественный руководитель фотоклуба В. Белковский — о создании фотовыставок, выпуске к каждой из них каталогов, буклетов.

Председатель фотоклуба, заместитель ответственного секретаря «Челябинского рабочего» Е. Ткаченко поделился опытом поиска новых творческих сил, работы с молодыми авторами, многие из которых стали впоследствии активными сотрудниками прессы Челябинска и области.

Фотокорреспонденты Урала, Сибири, Дальнего Востока подняли ряд вопросов организации труда фотожурналистов, роста их мастерства.

Участники семинара высоко оценили труд организаторов фотофестиваля, благодарили Союз журналистов СССР, Челябинскую областную организацию Союза, управление культуры Челябинского облисполкома за предоставленную возможность побывать на первом в Российской Федерации празднике фотоискусства.

А. НАГИБИН,
председатель фотосекции
Свердловской областной
организации
Союза журналистов СССР,
наш корр.

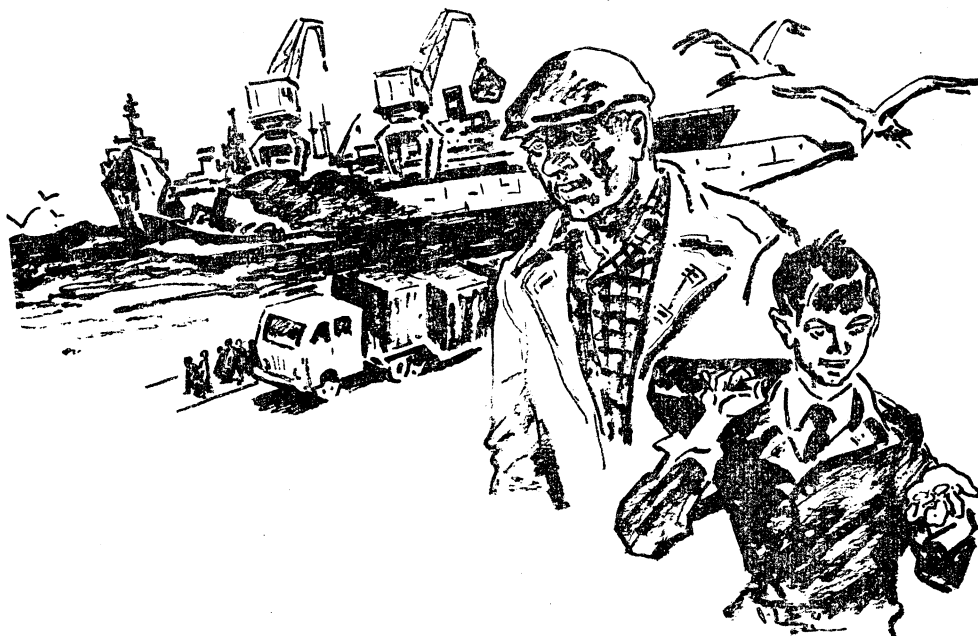

Алеша и Утюг

Рассказ

Георгий
САВЧЕНКО

Рисунки
Н. Мооса

Море слизывает с берега белый сахар. Так кажется Алешке, если утром выпадает снег. Снег у них мелкий и рыхлый. К полудню он тает. И после школы Алеша не видит снега, когда спешит на пляжи.

Огромные у них пляжи. В эту пору — пустынно. Встречает Алеша спасателя Букова и кричит:

— Привет!

— Здорово, — баском отвечает Буков.

Он Алешу признает, потому что — спортсмен. Буков тоже спортсмен — чемпион города в плавании на спине. И сейчас по пояс голый: пусть видят, какая у спасателя мощная спина.

Поспешно снимает Алеша ботинки и оставляет их повыше на крупной гальке, куда не докатится волна. И портфель там бросает. Закавав брюки выше колен, Алеша идет к морю, вбегают в откатывающуюся волну, шлепает босыми ногами по желтой пене, бродит по черной гальке, ссутулясь, всматривается в блестящие, мокрые камешки.

Немногочисленные отдыхающие, случайно оказавшиеся на пляже, строят догадки: что ищет в отливе долговязый мальчишка — камешки,

Савченко Георгий Юрьевич родился в 1931 году в Харькове, детство провел на Украине и на Урале, в городе Верхнеуральске. После окончания школы работал в исследовательских филологических партиях на Среднем Урале и в Башкирии. Затем закончил Литературный институт им. Горького и долгие годы занимался журналистикой.

В нашем журнале публикуется впервые.

ракушки или отполированные прибором битые стекла?

Ноги Алешки становятся красными от воды, потому что зимой и теплое море остывает.

Алеша вспоминает лето. Большое у них лето, жаркое. С мая по ноябрь купаются, загорают на пляжах. И никому не хочется уезжать. Люди полюбили море. В последний день приходят прощаться и бросают в море монетки. Мама говорит, есть такая примета: бросишь монетку, значит, снова приедешь к морю.

Зимой море штормит, и волны выносят монетки, поднимая их вместе с камешками со дна. Когда нет солнца, искать монетки трудно. А под его лучами монетки всплывают. И Алеша замечает их сразу, пока спрячется в гальке пена и не успеет набежать новая волна.

Много надо собрать Алеше монеток. Другие ребята балуются — на кино, на мороженое... Это не задача! Раньше и Алеша часок побродит и бежит. Дружок его, Федоткин, давно ушел. Федоткину и двадцати копеек хватит. У Алеша забота — собрать целый рубль и сорок пять копеек!

Увлеченный своим делом, которое даже доставляет ему удовольствие, Алеша не замечает времени. Потом вдруг видит, как по дорожке над пляжами идет Утюг. Он заканчивает работу в порту в четыре. Теперь путь его к палатке — пропустить стаканчик портвейна.

Утюг работает грузчиком. В порту столько кранов, лебедок, разных подъемных механизмов, а без грузчиков никак не обойтись. И лучшим грузчиком в порту называют Утюга.

Рассказывали, схватил он однажды сорвавшуюся в море лебедку и удержал, пока подошла помощь. Невероятно силен! А со стороны кажется неуклюжим: ходит медленно, слегка косолапит, голову не повернет...

Алеша о своем занятии позабыл: стоит по щиколотку в воде и следит за Утюгом. Брюки на нем хлопчатобумажные, синие. Раньше они были широкими, что шаровары у Тараса Бульбы. Мама обушила Утюгу брюки по моде. И рубаха на нем стиранная мамой, наверное, снова пропотевшая, грязная за неделю-то...

А теперь Алеше домой пора. Он выгребает из кармана удачу, пересчитывает монетки. За три дня рубль без малого. Не густо. Но завтра он соберет остальные, обязательно. «Шторми, шторми, море!» — просит Алеша.

Он направляется от прибоя вверх, где на крупной гальке лежат ботинки и портфель. Скоро мама домой придет. Она — в порту диспетчером. В той же смене, что и Утюг.

Торопится Алеша обуться и только теперь чувствует, что ноги ооченели, пальцами пошевелить не может. Крикнув Букову «Привет!» — Алеша припускается бегом в горку напрямки, по тропинкам, а не по шоссе, где ходят обычно.

Бегать Алеша ловок: первое место на стометровке в школе. А вскоре на первенство города побежит. Легкий он, худой, а ноги — длинные, сильные. Вот и прибегает Алеша в дом раньше мамы, пока она по шоссе идет.

Фаина рада видеть сына за письменным столом, купленным ею в этом году к первому сентября: сын-то в шестом классе. Большой сын, думает Фаина, вспоминая свои тридцать пять. Но она не хочет сдаваться, молодость в ней еще жива.

Роста Фаина среднего, худощавая. Глаза у нее красивые — голубые, особенно светлые, если небо безоблачно и если Фаина смотрит на море.

Фаина часто смотрит на море. Двенадцать лет назад в море ушел ее муж. Он не погиб. С ним ничего не случилось. Просто он к ней не вернулся. И живет ли он теперь в другом городе или плавает по морям-океанам, и по-прежнему ли он одинок или обзавелся семьей, детьми — Фаину не интересует.

И на море Фаина смотрит по привычке. Фаина забыла мужа, какой он был. Вот только Алеша подрастает, иногда глянет на него Фаина, и кольнет сердце.

— Ты в школе ел? — спрашивает Фаина.

— Да, — лукавит Алеша, пятнадцать копеек, которые для завтрака предназначались, он сэкономил.

— Я купила ветчины. Может быть, со мной поешь?

— Поем!

Мама разогревает щи, жарит яичницу с ветчиной. В доме такие вкусные запахи возникают — умереть можно! Перед глазами все цифры в тетради поплыли, ничего понять Алеша не может, голова кружится.

— Сбегай на огород за огурчиками! — просит из кухни Фаина.

Алеша встает из-за стола, придерживаясь за спинку стула. К двери идет покачиваясь. Но во дворе свежий воздух его сразу бодрит.

В удобном месте стоит их дом — склон горы, ложбинка. Тут надолго прячется теплый воздух, и снега не бывает, и земля прогрета. Вот и зимой плодоносит: огурцы, редис, лук... Только на ночь прикрывают они грядки прозрачной пленкой. Алеша сам все колышки подобрал, наладил их так, чтобы парники получились.

Со склона, от их крыльца, виден весь поселок. Он прилепился внизу вдоль бухты. Дома прячутся в зелени, выглядывают белыми пятнами — все из местного камня-известняка.

Хорошо просматривается порт. Стоят у пирсов теплоходы, танкеры, рефрижераторы, рыболовецкие сейнеры. К ним со всех сторон склонились стальные хоботы порталных кранов. Сверху краны кажутся махонькими, что жуки-долгоносики. Сосут-тянут из трюмов товары.

Нашел Алеша пяток огурчиков, прохладные они, влажные и колючие. От их свежего дразнящего запаха еще острее хочется есть.

После обеда Алеша вновь за уроки садится, Фаина затевает стирку. Вытаскивает во двор корыто, пачку «Новости», намоченное в тазу белье.

— Алеша! — зовет Фаина. — Отзовись, сынок! Накачай воды.

Вода у них качается из родника. Трубу всадил в каменистый грунт Утюг. Но электрический мотор с насосом Алеша сам наладил, Утюг только мотор сюда притащил — тяжеленный, килограммов тридцать весит! А к электросети Алеша сам его подключил. И монтер не ругался потом.

Верхней в тазу лежит клетчатая синяя рубаша Утюга — точь-в-точь как сейчас на нем. А под ней и Алешино белье, и Фаины. Алеше противно, что чужая рубаша перепуталась с их бельем. Никогда раньше такого не было. И Алеша не хочет, чтобы мамини руки отстирывали пот и грязь с синей рубашки.

— Мотор заело, — лукавит он.

— Досадно. Пойду к ручью.

— Не надо сегодня стирать! Пойдем в кино на комедию.

— С чего это сегодня? В субботу и пойдешь, как всегда.

— В субботу я дома буду.

— Вот новости — в субботу дома сидеть!

Фаина подняла ведра, скинула тапочки, собираясь идти босиком, так не поскользнешься на крутой тропе. Алеше жаль мать — ведь потащится с тяжелыми ведрами — и он пускает мотор.

Назавтра, к четырем часам дня, у Алеши была заветная сумма — спасибо Федоткину, помог собрать.

Только успел Алеша башмаки надеть, как видит — топают по дорожке над пляжами Утюг.

Конечно, он каждый день замечает здесь Алешу, но такую манеру себе взял — никогда с ним не здоровается, не заговаривает, словно они не знакомы друг другу. На пляжах и Алеша с ним говорить не станет. Место глухое. Утюг разозлится, изуродует сгоряча. И Буков не защитит.

Алеша отправляется вслед за Утюгом. А Утюг по тропе впереди тяжело шагает: вразвалочку, руки чуть оттопырены и висят, на ходу он руками не машет. Шея черная у него, как у негра, — такой прокопченный он солнцем и ветром. А коротко остриженные волосы — седые.

У пивной палатки к Утюгу особое почтение. Рыбаки угощают сушеной ставридкой, которую другим за десять-пятнадцать копеек сторговывают.

Утюг берет рыбку и, не чистя, не отламывая

головы, отправляет в рот. Так едят ставридку лишь отчаянные ее любители. Жует. Тугие щеки с кожей, выветренной, дубленой, перекачиваются, что мячики. Нос картошкой в щеки воткнут. Брови густые, черные, а глаза желтые, насмешливые.

Покупает Утюг стакан портвейна и пьет медленно, по глоточку, смакует. Вдруг оторвет стакан ото рта. Губы мокрые, розовые, а он их еще и языком полижет. Запустит в рот следующую ставридку. Пожует. Цокнет языком из зуба косточку. И снова пьет портвейн. Отдыхает.

Когда стакан в руках Утюга опустел, Алеша подошел к нему сзади и дернул за рубаху.

Утюг нехотя оглянулся, с трудом повернул он голову. Увидев Алешу, брови нахмурил, занялся ставридкой и пробурчал:

— Что тебе?

— Поговорить надо, — решительно начал Алеша.

Утюг даже жевать перестал, так удивило его поведение мальчишки.

— Говори...

Алеша снова дернул его за рубаху.

— Не балуй! — рассердился Утюг.

Но все же он пододвинулся к краю прилавка, поняв намерение мальчишки сказать что-то по секрету.

— Если ты к нам завтра придешь, мать тебе бутылку портвейна поставит, так? — тихо спросил Алеша.

— Ну?!

— Вот тебе! — Алеша поднял кулак, разжал пальцы, протягивая деньги к самому лицу Утюга, и ссыпал мелочь в нагрудный карман его рубахи. — Можешь купить себе бутылку. Понял?.. К нам не ходи. Понял?..

Утюг не умел скрывать своих чувств. Глаза потемнели, раскосились в гневе. Щеки покрыло краской. Он громко дышал через нос и сжимал рот, так что губы улеглись в ленточку.

— Я не хочу, чтобы ты к нам ходил, — просяще произнес Алеша, которого начинала бить дрожь от страха. — А на портвейн я буду приносить тебе деньги каждую пятницу...

Рыбаки и портовые рабочие, конечно, смотрели на них, наблюдали за беседой Утюга и Алеши с нескрываемым любопытством. Многие знали, что Утюг ходит к Фаине. Их занимало, о чем особенном сообщил Утюгу сын его бабы, что Утюг так рассердился?

И Утюг не пропустил их любопытствующие взоры. И вдруг он рассмеялся. Сначала как-то надрывно, словно покашливал: «кхе-кхе», а затем разошелся весело, и глаза озорно заблестели.

— Лады, парень, — постучал он пальцем по нагрудному карману, — а где ты деньги добудешь?

— Не твое дело.

— Таскать у мамки станешь? Попадешься...

— Нет. Я честно сам добуду.

Пристально смотрел на мальчишку Утюг, словно никогда раньше не видел, словно не догадывался, что существует Алеша, парень с характером, и ему Алешу не обойти.

Алеша улыбнулся одними губами. И глаза призакрыл. Он знал — это его победа. Он верил Утюгу. Утюг настоящий мужчина: не умеет лукавить и слово свое держит.

Утюг резко отвернулся и зашагал прочь. Он был холост. Дома его ждала полупарализованная старушка-мать. Она себя еле-еле обслуживала в самом простом, необходимом. Не до сына ей было. И случалось, что неделями он ходил в одной и той же рубахе.

А как-то мать хотела простирнуть ему исподнее, склонилась над корытом, голова у нее zakружилась, она упала и часа два пролежала в воде, пока Утюг с работы вернулся. Он мать скипидарной мазью натер, чтобы от простуды спасти.

В позапрошлый год Фаина вызвалась постирать Утюгу рубашку. Потом брюки перешила. И он ей в помощь был по хозяйству в саду и в огороде. Так у них мирно наладилось, так полюбовно... «Щенок!» — злился Утюг, вспоминая Алешу, который вдруг стал поперек.

Дома он поднял койку, на которой лежала мать, вынес на веранду. Сам опустился рядом на ступеньку. Старушка погладила его волосы ссохшимися, негнушимися пальцами. Вечер был тихий и теплый. Старушка с радостью вдыхала терпкие запахи прелых листьев эвкалипта. Ей было хорошо, чудилось что-то далекое, доброе. Она попросила:

— Не хмурься, Василий.

А он, молчаливый и угрюмый, сидел, рассеянно глядя перед собой, как ребенок перед незнакомой задачей...

В субботу Алеша приходил домой рано, сразу после школы, потому что мама в субботу дома.

Фаина гладила белье, прополосканное воздухом, пахнущее и морем, и горами. Приятное белье, свежее. А синяя рубаха огромных размеров лежала на тумбочке готовенькая, сложенная так аккуратно и по правилам, как умеют в магазине.

— Поешь, — сказала Фаина Алеше, — потом к палатке сходишь. Сегодня Василий придет.

Алеша покраснел, чтобы сдержаться смехом, так стало вдруг радостно от сознания, что мама ошибается, что Утюг не придет.

Фаина наказывала, что купить, и дважды сказала про бутылку портвейна.

— А надо ли? — все-таки усмехнулся Алеша.

Фаина метнула на сына недовольный взгляд, но, поняв Алешу по-своему, сказала:

— Купи себе конфеток...

— Не хочу.

— Купи, что захочешь. Я и на кино дам.

— Нет. Я дома останусь.

Фаина не стала возражать, приняв слова сына за каприз, толкнула легонько Алешу в спину.

Утюг приходил к пяти часам вечера. Он был точен.

О том, что он рядом, можно было догадаться по запаху тройного одеколона: Утюг имел привычку перед тем, как идти к Фаине, посидеть в парикмахерской, где его стригли и тщательно брили.

Иногда Алеша наблюдал за ним, когда Утюг был еще внизу и на завитке шоссе только показывалась его фигура, выглядывшая квадратной сверху. Он шел медленно, очень медленно — не для него преодолевать такие крутые подъемы. Но все же он полз, как бульдозер, в гору.

Фаина как всегда накрывала стол скатертью, свежей, жесткой от крахмала. Сегодня и Алеша помогал Фаине, чего раньше никогда не бывало. И слишком даже усердствовал, стараясь разгладить ладонью изгибы на скатерти.

Посреди стола Фаина водрузила бутылку портвейна. Заметив, что стрелки часов приближаются к пяти, она принялась расставлять на столе закуски.

Обычно, поздоровавшись с порога, Утюг брал из рук Фаины полотенце, шел в садик к мотору, пускал воду. Намывивал он голову и шею, и лицо, и руки, и подмышки. Фыркал, умываясь студеной водой, безо всякого стеснения, словно дома у себя. В комнату входил розов, свеж и сразу садился за стол, и с удовольствием ел всякие домашние кушанья, которые так вкусно готовила Фаина.

Наверное, он успел проголодаться, пока тащился к ним в гору.

Фаина была рада, что он ест, что ее стряпня ему нравится, что у него такой хороший аппетит. И она все подкладывала в тарелку добавки.

Потом Утюг мог пойти в сад, копать землю, выкорчевать пень, оттащить в сторону очередной валун, которых у них на участке было так много. Камни он в одно место складывал друг на дружку, как будто строил памятник своим подвигам. Выросла целая стена со стороны гор, защищавшая от ветра и весенних потоков сад и огород. И все равно Алеша хотел разрушить стену, да не смог.

Работал Утюг весело, легко и даже напевал. Затаившись за кустами, Алеша с удивлением слушал, как Утюг поет. Никто бы не поверил, но он пел! Только вот слов песни Алеша разобрать никак не мог и решил, что пел он что-то старенькое, всеми забытое...

Фаина взглянула на часы. Было пять. Она

смотрела в окно — Василий не показывался. Тогда Фаина вышла на крыльцо: отсюда открывалось все шоссе с его многочисленными витками по склону горы. Видны были одинокие путники, но ни в одном Фаина не признала Василия.

Вернувшись в дом, Фаина села за стол, кулаками вонзилась в щеки и нахмурилась. Так, не двигаясь, она просидела минут десять. Все время прислушивалась, словно хотела уловить звук шагов. Но лишь однообразное, раздражающее повизгиванье лобзика доносилось до нее — Алеша в своей комнате что-то выпиливал из фанеры.

Фаина резко поднялась. Лицо ее было бледно, и только зарозовел кончик носа, а на щеках остались следы от костяшек пальцев. Она критически осмотрела себя в зеркале, вделанном в шкаф, поправила короткую стрижку.

Снова выходила она на крыльцо, смотрела на шоссе. Возвратившись, медленно прошлась вокруг стола, рассматривая носки туфель, ступила в комнату Алешки и сказала, не в силах сдерживать раздражение, тоненьким голосом.

— И-и что затеял пилить?! В кино опоздаешь...

Алеша, не выпуская из рук лобзика, поднял на мать глаза.

Взгляд его был серьезен, он хотел ответить, что останется дома, что у него дело есть, а потом они вместе могут пойти в кино. Но тут скрипнули половицы — кто-то вошел в комнату.

Фаина выбежала встречать.

Алеша встал, прижался к прохладной стене, напрягся в ожидании.

— Я за Алешей! — услышал он прерывистый от тяжелого дыхания голос товарища своего, Федоткина. — Мы ему в кино билет взяли!

Когда кончился сеанс, Алеша не остался с ребятами, а побежал домой. Вошел он запыхавшийся и сразу глянул на стол. Все так же на белой скатерти стояла непочатая бутылка портвейна.

Алеша заулыбался. И это не ускользнуло от Фаины. Она остановила его рукой, заглянула в глаза.

— Что скрываешь от меня?

Алеша пожал плечами.

Вздыхнув, Фаина опустила голову. И вдруг встрепенулась: да что же она, глупая, сына-то в такое дело впутывает?.. Его право и поест теперь, и обласканным быть.

Лицо Фаины разгладилось от морщин, потеплело.

— Интересная была картина? — усаживая Алешу за стол, спросила Фаина.

— Комедия. Гонки на первых самолетах. Они разбиваются один за другим... Очень смешно!

— Я рада, сынок, что тебе было весело...

Утром, спускаясь с горы, Алеша видел море. Он всегда видел море, когда выходил из дома. Оно лежало широкое, больше неба. Такого моря с берега никогда не увидишь. А с горы

открывается бесконечный долгий простор: море поднималось высоко-высоко, уходило, сливаясь с небом. Над миром стояло одно голубое сияние.

Алеша собрал портфель, вышел на крыльцо и сразу заметил четкую линию горизонта. Небо было бирюзовое, кое-где серое от туч, а море темно-синее. Только в сильный шторм, когда все море взлохмачено и изодрано, когда и вдали от берега носятся пенные волны, бывает такое.

Спускаясь вниз по шоссе, Алеша услышал, как ревет прибой. Грохот прокатывался справа налево, словно с дикой скоростью пронесился по берегу курьерский поезд. А за ним второй, третий... Мчались друг за другом волны. И не успевала откатиться от берега одна, как ее накрывала другая, более сильная. И над пляжами, над пирсами, над деревьями повисали водяные брызги, словно мелко-мелко битое стекло. Порой в них вспыхивала радуга, если луч солнца пробивал облака.

Что-нибудь около восьми баллов,— решил Алеша. Такой штормяга бывает у них редко. Ни один теплоход не рискнет подойти близко к берегу, причалить к пирсу, потому что его может разбить. Он бросит якорь на рейде. И его будет качать и тащить по ветру. На поверхности моря за теплоходом останется желтый след. Это якоря вспашут песок на морском дне.

Днем Алеша видел много таких «следов» — мутных «речек» в море, а теплоходы качались далеко от берега.

Волны заливали пляжи высоко. Ботинки и портфель Алеша отнес в будку, где сидел с голый спиной спасатель Буков.

— Ты сегодня т-того! — баском предупредил Буков. — Осторожно!

Волны в море шли ровные: с пенистыми гребнями, плавно и мягко подкатывались к берегу. Невдалеке от берега их подсекала стекающая вода. Волны ломались, пенились, с жутким шипением заливали пляжи.

Иногда волне удавалось пробежать по пляжу спокойно, не испытывая сопротивления. Тогда волна обрушивалась на берег тонны воды. В воздухе словно бы замирали брызги.

Женщины на тропинке боязливо вскрикивали, жались к мужчинам. А мужчины смеялись. И вовсе не потому, что им было так весело: они чувствовали себя в безопасности на тропинке, вдали от грозного, беспощадного прибоя.

Алеша был осторожен. Когда волна откатывалась и тащила в пучину все, что принесла на берег, звонко шурша галькой, Алеша бежал вдогонку по шипящей воде, пристально вглядываясь, не сверкнет ли где заветный кружочек.

Ловок Алеша бегать, а то бы ничего не собрал. Федоткин пустым на тропку ушел. И другие ребята это занятие бросили. Встали на тро-

пе, там, где зеваки собрались. Нет, не щедрый нынче народец, думал Алеша про отдыхающих, кидают в море медяки и редко когда серебряные монетки.

Знал Алеша, что сегодня придется побегать. И мальчишке нравилась игра с волнами, которая многим, быть может, показалась бы игрой со смертью.

На тропинке кричали, чтобы озорник не смел так близко подходить к прибою, ушел бы прочь с пляжа, требовали от спасателя Букова прекратить это безобразие. И хотя Буков верил в силу Алешиных ног, ему все же пришлось снять с гвоздя мегафон и позвать парня.

Но Алеша не слышал, все его внимание было в тот миг сосредоточено на блеснувшей в пене монетке. Он поклясться мог, что в камнях лежала двадцатикопеечная монета, а то и весь полтинник. Монетку тянуло назад водой, кружочек металла скользнул по гальке. Алеша мчался вдогонку.

Он и не видел, как справа, наискосок, откатывалась огромная волна. Вода хлестнула предательски, неожиданно, не устоял Алеша, поскользнулся, упал. Его вмиг накрыло и поволокло. А когда он поднял голову, то увидел прямо перед собой чудовищную стену, зеленую, живую. И ему ничего не оставалось, как только войти в нее в самом низу, где нет камней, нет и той дикой силы, сокрушающей все на своем пути, где это всего лишь — холодная вода.

Поднырнув под волну, Алеша окоченел. Не любил он купаться зимой.

Алеша был ловкий пловец, как и все мальчишки, родившиеся у моря. Он стремительно взлетал вверх, на зеленые холмы, и так же стремительно проваливался в гладкие, зеленые долины. И для храбрости да еще из удали, когда волны возносили его, ударял рукой по их загравкам и кричал, хотя голоса его никто конечно не слышал в сплошном реве прибоя.

Буков орал в мегафон, требуя, чтобы кто-нибудь из мальчишек побежал в порт вызвать спасательный катер. Как опытный пловец, Буков наперед знал, что на берег сейчас не выйти.

Федоткин, выпучив глаза, дунул по тропинке в порт.

Алеша решил плыть к берегу, потому что в ногах стала пробегать судорога. Наблюдая за волнами, подныривая под опасные гребни, Алеша приближался к тому месту, где сталкиваются волны, образуя водоворот. Здесь надо быть особенно осторожным, можно попасть под гребень, который может насмерть ударить о камни.

Волна понесла его на берег. Он правильно рассчитал и радовался, ощущая под ногами камни. Теперь только бежать, бежать наперекор скатывающейся воде. Но слишком много сил было отдано, Слишком холодной была вода.

Ноги не слушались, они были чужими, не сильными и выносливыми.

Алеша цеплялся руками за камни, захлебывался. И все же был уверен, что ползет вверх, еще несколько усилий, и он свободен... А вода несла его вниз.

Буков кинулся на помощь. Но не успел схватить Алешу.

На тропе ахнули, когда их накрыла волна.

Со стороны моря торопился спасательный катер.

Катер застопорил моторы метрах в пятистах от берега. Ближе подойти он не мог. К катеру плыл Буков, своим излюбленным стилем плыл — на спине, — хорошо плыл.

А по тропе над пляжами шел Утюг. Было четыре, и он закончил работу в порту. Людей на тропинке навалом, толпятся, суетятся.

— Мальчишка вынырнул! — кричали вокруг Утюга. — Живой! Живой! Помогите!

Лезть в такое море казалось безумием даже самым отличным пловцам.

Утюг приостановился, протиснулся вперед, сделал ладонь козырьком и оглядел море. Где-то на гребне волны он приметил безвольно махнувшую руку. И тогда Утюг сбросил пиджак. И он быстро шагал к морю, семенил. И первая волна его даже не шелохнула. Он встретил ее боком, чуть пригнувшись. Вода разбилась о него, как о скалу, взметнув веер брызг. Под следующую волну Утюг нырнул и поплыл.

Тонущего он схватил за волосы. Волны налетели на них, швыряли, били, но разъединить никак не могли. Утюг плыл в море, загребая одной рукой, а другой тащил мальчишку. Их подняли на борт катера. Алешу взяли на руки Буков и врач. А Утюга повели к машине, сушиться. Он фырчал недовольно и грозно, сдирая мокрую рубаху. А когда выжал ее и снова надел, у машины не стал сидеть, поднялся на палубу.

Ему сразу не понравилось, что мальчишку положили на брезент. Алеша был голый, и видно было, как глубоко провалился живот, так что позеленевшая кожа четко обрисовала ребра. Нижнюю губу мальчишки оттягивала огромная стальная прищепка. Губа была распухшей, фиолетовой. А зубы сжаты плотно, и не чувствовалось во всем теле дыхания.

— Сволочи, целыми днями на пляжах шагают. Найдут пятак, а потеряют жизнь, — сказал Буков. — Я предупреждал!..

— Качали? — спросил Утюг.

— Безнадюга, — закуривая, сказал дежурный врач, привыкший, что в шторм всегда тонут «смельчаки». — И качали, и уколы сделал...

— Да что вы, ребята?! Он живой был! Живой! — И Утюг нагнулся, чтобы сорвать с губы Алеша металлическую прищепку. Он приник к этим губам своим ртом и мощно выдох-

нул. Раз, другой, третий... Утюг не разогнулся до тех пор, пока по телу Алеша не прошла слабая судорога.

Солнце стояло низко над морем.

В такое время все его лучи падают на склон горы и греют, как летом.

Идти было жарко по крутым завиткам шоссе. Они впервые поднимались к дому вместе, и сначала Алеша как будто даже не замечал этого. Слишком смущен был своим позором и напуган. Да и чувствовал себя слабенько, как после болезни, и сильная рука мужчины была кстати. Мужчина вел его под руку, и шел Алеша медленно, тем же шагом, что и Утюг. Подъем казался бесконечным. И только когда из-за очередного поворота сверху открылся их дом, Алеша остановился. Не глядя на Утюга, он проговорил:

— Ну все. Теперь я один пойду. Договор-то у нас был — лады?..

Утюг не высвобождал руки, тяжело переводя дух.

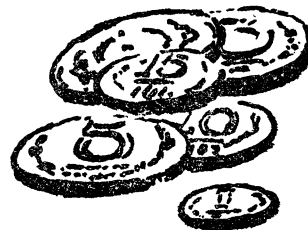
— А рубаха моя у вас? — вдруг быстро спросил он.

— У нас...

— И постирана?

— Постирана и выглажена...

— Видишь — и выглажена! — Утюг снова двинулся по шоссе вверх. — А значит, как дальше быть, не одни мы с тобой должны решать.

● «Ты получил аттестат о среднем образовании и вступаешь на широкую дорогу самостоятельной жизни. Всегда и всюду помни, что ты воспитанник нашей школы, школы, где учился великий Ленин...» — памятный билет с таким напутствием вручают каждому выпускнику ульяновской средней школы № 1 имени В. И. Ленина.

● Учащиеся кулдигской средней школы № 1 (Латвия) установили в подробностях судьбу своего земляка, бесстрашного революционера Эрнеста Шульца. Руководитель кружка социал-демократов в Пилтене в 1903 году, пропагандист Вентспилсской организации ЛСДРП, позже — управляющий Красноярским отделением госбанка и комиссар финансов Сибири, Эрнест Шульц был расстрелян белогвардейцами в мае 1919 года.

● И еще об одной работе латвийских следопытов. Учащиеся валмиерской средней школы много лет издают рукописный журнал «Рябинушка» («Пиладзитис»). Название это связано с одним эпизодом времен революции. Шестьдесят лет назад комсомольцы валмиерской молодежной ор-

ганизации нелегально собрались на свою конференцию. Об этом узнала буржуазная охранка. Тридцать человек были расстреляны. На месте их захоронения товарищи посадили рябину.

● В 444-й ленинградской школе есть музей чекистов. Тридцать восемь учащихся школы стали друзьями милиции. Юные дзержинцы получили задание — следить за порядком в своем микрорайоне.

● Остатки трофейного ручного пулемета, священная смоленская земля, фотографии и новые адреса ветеранов — с этим богатством вернулись ребята из Свердловского Дворца пионеров, ездившие в Смоленск по местам боев 215-й Уральской Краснознаменной стрелковой дивизии.

● В здании школы № 1 города Аша Челябинской области в годы войны размещался госпиталь № 5806/3763. Учащиеся школы собирают архивные данные о бойцах, поступавших с ранениями, ведут розыск родных умерших солдат. Они просят присылать воспоминания лечившихся в госпитале и работников медперсонала.

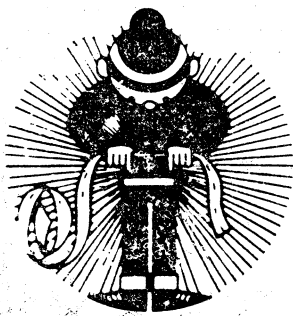
● Солдат революции

В далекой тайге стояло и стоит село со звонким, как натянутая тетива, названием Цингалы. Село как село, похожее на десятки других сибирских сел: протянулась вдоль улица-шоссея, а за ближайшей околлицей нахмурился кедрач...

В ту пору только-только отгремела в нашем краю гражданская война. Но трудно было богачам смириться, что кончилась их власть — снова загрохотали выстрелы, засверкали огни пожарищ, потянуло дымом с черных пепелищ. Шел неспокойный 1921 год.

Жил тогда в Цингалах мальчишка. Бориской звали. В меру озорной, в меру серьезный, добрый, справедливый. Глаз меткий имел: уйдет в тайгу — без добычи не возвращается. Отец Бори был человек нездешний. Выслал его царь в Сибирь за вольные мысли. Сын любил слушать рассказы отца о свободе и счастье для всех: для русских и нерусских, для бедных и задвленных нуждой охотников и рыбаков ханты и манси. В годы гражданской войны не стало отца, его расстреляли белогвардейцы.

Мальчику шел пятнадцатый год, когда он вступил в комсомол и упросил, чтобы его зачислили в военно-революционный отряд. И вот боевое крещение. Из Реполово, куда с боями пробился отряд, вперед были высланы двое развед-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

чиков: старый большевик Илья Рыбин и подросток Боря Лосев. Они должны были нарушить линию связи. Выполнив задание, разведчики возвращались к своим. Но их ждала ловушка...

Не выдержал пыток — умер старый большевик Илья Рыбин. А над мальчиком продолжали глумиться.

— Сколько человек в отряде, где отряд? Сколько человек в отряде, где отряд?.. — без конца спрашивали палачи.

Все смешалось перед глазами мальчика в один кровавый огненный ком. Сколько длился этот поединок — день, два, три? Силы были не равны...

— Отрекись от комсомоли своей всенародно, тогда сохраним тебе жизнь! — обещали враги.

— Нет!..

В слепой ярости вспорол палачи живот Боре, nabили соломой. На грудь мальчику повесили табличку: «Продразверстка выполнена», затем насадили тело на кол и выставили у развилки дорог.

Через несколько дней военно-революционный отряд хоронил своих погибших бойцов — тела их с почестями предали земле.

...В зале революционной славы окружного краеведческого музея в Ханты-Мансийске смотрит на посетителей с портрета Боря Лосев. Портрет пришлось делать художнику, пользуясь только устным описанием, но он удался. Круглое улыбочивое лицо, мягкие выющиеся, белые, как лен, волосы. Добрые, широко открытые глаза. Ярко-голубые были глаза у Бори...

В городском саду высится обелиск юному герою. Маленький солдат революции стоит навечно в строю.

● И пути караванные...

Девятиклассники Новруз Новрузов и Юрий Арутюнов — из Баку. Они представляют туристско-краеведческий клуб «Чираг», что в переводе означает «светильник». «Чираг» существует шесть лет. Ребята обследовали четырнадцать крепостей, три городища, прошли бывшими караванными путями северо-восточную часть Азербайджана.

Новруз: Знаете, даже трудно сказать, кто мы — туристы или археологи. В походе все надо уметь, всем быть, даже музыкантом. А спортсменом — так обязательно...

Юрий: Мы однажды были в горах, разведывали древние караванные пути. Это от селения Зораб-Кянд к селению Алты-Агач. Этой дорогой проходили караваны в XII—XIII веках. Она выложена отесанным камнем и до сих пор заметна. Но за неделю прошли сильные ливни, в горах пронесся мощный селевой поток, и местность была хуже болота...

Новруз: Да, мы тогда подошли к речке Гигильчай, форсировать ее было очень трудно. Мальчишки несли свои рюкзаки и еще у девочек забрали. Грязь — выше колен, по пояс... Один мальчик из отряда в прямом смысле стал тонуть, он мог задохнуться в грязи. Самое удивительное: когда мы его вытащили, он смеялся и шутил, хотя положение до этого было действительно плачевное. Вот так каждый из нас должен быть уверен в товарищах!

Юрий: В этой экспедиции мы нашли не известные ранее мусульманские захоронения. Ученые знали о более поздних захоронениях — гробницах-стеллах. А эти гробницы в виде каменных ящиков. Мы сообщили о своей находке в музей истории Азербайджана.

Новруз: В 1976 году, на слете в Белоруссии, наш отряд представил поход первой категории сложности. Мы шли по Талыжским горам, на границе с Ираном. Целью похода была не только проверка туристского мастерства, но и посещение в Ленкорани музея Героя Советского Союза Ази Асланова. Там мы встретились с товарищем Калантаровым, ему 82 года. Целый день по жаре водил он нас по родным своим местам и рассказывал, как в 1917 году держался здесь единственный на Кавказе оплот Советской власти — Муганьская республика, и Ази боролся за новую жизнь. Калантаров один остался в живых из отряда Ази Асланова.

Юрий: А в селе Иконы в Белоруссии мы увидели памятный бюст Ази Асланову. В Отечественную войну танковая бригада нашего земляка освобождала этот район

от немцев. Танкисты успели до того, как гитлеровцы хотели стереть Иконы с лица земли... Сам Ази погиб в этом бою в горящем танке.

Новруз: Нас спрашивают, что нам дает следопытская работа. Но, сидя дома, мы не увидели бы своими глазами старые караванные тропы. И не билось бы сердце при имени Ази Асланова — он был бы просто хрестоматийным героем. И не видеть бы нам древних недоступных крепостей... Когда и где довелось бы еще нам стать и археологами, и историками, и туристами?..

● Смоленская орденоносная

Сентябрь 1943 года. 215-я стрелковая дивизия получает звание Смоленской — за освобождение города Смоленска от фашистских захватчиков.

Июль 1944 года. Дивизии вручен орден Красного Знамени за освобождение Вильнюса.

Март 1945 года. На знамени дивизии появляется еще один орден — орден Суворова II степени за боевые действия в Восточной Пруссии. В этом же году бойцы дивизии получают орден Кутузова за образцовое выполнение задания командования на Дальнем Востоке.

...Сформированная в начале войны из курсантов военных училищ Свердловска, Тюмени и Перми, 215-я стрелковая прошла тяжелый боевой путь от Ржева до крепости Кенигсберг, освобождая наши города от фашистских оккупантов, а затем была переброшена на восток для борьбы с японскими захватчиками.

Три года назад бывший заместитель начальника 1-го отдела дивизии Евгений Григорьевич Будницкий начал поиск бойцов. Ему удалось разыскать около 400 человек. Сейчас материалы, рассказывающие о героически погибшем во Ржеве командире дивизии А. Ф. Куприянове, о солдатах стрелковой дивизии, медицинских сестрах и врачах, удостоенных звания Героя Советского Союза, хранятся в музее боевой славы свердловской школы № 40. Ветераны дивизии — частые гости ребят.

Пятно в океане

Репортаж

ДВНЦ — Дальневосточный научный центр. Он молод (лишь в будущем году ему исполнится десять лет), и перспективы его развития огромные, как и перспективы развития Дальнего Востока. Потому долгосрочная программа исследований, которую сейчас разрабатывают все шестнадцать институтов центра, так и называется — «Дальний Восток». И дальневосточные ученые уходят в зеленое море тайги и плывут по Тихому океану, опускаются в морские глубины и поднимаются в высокие слои атмосферы, изучают рыб и птиц, ищут новые полезные ископаемые и лекарственные растения...

Солнце медленно встает над сопками — на Дальнем Востоке начинается новый день. Судя по сводке метеорологов, он обещает быть неплохим. Нами получено разрешение на вылет в ноль часов московского времени. А пока техник с механиком прогревают двигатели самолета. Мы с командиром самолета Алексеем Ивановичем Новоселовым в последний раз уточняем маршрут и необычную задачу полета...

И вот взрвели моторы. После короткого разбега наш «ИЛ-14» отрывается от бетонной полосы аэропорта Южно-Сахалинска. Берем курс на юго-восток к открытому Тихому океану. Самолет набирает высоту в два с половиной километра. Под нами белоснежные барханы облаков, ярко освещенные солнцем. Сквозь разрывы их иногда видна холодно-стальная гладь моря. Научная аппаратура установлена в специальных люках фюзеляжа и готова к работе.

Мы — это летный экспедиционный отряд дистанционных методов исследования океана Тихоокеанского океанографического института ДВНЦ АН СССР. Кроме наших сотрудников, в отряд входят исследователи Института астрофизики и физики атмосферы Академии наук Эстонской ССР. Задача — произвести спектрофотометрирование и фотографирование поверхности океана в районе проведения эксперимента «Рассвет»...

Помогает решать эти задачи экипаж специально оборудованного для продолжительных беспосадочных полетов самолета «ИЛ-14» Новосибирского авиапредприятия под командованием А. И. Новоселова.

А в открытом океане уже несколько дней находится научно-исследовательское судно погоды «Океан» Дальневосточного научно-исследовательского гидрометинститута. На борту корабля ведут наблюдения научные сотрудники ДВНИГМИ, Тихоокеанского океанологического института и МГУ. Все мы вместе и есть участники натурального эксперимента «Рассвет», проводимого в рамках международной программы по исследованию течения Куро-Сиво. Одна из частных задач эксперимента — изучение процессов загрязнения океана нефтепродуктами в районе этого течения.

Для решения этих проблем в Тихоокеанском океанологическом институте создана лаборатория по изучению загрязнений океана и атмо-

сферы, которой руководит кандидат химических наук Владимир Васильевич Аникиев. Он же и возглавляет там, на исследовательском судне «Океан», проведение эксперимента «Рассвет».

По радиосвязи с В. Аникиевым согласуем совместные действия. Вскоре за борт будет выпущено две тонны отработанного машинного масла. Ко времени прибытия самолета волны, ветер и течение превратят его в огромное пятно на водной поверхности.

В назначенное штурманом время самолет пошел на снижение. Вскоре показался и «Океан». Девяностометровое судно дрейфовало рядом с масляным пятном. Пролетаем над самым судном, на палубе его люди машут нам руками. Мы расстались с ними несколько дней назад во Владивостоке.

Но за радостью встречи мы не забываем и о деле. Дорога каждая минута. Десятки раз пролетаем над масляным пятном на высотах ста метров и полутора километров. И каждый раз, при приближении к пятну, командир самолета дает команду «Включить приборы!» На ленту осциллографа пишутся сигналы спектрофотометра о яркости водной поверхности. Записывается точное время, высота, скорость полета. Эту работу выполняют Рейн Рыым, Александр Севастьянов и Таймо Кюббар. Мы же с Олави Кярнером ведем визуальные наблюдения и аэрофотосъемку. Наши коллеги с судна производят отбор проб, замер температуры и содержания кислорода под масляной пленкой и на незагрязненных участках воды.

Волны и ветер со временем делают свое дело: масляное пятно все больше расплывается по акватории и через два часа достигает длины около двух километров. Появляются разрывы в пленке, волны все дальше относят в море оторвавшиеся от основной массы части. Все это важно узнать, заметить, зафиксировать. Сейчас главная задача: получить максимум информации о течении процесса загрязнения.

За работой время летит незаметно. Но командир самолета напоминает: «Можно работать еще десяток минут, затем возвращаемся на аэродром!»

Таких дней было еще пять. За это время все мы — экипаж самолета из Новосибирска, владивостокцы и наши эстонские коллеги — стали одной семьей. Немного грустно было расставаться по завершении эксперимента. Корабль «Океан» продолжал свой научный рейс к экватору, мы же возвратились в институты обрабатывать материалы...

Так выполняется одна из программ института, посвященная изу-

чению переноса загрязняющих веществ в океанских просторах и выявлению способности океана к самоочищению.

Л. БЫСТРОВ,
ведущий инженер лаборатории
аэрокосмической океанологии
Тихоокеанского океанологического
института ДВНЦ АН СССР

Говорит... вулкан

Система радиотелеметрии для сейсмологических исследований в труднодоступных районах разработана в Институте вулканологии. Четыре передающих комплекта установлены на склонах Авачинского, Корякского и Козельского вулканов, которые регистрируют землетрясения. Информация передается по радио прямо в здание Института вулканологии, где и осуществляется ее обработка.

На снимке: сотрудники лаборатории сейсмометрии В. А. Гаврилов и В. И. Сокольников за разбором ленты сейсмической активности Авачинского вулкана.

Фото Л. Макогина

Получите изоподу

«Вот вам, Олег Григорьевич, подарочек!» — сказали, вернувшись из экспедиции в тропические моря на научно-исследовательском судне «Каллисто», морские биологи. Это — изопода рода Батиномус. Обитает она на илистом грунте в прибрежных водах западной Атлантики и в северной части Индийского океана. Добытый экземпляр изоподы имеет длину 35 сантиметров.

На снимке: заведующий отделом гидробиологии Института биологии моря, доктор биологических наук Олег Григорьевич Кусакин с морским сюрпризом.

Фото П. Стеховой

Море заповедное

В заливе Петра Великого, что в Приморском крае, открылся первый в нашей стране заповедник нового типа — морской. Его площадь — 63 тысячи гектаров акватории залива и тысяча гектаров острова. Место для заповедника выбрано не случайно. Залив Петра Великого находится на границе умеренной и субтропической зон. В этом районе расположен стык холодного Приморского и теплого Цусимского течений. Береговая линия тянется на 1700 километров, она сильно изрезана, есть много островов, местами можно видеть крутые скалы, а рядом расположены красивейшие песчаные пляжи.

В водах залива живут теплолюбивые и холоднолюбивые виды морских животных — простейшие губки, кишечнорастворимые, кольчатые черви, членистоногие, моллюски, хордовые. Только рыб в Японском море около тысячи видов, ракообразных — 900, птиц — 200, млекопитающих — 26 ви-

дов. Многие из них есть и в водах залива Петра Великого.

Сотрудники нового заповедника займутся разработкой научных основ сохранения морской фауны и флоры.

На острове Попов, где строится центральная усадьба заповедника, открыт музей морской природы и ее охраны. В его залах широко представлен подводный мир шельфовой зоны Тихого океана. Экспонаты рассказывают об использовании человеком океанической флоры и фауны, о новом направлении в работе научных и рыбохозяйственных предприятий на дальневосточных берегах — выращивание морской капусты, устриц, гребешка.

Музей природы и построенные в будущем морской аквариум и ботанический сад привлекут в открытую для посещения зону заповедника на острове Попов многих любителей природы.

Завод на столе

Струя воды размывает песок, ритмически вздрагивает плоскость стола, и по резиновым его желобам медленно ползет кашица будущего концентрата. Пустая же порода, или, как тут ее называют, «отвальные хвосты», стекает в сливную камеру. Операция повторяется и раз, и два, и три, пока из стола, одетого в ребристую резину, не удастся «выжать» все, на что он способен...

Так в миниатюре выглядит начало обогащения золотоносных морских песков. Впрочем, здесь же мы можем наблюдать и другие нюансы этого процесса: в лаборатории переработки минерального сырья Института химии сосредоточена вся обогатительная мини-техника — центробежный и магнитный сепараторы, похожая на игрушечную флотационная машина, электро-сепаратор. В идиллическую эту картинку так и напрашивается еще детский совочек с голубым ведерком — пересыпать песок из одного крошечного агрегата в другой...

Но если отбросить шутки в сторону, то выйдет, что сотрудники лаборатории на этих маленьких установках сделали большое дело. Ученые утверждают: обогащение морских россыпей Дальнего Востока — возможно.

Вовлечение в хозяйственный оборот страны морских песков — дело принципиально новое, перспективное, и потому первый след торили академические исследователи.

Прошлое Синих скал

Каменные формы для отливки наконечников стрел найдены сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в Ольгинском районе. Находкам на поселении Синие скалы примерно два тысячелетия. В то время племена занимались охотой, делали предметы из бронзы.

На месте землянок первого тысячелетия до нашей эры возникло средневековое поселение племени охотников и рыбаков. Верхний «этаж» при раскопках дал много предметов, которые свидетельствуют о хорошо развитых в то время ремеслах: гончарном, кузнечном, ювелирном. Синие скалы подарили археологам красивые бусы из полупрозрачного халцедона, яшмы, зеленоватых сланцев. Найдено много остатков гончарных изделий с богатым орнаментом. Пополнили коллекции ученых обломки железных частей сельскохозяйственных орудий, охотничьих принадлежностей, бытовых предметов.

Собранный богатый материал поможет ученым представить жизнь людей, живших на берегу Тихого океана в глубокой древности.

Жизнь на рифах

Доктор геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией палеоэкологии Института биологии моря ДВНЦ АН СССР Евгений Васильевич Краснов определяет вид коралла, добытого им на одном из рифов Тихого океана.

Фото Н. Назарова

Подборку подготовила

В. ШЕЙКИНА

Вода из морской бездны

«Профессор Богоров» — новое научно-исследовательское судно Дальневосточного научного центра АН СССР. Оно названо в честь выдающегося советского океанолога.

Три океана пересек «Профессор Богоров» и на пути следования на его борту работала комплексная экспедиция океанологов. Использование уникальной аппаратуры позволило ученым решить ряд сложных задач, в частности, взять пробы морской воды из недр Марианской впадины — самой глубокой в Мировом океане.

Новый корабль науки будет специализироваться только по геологическим и гидрофизическим исследованиям.

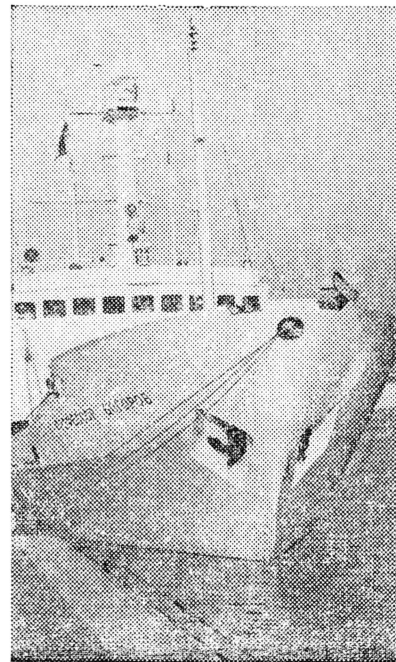

Фото В. Тарасенковой ►

НА ДНЕ МАЛОЙ БУХТЫ

См. 2-ю стр. обложки.

**Георгий
КОЛОКОЛОВ**

На второй день пребывания в санатории, когда я приехал с семьей отдыхать, плавая в маске, я вдруг заметил на дне круглый предмет. Нырнув поглубже, я вытащил... горло древнегреческой амфоры.

На следующий день, вытащив из щели в камнях огромное горло пифоса, я понял, что мой отдых пропал.

Следующей находкой было горло однорукой гидрии, а возможно, это был синдский кувшин — времени разбираться у меня тогда не было, так как безветренная погода обеспечивала прекрасную видимость под водой, и этим нужно было пользоваться. Это позже я выяснил, что синды были местным племенем, которое постепенно оттеснялось греческими колонистами, основавшими на месте нынешней Анапы город-государство Георгиппию.

Новая находка была обнаружена в другом месте, метрах в трехстах от берега, на подводном продолжении северного мыса бухты. Это была амфора, вернее, вся верхняя часть ее — горло с ручками и часть корпуса. Ее конусообразное днище и почти все осколки стенок нашлись в последующие два дня.

Я стал самым надоедливым посетителем местного музея. Морских находок в археологическом отделе там не было, и сотрудники не догадывались даже, что Малая бухта — археологический объект.

Между тем моему примеру начали следовать некоторые другие отдыхающие, и небезрезультатно. На моих глазах спортивного вида

парень вытащил и вручил двум своим восхищенным приятельницам верхнюю часть амфоры. Почему-то все трое тут же оделись и ушли, унося сосуд с собой.

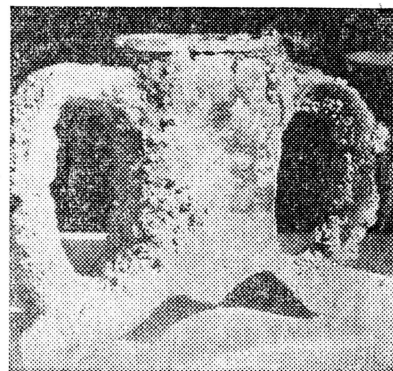
Однажды, раздвинув водоросли и отвернув несколько камней, я обнаружил целый завал битых амфор. На следующий день мы, уже вдвоем с моим добровольным помощником, очень кстати появившимся, производили новые подводные раскопки и обнаружили еще завал, потом еще...

Наиболее крепкая часть амфор — верхняя, горло с ручками и часть корпуса. Эти полуамфоры мы и добывали. После нескольких однотипных стали попадаться сосуды, отличающиеся размерами и формой. Всего я насчитал шесть разновидностей амфор.

Древние мастера на некоторых амфорах, например, на двадцатой из партии, ставили клеймо. Обычно это было название города-изготовителя на ручке или на горле амфоры: «Синопа», «Фасос», «Гераклея». К великому сожалению, ни на одном из двух десятков добытых и дотошно рассмотренных нами сосудов никаких следов маркировки обнаружить не удалось.

Мой отпуск подходил к концу. Пора было возвращаться в свою эпоху.

Однако, как говорится, судьбе было угодно, чтобы я заглянул еще и в средневековье. Во время одного из последних заплывов среди буйной растительности я нашел ржавую железяку. Это был якорь, на его

Наиболее крепкая часть амфор — верхняя...

Возможно, это был синдский кувшин...

двухметровой штанге две лапы из четырех были сломаны. Мы подогнали прокатную лодку, накинули конец на уцелевшую лапу, подтянули якорь к днищу и погребли к берегу.

Якорь оказался интересным. Сравнив его с якорем XII века, представленным в одесском Музее морского флота, я предположил, что найденный мною оставлен в Малой бухте генуэзским судном XIII века, когда на месте давно исчезнувшей Георгиппии процветала фактория Мапа.

Оставив якорь да и все остальное в музее, я уехал домой...

Мой друг Ванчо

Павел
ЗАВЬЯЛОВ

Рисунок
М. Тарабукиной

Жили в далекой уральской деревеньке Пловунья два друга — Иван Чураков и Павел Завьялов. И призывали друзей революция, комсомол. Шестьдесят лет минуло с той поры, и вот один из них рассказывает о друге...

Поучительный рассказ... Пусть и несколько сглажены черты того сурового и героического времени, как бы романтизированы, но разве это не говорит о неискренности именно такого восприятия жизни. Комсомольского восприятия! Память о друге отобрала, отслоила все дорогое, важное, настоящее, что можно и нужно взять в дорогу молодому человеку.

А именно — любовь к Родине, чувство долга, отвагу...

И снова вижу себя в таежной Пловунье, где весело, хоть и не всегда беззаботно, текли годы моего детства. И вижу друга Ванчо, первого и лучшего...

Почему же Ванчо, а не Иван? Однажды в июльский день он забрался в тень жимолости, уснул. Мать хватилась сына: «Вань?.. Ну, где ты, Ва-ань?»

Тот испуганно вскочил: «Чо! Ну, чо тебе?»

Из сарая выглянул отец, с улыбкой сказал: «Ну вот, сынок, будем звать тебя Ванчо. Может, отвыкнешь от чоканья».

Ванчо весело хмыкнул, но от прищипывания отвыкнуть так и не смог...

...Годы детства летят скорее самой быстрой птицей. И не заметили, как сельская школа осталась позади. По детскому недомыслию не поняли серьезности и другого важного события — развязки первой мировой войны. Не прошло и полгода, как случилось несчастье — умер отец Ванчо, надорвавшись при выкорчевке векового пня.

В тот день я впервые увидел друга плачущим. Только и горевать долго было нельзя, хозяйство требовало рук. Пришлось Ванчо бросить учебу, помогать матери...

Поднимался он теперь раным-ранехонько, выгонял на поскотину корову, запрягал Бурка, вывозил

навоз, рубил дрова, косил сено. Мать Ванчо щадила сына сколько могла, но и самой ей приходилось туго. Здоровье стало сдавать, а тяжелой работы не убавлялось.

Цены на продовольствие и одежду росли, и жить приходилось впроголодь.

До приезда в Пловунью отец Ванчо Аксен жил в Глазове Вятской губернии. И тут, на несчастье, царское правительство приступило к освоению новых земель на Урале и в Сибири.

Чтобы заманить новоселов, не покупались на щедрые посулы: обещали большие земельные наделы, безвозвратные ссуды на строительство, хозобозаведение.

Распродал Аксен имущество на Вятке, и через пару недель числился крестьянином переселенческого участка № 36 Кошайской волости Верхотурского уезда.

Номерное название поселка не пришлось жителям, переименовали деревушку в Пловунью, в честь речонки Пловунья, протекавшей неподалеку.

Земельные наделы оказались тайгой, безвозвратные ссуды — займами, подлежащими возмещению, обещанные льготы — обманчивыми сновидениями.

К зиме старательный Аксен построил себе хату: посредине ее сбил огромную глинобитную печь, устроил широкие полаты для ребят, которых было уже трое. Обзавелся коровой, лошастью, кое-каким инвентарем, стал землю возделывать.

До войны ему удалось поднять лишь десятину, не считая занятой под огороды. Неудобренная пашня давала плохой урожай, и своего хлеба на зиму не доставало. Семья Чураковых жила на картошке да на овсяном, колочем хлебе. После смерти хозяина семье стало еще хуже.

Ванчо безропотно нес свои обязанности старшего и, допоздна работая на пашне, умудрялся вечером плести еще и лапти.

Только в праздничные дни Ванчо давал себе двухчасовую передышку. Тогда он усаживался к окну и запоем читал какую-нибудь историческую книгу.

Особенно нравились ему сочинения

о Суворове, Кутузове, Степане Разине. «На смерть Сусанина» выучил наизусть и декламировал с большой выразительностью и пафосом. Как-то, участвуя в лотерее, организованной потребительской лавкой для пайщиков кооператива, Ванчо выиграл ружье — ижевскую берданку. Стрелял он метко, и скудный семейный стол стал с той поры много богаче — в лесу в ту пору водились рябчики, тетерева, зайцы, белки.

На деньги от продажи звериных шкур Ванчо выписал газету «Копейка» — очень популярную из-за своей дешевизны и простоты изложения.

Ванчо плохо разбирался в политике. Война с немцами казалась ему священной. Он искренне горевал, отмечая поражение русских войск, радуясь их победам и только жалкий вид возвращавшихся с фронта инвалидов заставлял его задуматься: «А ради чего, собственно, льется святая народная кровь, в чьих интересах ведется кровавая война?»

Приезд царицы в Верхотурье окончательно охладил патриотический пыл Ванчо.

Ванчо был как раз в городе, рассчитывая выгодно сбыть на базаре около трехсот лаптей. Спрос на лапти оказался слабый, расчет Ванчо на выгоду не оправдался, пришлось отдать товар барышникам за полцены.

В день отъезда Ванчо долго бродил по Верхотурью.

Впервые в жизни он собственными глазами видел несказанное богатство огромных соборов и церквей, восхитился кедровым дворцом и пышностью одежд царицы и ее свиты.

Как-то само собой пришло на ум сравнение собственной убогой хаты с чудным царским дворцом, нищенского одеяния родной семьи со сказочной пышностью одежды дворцовых дам, блистающих золотом, бриллиантами и драгоценными камнями. «Не для всех, видно, тяжела война, а только для нас, — думал он. — Мы-то бедствуем, а царская родня в золоте ходит.»

В свите царицы Ванчо своими глазами увидел и высокого, крепкого, черноглазого мужчину в черной монашеской скуфье на голове, которого все придворные величали «святым старцем». Встречные горожане, поглядывая на мужичка, посмеивались и втихомолку шептали: «Ах, как это нехорошо. Опять Гришка Распутин около царицы вертится. Не может и дня одного прожить без Гришки царица.» Вспомнились Ванчо газетные статьи в «Копейке», всячески превозносившие «святого старца Григория», и с того дня перестал мой друг верить в газетную информацию.

Так, незаметно для себя, и набрался Ванчо уму-разуму.

...Революция. Весть о ней пришла в Пловунью в последние дни февраля. Яркое солнце заливало избы поселка.

Много ждал от революции Ванчо, мечтал, что с ее приходом жить семье станет легче.

Ох, как нужна была ему, четырнадцатилетнему мальчишке, короткая, пусть однодневная передышка. Хотя бы только для того, чтобы как следует выспаться. А спать Ванчо удавалось не больше пяти часов в сутки.

Теперь революция стала явью.

...В середине июня на воротах старостиного дома появилось удивившее всех полуторааршинное объявление, написанное крупными, печатными буквами: «29-го июня, в день святого Петра и Павла, в 10 часов утра, в поселке Пловунья будет проведен сход, с подачей голосов (выборами) в Учредительное собрание. Составятся выступления агитаторов трех партий. Явка для всех граждан с 18-летнего возраста и выше обязательна.»

Агитаторы двух партий уже сидели на отведенных им местах. Партию эсеров представлял солидный, толстый мужчина в модном светлом костюме, с массивной золотой цепочкой на жилете. Он беспрестанно курил сигары и мужики, вдыхая ароматный дым, с удивлением переглядывались: «Чудно, вроде бы табак, а на махру непохоже.»

Агитатор партии большевиков не производил впечатления — двадцатилетняя худенькая девушка в простом ситцевом платье, в дешевой красной косынке на голове.

Время подходило к одиннадцати, а сход все не открывали. На требование жителей начать собрание староста не откликнулся, крепко соблюдал инструкцию председателя управы: «Откроешь сход, когда прибудут представитель кадетов и священник. Не беда, что мужики подождут, меньше других агитаторов слушать будут.»

Собрались наконец. Речь кадета не сразу дошла до сознания селян. Впрочем, тот и не утруждал себя длинным выступлением. Подбадриваемый хлопками и кивками эсера, он, взвалив вину за разруху на большевиков, призвал к выборам, обещал от прихода к власти буржуазного правительства всяческие блага. Не отличались разнообразием и призывы эсера. Зато священник блеснул громкогласием. Выставив вперед серебряный крест и взмахнув рукавами широкой рясы, он предложил «Во имя отца и сына и святого духа» прекратить выступления, проголосовать за действующее «революционное» правительство и его главу Александра Федоровича Керенского, коему «да подаждь Господи мно-о-о-гая ле-е-та».

Вот когда не выдержала девуш-

ка — агитатор от партии большевиков. Она взошла на возвышение, сдернула с головы красную косынку, взмахнула ею, призывая к порядку.

Просто и понятно девушка рассказала о войне, затеянной царским правительством в интересах капиталистов, о развале народного хозяйства в результате войны, потребовала конфискации помещичьих земель и передачи фабрик и заводов рабочим.

Призывом голосовать за партию большевиков, за вручение власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов закончила она свое выступление.

В словах девушки звучала такая искренность и убежденность, что избиратели, пошептавшись между собой, единогласно отдали свои голоса списку № 6 — кандидатам от партии большевиков.

...Бывает иногда так, что какой-то день, а то и час неожиданно перевертывает всю жизнь человека.

Утром, посадив гостью в телегу и подложив под сиденье побольше сена для мягкости, Ванчо, стегнув Бурка, повез агитаторшу в Хмелевку за 12 верст. Заводить разговор с девушкой он не решился, а молча уселся рядом. «Устала, верно, после вчерашнего. Не буду беспокоить разговорами», — решил Ванчо, махнув на Бурка вожжами.

Девушка нагнулась к своему маленькому чемоданчику, вынула из него книгу В. И. Ленина «Что делать?», протянула Ванчо и сказала:

— Прочи на досуге. Эта книга многое объяснит тебе. А если что непонятно будет, обратись к нашему человеку — рабочему Сосвинского завода Ивану Ивановичу Колеватову. Найти его легко — в заводе он один в матросской тельняшке ходит. Скажешь, что от Тони Бойченко. И еще просьба. Если кто придет к тебе и обратится от моего имени, помоги чем сможешь. Договорились?

Ванчо молча кивнул головой.

Тяжкой бедой пришла оккупация Сибири белыми... Мать Ванчо, женщину пожилого возраста, при всем честном народе публично выпоролы за то, что она при красных была избрана председателем комитета бедноты.

Двадцать пять ударов казацкой нагайки получил и сам Ванчо за то, что при встрече со священником не снял шапку. Розги, пытки, расстрелы.

Однажды тихонько стукнулись в стекло. Мутная тень метнулась к форточке, прильнула вплотную, тихонько шепнула:

— Я от Тони Бойченко. Открой! Надо поговорить.

— Входи, — шепнул Ванчо, рас-

пахнув калитку.— Матка спит, пойдем на сеновал...

— Беляки бегут,— шепотом промолвил гость.— Их крепко побили наши на Вятских полянах. Вчера они оставили Пермь. Собираются отступать на Верхотурье. Наша с тобой задача взорвать Молвинский мост, не дать белым увезти артиллерию. Взрывчатка уже заложена, фитили у меня в кармане. Придется круглосуточно дежурить. Хорошо бы прихватить еще одного надежного парня.

В полдень того же дня Ванчо ушел из дома якобы для охоты, прихватив и меня.

Несколько ночей провели мы в нетерпеливом ожидании, засыпая по очереди на кучах свежей травы, сваленной нами под мостом. В любую минуту мог послышаться топот солдатских ног, скрип колес белых. Но все оставалось спокойным. Свяznego не было пять дней и, когда он явился, оказалось, что план отступления командование белых внезапно изменило. Войска со всем снаряжением пошли по реке Сосьве на Тобольск.

Колчаковская армия терпела одно поражение за другим. Дни ее были уже сочтены. Не прошло и года как Урал и Сибирь были полностью очищены.

Скоро жители Пловуньи прочитали такое объявление:

«2-го октября, в 11 часов дня в помещении Кошайской сельской школы состоится общее собрание комсомольцев волости. Повестка дня: 1. Доклад И. И. Колеватова о положении на фронте; 2. Прием новых членов в комсомол».

Школьный зал сиял чистотой. Потолки и окна убраны пихтовыми гирляндами. На стене лозунг: «Трепещите тираны, юный пролетарий восстал!»

Вид молодежи неказист, на плечах каждого пестрое от заплат, коротенькое, ветхое пальтишко, под ним чиненные-перечиненные штаны и юбки, на ногах — порыжевшие от долгой носки лапти или ветхие, хлюпающие оторванной подошвой ботинки или сапоги.

Перед президиумом, вытянувшись в струнку, стоит Ванчо. Сбивчиво и коротко рассказывает свою биографию. Встает Васька Волошилов, председательствующий. Пригладив взъерошенные волосы, спрашивает: «Что отдашь комсомолу?»

Ванчо, не задумываясь, громко и с чувством отчеканивает: «Всего себя... Свои силы... Свою жизнь». Зал бьет аплодисменты, а откуда-то сзади, как бы со смехом, приглушенное восклицание притаившегося подкулачника: «Не принимать! За озорство был всенародно выпорот...»

Смутившийся Ванчо ошеломленно молчит. Я с волнением смотрю на растерявшегося Ванчо. Но тут встает

Иван Иванович Колеватов и отчетливо произносит:

— Иван Чураков хорошо известен парторганизации района. Она настоятельно рекомендует принять его в комсомол...

И, чуть сбавив голос, добавляет: — Попрошу присутствующего в зале милиционера вывести крикуна за нарушение порядка и клевету.

Аплодисменты заглушают слова Колеватова.

...Лето 1920 года выдалось на Урале жарким и сухим, и только в ночь на 5 июля над опаленным зноем Кошаем пронеслась гроза с обильным дождем.

И сразу, словно по заказу, повеселели лица. Уж очень нужным для урожая был этот ливень. В этот час и забежал ко мне Ванчо. Я не сразу узнал друга. Он был в ладной военной форме. Блеск скрипучих ремней, большая коричневая кобура придавали Ванчо внушительный и воинственный вид.

— Что-нибудь стряслось, Ванчо?

— Зачем говоришь стряслось? Нет! Все ладно, даже очень хорошо! — загадочно ответил Ванчо и, не выдержав, опять засмеялся.

— Скажу тебе правду. Я почистил свою справку о рождении, прибавил год, стало 18 лет. Можно служить! Есть еще вопросы?

Нет, вопросов у меня не было. Друг достал из кармана записку.

— Прочти, да отдай матке.

Я мельком взглянул на написанное. Корявым почерком были начертаны всего две фразы: «Мати, не сердись. Я ухажу драться с беляками. Семье в нужде поможет военкомат».

Я молча сунул записку в карман.

...В разведывательном взводе третьей роты 6-го Уральского стрелкового полка появился семнадцатилетний доброволец И. А. Чураков. За четыре месяца Ванчо огурубел, похудел, но улыбка не сходила с лица. Быстрее и охотнее других отзывался он на любой призыв командира. Первым же вызвался на опасное задание — установить связь с партизанской «Зеленой армией» под командованием Яковлева.

Что знал об Яковлеве Ванчо? Ничего! Кроме разве того, что Яковлев и его люди затаились где-то в тылу Врангеля.

Правда, в разведывательном отделе полка Ванчо показали карточку огнеглазого, похожего на цыгана паренька, заснятую еще в то время, когда командир «Зеленой армии» исполнял должность начальника милиции.

Многие в разведывательном отделе полка восхищались легендарным

переходом Яковлева через зимний хребет Яйлы по скользким ледяным тропинкам, ведомым разве только зверям.

Ванчо отправился в опасный путь переодетый в рваную одежду батрака, с искусно подделанными документами от имени тамошнего богача и помещика Т. П. Крутько.

Не раз Ванчо задерживали постовые, не раз били, выведывая правду, агенты контрразведки — имя гостеприимного Крутько помогало выйти из лап охранников невредимым.

С утра и до вечера поднимается усталый Ванчо по спирально вьющейся, еле заметной тропке высокой горы, ведущей к Байдарским воротам.

С замирающим сердцем глядит на открывшееся вдаль синее море, на зияющий внизу черный провал глубокого ущелья, по которому, как рассказывали в штабе, уходила армия «зеленых».

Итак, он у цели. Где-то здесь, над ущельями, похожее на звериную нору, незаметное отверстие, прикрытое порослью мелкого сосняка, — вход в пещеру партизан.

Здесь же при свете факела Ванчо видит Яковлева, передает секретный пакет командования дивизии с планом совместных действий «зеленых» с Красной Армией, с просьбой поддерживать постоянную связь через симферопольский подпольный комитет.

В историческую ночь с 6-го на 7 ноября 1920 года в штабах красных дивизий, загнавших белогвардейцев на полуостров, неумолчно трещал телеграф, сновали ординарцы, а работники штабов, прильнув к огромным картам, взволнованно представляли цветные флажки, отмечавшие движение войск.

Передавалась боевая директива командующего фронтом:

«Секретная. Вне всякой очереди. Командирам 15, 51, 52 дивизий, командиру первой и второй конно-партизанской армии.

Дополнительно директиве пятого ноября № 0011/пш приказываю: произвести демонстративные атаки, дабы привлечь на себя внимание и силы противника.

51 дивизии, усиление коей переданы две военно-партизанские дивизии, перейти вброд Сивашский залив, ворваться плечах противника Перекоп, сбросить врага море.

Конно-партизанским дивизиям двигаться фронтовым резерве. 52 дивизии стремительно выдвинуться на полуостров, отрезать отход противнику кораблям Антанты.

Борьбу вести до полного уничтожения живой силы противника.

Командарм Фрунзе».

Путь красным преграждали непроходимый Сивашский залив, укрепления Перекопского и Чонгорского перешейков и знаменитый турецкий вал, высотой около трех метров, ши-

риной более пяти метров и длиной до 8 километров...

...Глубокая ночь царил над побережьем. Густой туман обволакивал залив, делал невидимым все, что находилось далее двух-трех шагов. Дул сильный северо-западный ветер. Он отгонял воды залива в море и обнажал дно, облегчал переправу.

Взбаламучивая воды Сиваша, в залив вступала знаменитая Блюхеровская дивизия.

В один немолчный гул «Ур-ра!», «Даешь Крым!» сливались голоса наступающих.

В третий раз бросаются блюхеровцы на ощеряющийся пулеметным огнем турецкий вал. В третий раз не выдерживают массивного огня противника и откатываются назад.

От разведывательного взвода шестого Уральского стрелкового полка в живых остался один Ванчо. Он лежит, притворившись раненым у самой кромки вала и спрятав голову за чахлый степной кустик, как бы нарочно выросший для него в этом месте, внимательно наблюдает, откуда и как ведут обстрел белые.

Ему бросается в глаза странное поведение центральной огневой точки противника, находящейся над самой головой. Уж очень она маскирует себя — даже вступает в бой позже других и прекращает огонь раньше, чтобы быть незамеченной. Да и огонь ее куда мощнее остальных, несомненно там несколько пулеметов...

Дерзкая мысль приходит в голову Ванчо. В родном поселке он не раз удивлял жителей свою ловкостью и силой, без «кошки» взбирался на тонкую вершину высокого кедра.

Прикинув что-то в уме, Ванчо сунул за пазуху гранату и вплотную подкатился к облюбованной зеленой полосе.

Быстро сбросив сапоги, Ванчо молниеносным прыжком оказывается на середине насыпи. Ухватившись за кусты, броском взлетает вверх.

Только сейчас его замечает команда пункта; что-то громко кричит офицер взмахнувшего рукой Ванчо и, вскинув боевой пистолет, в упор стреляет в голову разведчика.

Два звука сливаются в один — взрыв гранаты и пушечный выстрел офицера...

Воодушевленные смелостью Ванчо, бойцы бросаются в четвертую атаку и опрокидывают белых. Но славного комсомольца уже нет среди победителей — достала его офицерская пуля...

...Около четырех миллионов молодых людей вступают в комсомол ежегодно. Я рассказал об одном...

ПАМЯТНИК РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

«Дорогая редакция! Уже несколько лет я являюсь читателем вашего журнала, он мне очень нравится. Хотел бы услышать от вас ответы на некоторые интересные меня вопросы.»

Вот один из них: живу я в настоящее время в г. Челябинске, а родился и жил, то есть провел детство и юность в селе Нижняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области.

Стоит до сих пор в этом селе красивая церковь, в настоящее время она реставрируется. Хотелось бы узнать, является ли это сооружение памятником архитектуры? Когда и кем был построен храм? Из старожилов никто не помнит и ничего об этом не знает.

А. П. ХАЛЕМИН».

На письмо А. Халемина отвечает консультант Общества охраны памятников истории и культуры О. А. Анчарова.

Недалеко от г. Алапаевска в селе Нижняя Синячиха есть здание уникальной красоты — Спасо-Преображенский собор. Он возвышается посреди деревенских низеньких домиков и, кажется, что сама гармония, мера и красота зодчества отразились в нем.

Объемная трактовка несложного в своих основных массах собора состоит из основной нижней и верхней частей, которые, сливаясь в компактное живописное целое, в тоже время расчленены поэтажно. Верхняя

часть — уникальное девятиглавие — явление очень редкое в русском зодчестве. Нижняя часть — основной объем — алтарная часть в виде выступа, с запада завершается колокольней. Стены собора прорезаны двумя рядами полуциркульных окон, украшенных наличниками... Ярусность этажей, как бы набирающих высоту, а также укрепление углов собора пилястрами создают впечатление устойчивости. Вместе с тем постепенное облегчение форм, ведущих к девятиглавию, создает впечатление устремленности вверх.

В декоративной пластике собора — нарядной, гармоничной, лишенной излишеств — прослеживается стремление к монолитности.

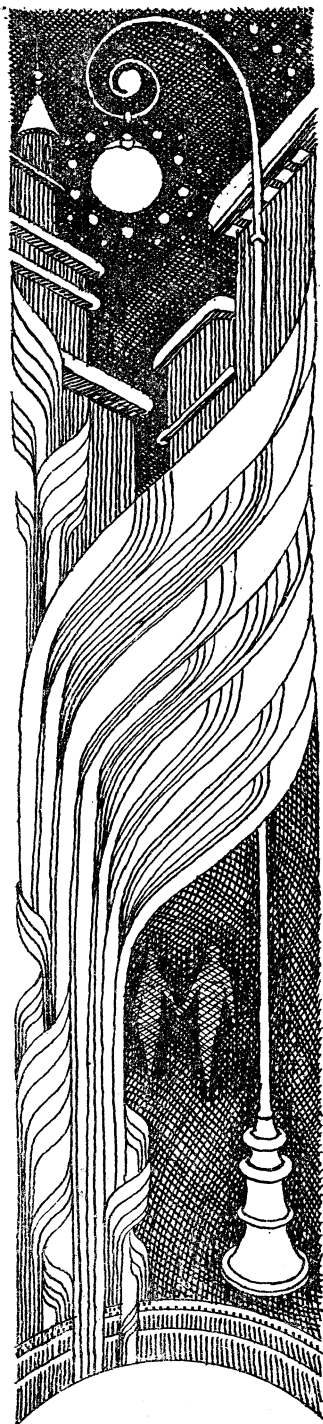
Компактность, выразительность силуэта, соразмерность и гармоничность пропорций делают памятник одним из самых интересных и значительных на Урале.

Собор строился в 1794—1823 годах и в стилевом отношении является одним из редких примеров стиля барокко на Урале. Имя зодчего пока не установлено.

Недавно закончилась реставрация собора. Внутри храма ленинградские реставраторы расчистили и восстановили стенную роспись, выполненную в 19-м веке. Общие работы по реставрации проводились под руководством автора проекта Ивана Даниловича Самойлова. По профессии Иван Данилович, житель г. Алапаевска, инженер-землеустроитель, а по призванию — подлинный художник.

Закончено дело, которого иному хватило бы на целую жизнь, а у Ивана Даниловича новые заботы. Он готовится к открытию первого на Урале музея нашей уральской росписи в соборе, получившем вторую жизнь. В музее будет выставлена коллекция Ивана Даниловича, которую он собирал много лет.

Напой мне осени мотив...

Рисунки
В. Меринова

**Василий
ТУЛИН**

Друзья

Молчаливым стал, не в меру кротким.
Дань плачу, как видно, седине.
Вспоминаются друзья-погодки,
Что навек остались на войне.

Песен своих юных не допели,
Не взрастили возле дома сад.
Все они, как я же, поседели б,
Было б им теперь за пятьдесят.

Внуки бы у каждого и дети,
И забот, как водится, полно.
Хлебом-солью б я погодков встретил,
Если б встретить было суждено.

Выпили бы, вспомнили былое,
Все, что пережили на войне...
Ох, бывает тяжело порою!..
Вас, погодки, не хватает мне!

Не к кому пойти печаль развеять,
Посидеть за дружеским столом.
Что вас нет — и верю, и не верю,
И не я один, а все село.

**Евгений
РАЗУМОВ**

Вдали от компании

Напой мне осени мотив.
И пусть о нас никто не вспомнит.
Как хорошо, про все забыв,
Уйти из bestолковых комнат.

Пускай ревет магнитофон,
Провозглашают тост за тостом...
Уходим мы в осенний сон
Читать вдвоем судьбу по звездам.

Просека

По березке, по осинке,
по ольхе, по сосенке
некому справлять поминки
на веселой просеке.

Так же голосит кукушка,
мошकारа не в трауре.
И наставник мой, Андрюшка,
жмет молчком на тракторе.

Что нам эти елки-палки —
народятся новые.
Мы везем на катафалке
бревнышки сосновые.

И сплавляем их, и верим
в обороты дизеля.
...И бегут подальше звери —
в лес — от победителя.

**Виталий
ЛЫСЕНКО**

Зимнее

Здесь —
Посредине метельной зимы —
Сочно хрустят по сугробам пимы.
Звезды, как вмерзшие в озеро
рыбы.

Эх, дотянуться и взять бы на выбор.

Здесь —
Посредине холодной зимы —
Мы от весенних забот спасены:
Гром не роняют внезапные грозы,
От соловьев нет для сердца угрозы.

Здесь —
Посредине уральской зимы —
Может, нечаянно встретимся мы
В центре фонарного желтого круга,
Взглядом коснувшись, согреем друг
друга.

Здесь —
Посредине суровой зимы —
Губы от холода не сведены,
Их обжигает заветное слово,
Отзвук горячий июня былого.

Здесь —
Посредине уральской зимы —
Тополя почку в ладони возьми
И — разотри, и — почувствуешь лето
Рядом с собой, а не в тропиках
где-то!

Аркадий МЕРЗЛЯКОВ

В колодце стен домов
многоэтажных —
Возня и смех играющих детей.
Запущенный мальчишкой змей
бумажный
Взлетает выше верхних этажей.

Ах, эта высота, безбрежье света,
Тревожный, увлекающий полет!..
И тянет нить, и полететь бы следом
Дорогою неведомых высот.

А змей нырнет и снова гордо реет
У городского шума на виду,
И кажется мальчишке, что не змея,
А солнце держит он на поводу!

Александр КАМЕНСКИЙ

Подышать ароматом сада
Мне сегодня до боли надо,
Гроздь рябины задеть руками,
И коснуться цветка губами,
Выпить ковшик росы студеной,
Постоять под широкой кроной,
По траве пробираться бродом,
Быть один на один с природой,
Ой, как надо мне, ой, как надо
Окунуться в прохладу сада!..

Вадим БОРИСОВ

Лес, как замороженный,
В сумерках вечерних.
Бродит конь стреноженный,
След в росе прочерчен.

Шорох настороженный...
Без часов, а в срок
Вдруг на всю сторожку
Застрочит сверчок.

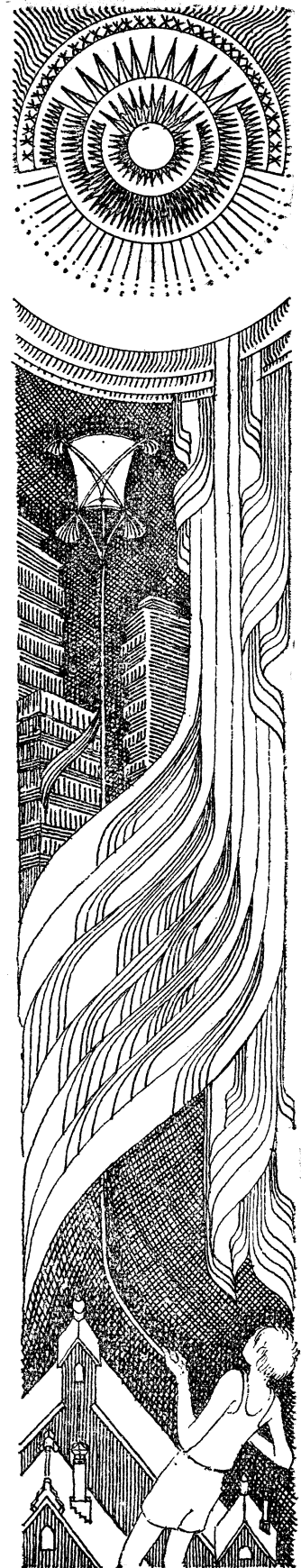
И не гаснет звездочка,
Ей, как мне, не спится.
И в чернила — перышко,
Словно клювом птица...

Вячеслав СИВАКОВ

Звезда

Во влажном небе вызрела звезда,
Отяжелев, качнулась и со стуком
У ног моих упала,
Но когда
Ее я поднял, обжигая руку,
Она уже мертва была, и я
Печально усмехнулся:
«Не моя...»

ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК

Повесть

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

Рисунки
Н. Павлова

Глава первая.

В тихом Ниданго

Полностью его имя писалось так: Гаспар Мендоза дель Уно Пол иль де Соль Досет. Но кроме испанской в жилах майора текла еще и кровь северян, вот почему на деловых бумагах он всегда ставил более строгую подпись — П. Досет или Пол Досет, майор. Именно сдержанность привлекала к нему полковника Клайва, и в тяжелые мартовские дни, когда решалась судьба Тании, Клайв без колебаний поставил Досета во главе штурмовой группы, обязанной устранить Народного президента.

Но меняются времена, меняется и политика.

То, что вызывало восхищение в марте, в июне начало раздражать. Тания, лишенная какой бы то ни было внешней поддержки, Тания, намертво замкнувшая все свои границы, Тания, ощерившаяся сваями взорванных мостов, — эта новая Тания, руководимая ставкой полковника Клайва, нуждалась в лидерах с незапятнанной репутацией. На автомате Досета, оборвавшем жизнь Народного президента, продолжали клясться в верности лучшие представители частей морской пехоты, но... тот же автомат в глазах «костального мира» ассоциировался с топором палача.

— Майор! — приказал Досету полковник Клайв. — Поезжайте в Ниданго. В лесах Абу, окружающих этот порт, все еще скрываются недобитые либертозо. Оружия у них почти нет, они голодают и мрут от болезней, но выходить из лесов не собираются. По крайней мере, генерал Нуньес не смог их выгнать оттуда даже напалмом. Найдите свой путь в Абу. Уничтожьте либертозо. Выя-

вите им сочувствующих. Лишите всех, причастных к движению, гражданского статуса. Отдел национальной разведки, который я поручаю вам, имеет лишь один выход — на Ставку. Надеюсь, это стимулирует вашу инициативу. Успеха!

Досет ответил — да! Он не мог ответить иначе.

Всему свое время... Досет умел ждать.

И, как ни странно, в Ниданго ему понравилось. Подсознательно он давно искал такой уголок — тихий, у океана. Часами просиживал Досет над картой лесов Абу. Ему доставляло удовольствие, плеснув в стакан холодного скотча, представлять страдания либертозо. Деревянные повозки этих отступников, поставленные на большие колеса, застревали в жирной грязи лесов, цеплялись за твердые, как сталь, стволы риний. Морские пехотинцы генерала Нуньеса не давали либертозо и часу покоя. Артиллерийские налеты, воздушные десанты, бомбежки — от этого с ума можно было сойти. Но либертозо упорно продолжали свою бессмысленную, на взгляд майора, борьбу, отнимая оружие у зазевавшихся пехотинцев, питаясь жирно-матовыми плодами пачито. Невероятно вкусные после специальной обработки, эти плоды в сыром виде отвратительны...

Жена и сын Досета не торопились покидать метрополию, и майора это устраивало. Он верил в скорое возвращение в столицу, он знал — пройдет время, и люди забудут о его автомате. Люди склонны многое забывать. Забудут они и о судьбе президента. А там...

В сырых подвалах Отдела национальной разведки Досет вел тщательную подготовку специальных агентов, забрасываемых время от времени в леса Абу. Это были преимущественно крестьяне, туповатые, тяжелые на вид

парни. Они плохо представляли ситуацию, сложившуюся в стране, и, как правило, быстро поддавались и на деньги, и на уговоры. Но, конечно, случалось — они сами, даже после «курсов Досета», уходили к либертозо. Таких, если они имели несчастье вновь попасть в руки морских пехотинцев, немедленно и жестоко уничтожали.

В принципе Досет был доволен состоянием дел. Приказ «срочно заняться сумасшедшей из спецкамеры» уколот его лишь потому, что не он, а генерал Нуньес первым вышел на «сумасшедшую». Хитрого генерала Досет не выносил. Неизвестно, какие заслуги спасли старого лиса в марте, но — шел июнь, а Нуньес здорововал и даже не потерял поста, дарованного ему еще социалистами Народного президента!

Досье, полученное из канцелярии Нуньеса, удивило майора: вместо имени арестованной был нацарапан шифр — А2, регистрационные бланки зияли пустотами. Докладная, приложенная к досье, казалась верхом нелепости.

«12 июня, — писал в докладной дежурный по спецкамере Внутренней тюрьмы Ниданго, — в 22 часа 07 минут вызван врач в спецкамеру. Марта и Аугуста — подсадные — в невменяемом состоянии. Плачут, требуют священника, от помощи врача отказались. В кабинете капитана Орбано обе заявили, что в одной камере с ними оказалась «святая». Лицо, шея, руки, волосы «святой» — А2 — якобы испускают ровный голубоватый свет, «кистинное божественное сияние!» Капитан Орбано, врач, я — мы эти слова подтвердить не можем. Скорее всего, наши сотрудницы переутомлены: с мая месяца каждая из них выявила не менее полусотни инакомыслящих...»

Досет недоверчиво фыркнул и нажал кнопку звонка.

Лейтенант Чолло появился мгновенно. Волосы, аккуратно зализанные на висках и чуть курчавящиеся на макушке, влажно поблескивали. Так же поблескивали крупные, красивые глаза лейтенанта; весь он был свеж и собран.

— Что за чепуху мне подсунули? — спросил майор. — Кто эта святая?

— Анхела Аус! — не моргнув глазом, ответил лейтенант.

— Дочь банкира Ауза? — Досет резко поднял голову. — Что за вздор! Ее вилла и она сама находятся под охраной закона!

— Арест произведен генералом Нуньесом с санкции Ставки.

— Хотите сказать, полковник Клайв в курсе случившегося?

— По-видимому, да, майор!

Досет покачал головой.

— Ну, а Антонио Аус? Он тоже обо всем знает?

— По-видимому, майор! Именно это заставило генерала поторопиться!

— Почему же обо всем этом я узнал только сейчас?

— Генерал Нуньес надеялся на быстрый успех. Он приказал всем, имеющим отношение к этому делу, соблюдать крайнюю осторожность.

— Хотите сказать, старику беседа не удалась? — смягчился майор. — Да, Еугенио?

— Да, майор!

— Что ж... Генерал не впервые сваливает на нас неудавшиеся дела, — майор усмехнулся. — Анхела Аус находилась под наблюдением?

— Эпизодически.

— А пакет, приложенный к досье, он имеет отношение к делу?

— Это отчет капитана Орбано. Он первый осматривал взорвавшийся на западе Абу самолет.

Досет недоуменно поднял брови — Анхела Аус и самолет либертозо?.. Тот самый, что случайно подожгли зенитчики?..

Но спрашивать ничего не стал. Вскрыл пакет, разложил перед собой фотоснимки. На самом крупном из них отчетливо просматривалась большая воронка. Вокруг нее угрюмо торчали ободранные взрывом мертвые пальмы. Тут же, на сожженной поляне, спинами вверх лежали два трупа. Возможно, пилоты... Комбинезоны расплзлись, голые спины казались присыпанными бурой листвой. Но Досет знал, это не листва. Так, клочьями, слезает с обожженных тел кожа...

На других снимках можно разглядеть предметы, найденные в воронке и около: обрывки рулевой тяги, куски плоскостей, бесформенные куски рубчатых оболочек, наконец, витой браслет.

Браслет казался полупрозрачным; он лежал на плоском камне, и майор видел под браслетом темную, шероховатую поверхность камня. Если браслет из пластика, — невольно подумал Досет, — как он не разлетелся в пыль?

И перевернул снимок.

На обороте рукой капитана Орбано было помечено: «В десяти дюймах севернее воронки».

Вздыхнув, Досет перевел взгляд на снимок спекшейся от жара кожаной сумки.

— Это в ней находился список, о котором мне докладывали?

— Да, майор.

— Ну, а какое все же отношение имеет к самолету наша «святая»?

Чолло незамедлительно ответил:

— В записанных нами телефонных разговорах Анхелы Аус весьма явствен ее интерес к судьбе взорвавшегося на западе Абу самолета... Когда капитан Орбано вел беседу с Анхелой Аус, эти снимки случайно привлекли ее внимание, особенно снимок браслета... Капитан на всякий случай спросил: «Что это?» Анхела Аус ответила: «Спрайс», но пояснить сказанное не захотела.

— Почему? — удивился майор.

Лейтенант смущенно опустил глаза.

— Эта женщина необычна... В ней бездна обаяния, майор!

Досет поморщился:

— Еуге-е-енио!.. Впрочем, я понимаю... Приносить извинения Клайву и Аузу придется и вам... Что, кстати, по поводу самолета говорят эксперты?

— Мощный спортивный самолет, способный поднять пилота, пассажира и около двух тонн груза. Взорвался при посадке на одной из опушек западного Абу. Летевшие погибли. Груз, перечисленный в знакомом вам списке, почти полностью уничтожен взрывом. Имя пилота известно — Мигель Кнайб. Гражданин. Лоялен. Член общества самообороны. Пассажир самолета не опознан.

— Браслет принадлежал пассажиру или пилоту?

— Нет, он найден в стороне от их тел. Скорее всего, он просто входил в груз самолета. С этим браслетом вообще много неясностей.

— А именно?

— Он выполнен из сплава, не известного нашим экспертам. Прозрачен, как стекло, тяжел, как золото. В холодильной камере и под резаком автогена металл браслета упорно сохраняет одну и ту же температуру. На нем нет ни царапин, ни трещин, а ведь, заметьте, он побывал в самом центре взрыва!.. Взгляните сами!.. — лейтенант быстро, но без суеты, открыл рабочий сейф и выложил на стол аккуратный сверток.

Браслет как браслет... Досет внимательно осмотрел его витые полоски... Да, тяжел. Да, прозрачен. Да, необычно прохладен для такого жаркого дня... Но стоит ли над этим ломать голову?

И вздохнул про себя — игрушка!

Впрочем, экспертам виднее...

— При каких обстоятельствах арестована Анхела Аус?

— Три дня назад в саду виллы «Урук», принадлежащей Анхеле, морские пехотинцы схватили одного из лидеров либертозо — бывшего гражданина, ныне туземца, Хосефа Кайо. В перестрелке с моряками Кайо был ранен, но уже перед этим плечо туземца кто-то пробил пулей. Вполне возможно, Кайо участвовал в стычке с моряками в западном Абу, в день гибели неизвестного самолета... Самое любопытное, что рана Кайо была весьма профессионально обработана. Помочь чело- веку, еще в марте объявленному вне закона, могли

только обитатели виллы. Их двое — Анхела Аус и ее личный телохранитель Пито Перес. Перес — наш осведомитель, мы в нем уверены... А вот хозяйка виллы ничем не захотела рассеять сомнения морских пехотинцев Нуньеса. Впрочем, рассеять их было бы трудно. На одном из подоконников засохли пятна крови, в урне был найден грязный бинт. Кроме того... — Чолло сделал многозначительную паузу. — Анхела Аус говорила о туземце с уважением. Так, будто он никогда не лишался гражданских прав!

— Ну и что? — возразил майор. — Дочь человека, на капитале которого держится вся страна, может позволить себе нетривиальные высказывания!.. В более пакостную историю, Еугенио, нам уже не попасть... — И взорвался: — «Говорила о туземце с уважением!» А вы не знаете, что несколько лет назад все наше высшее общество только и говорило о романе журналиста Кайо и первой женщины Тании?.. Разумеется, тогда Кайо был гражданином... Но поймите же, Еугенио, этот туземец для Анхелы и сейчас гражданин! Она плевала на наши законы! Ей захотелось помочь Кайо? Ну и бог с ней, с ее капризами!.. Неужели нельзя было этого туземца прихватить где-нибудь в стороне от виллы? Неужели надо было лезть в виллу Анхелы Аус?

Чолло смутился. Досет раздраженно перелистал досье.

Донесения агентов — сумбурные, преступно небрежные. Мутные, явно исподтишка сделанные фотографии... А это кто? Круглое лицо, большой рост, улыбка... Досет искоса взглянул на лейтенанта и перевернул фотографию. Народный президент! Сколько он еще будет попадаться на глаза?..

Итак, подвел итог Досет... Анхела Аус. Самая обаятельная женщина страны. Законодательница танийских мод. Владелица огромных поместий, как в Ниданго, так и под столицей... Весьма недурной капитал, вложенный в банки отца... Двадцать шесть лет. Не замужем. Зарегистрированная профессия — археолог. Впрочем, чисто полевыми работами никогда не занималась. Все материалы для нее добывал и добывает некто Курт Шмайз, доктор археологии, немец по происхождению, таниец по гражданству. Участие Анхелы в его многочисленных поездках по многим странам мира всегда сводилось к пересылке ему крупных денежных сумм. Впрочем, у больших людей — большие игры... Отцом Анхелы, пусть и приемным, был банкир Антонио Аус, с этим человеком безоговорочно считался даже полковник Клайв.

— Лейтенант, почему в досье нет фотографий Анхелы?

— Мы нигде не нашли ее фотографий.

— А тюремный фотограф, почему он не снял ее?

— Он делал это семь раз, майор! И все семь раз пленки оказались засвеченными! Эксперт Витольд этому не поверил, побывал в спецкамере сам — со счетчиком Гейгера. К сожалению, без результатов. Никто ничего не может понять.

— А тюремный художник?.. Этот, как его... Этуш!.. Куда испарились его таланты?

— Этуш отказался писать Анхелу. Он заявил, что не пишет святых. Он заявил, что пишет только преступников.

— Однако!.. — протянул майор. — Вы что, работаете в модном салоне?

— Дуайт и я пытались втолковать это художнику.

— И что же?

— У Этуша расшатано здоровье, майор. С ним трудно работать.

— Я недоволен, лейтенант. Информация, которую вы мне преподнесли, весьма туманна. Можете идти.

Проводив лейтенанта взглядом, Досет взялся за телефон.

— Дуайт?.. Немедленно смените охрану спецкамеры. Только самых надежных людей!.. Доставьте арестованной приличный обед, ну, хотя бы из ресторана Гомеса... И запомните — никаких контактов! Никаких!

Таинственный браслет лежал прямо перед ним. Майор прикоснулся к его прохладной поверхности, перевернул, всмотрелся в зеркальное утолщение браслета. Круглая стриженная голова, прижатые уши, волевое лицо... Досет невольно кивнул Досету — себе... Его многое смущало в деле Анхелы Аус, но он не мог не признать — кое-какую пользу из всего этого можно было извлечь...

Глава вторая.

Вилла «Урук»

Досет вполне доверял капитану Орбано, но вторичный осмотр виллы «Урук» решил провести сам.

Сразу за пальмовой рощей, скрывавшей в своей прохладной глубине узкую подъездную дорогу, начиналась глухая каменная стена. Майору показали место, где был схвачен туземец. Стена в нескольких местах была выщерблена автоматными пулями.

Сад, окружавший виллу, был глух, обширен. Досет с недоумением осмотрелся — уж слишком разителен был контраст между душным Ниданго и этим пригородом. Большие деревья, безлюдье, наконец, тяжелая семизатяжная башня, вознесшаяся в глубокое небо, — кто, для чего воздвиг это странное сооружение? Храм не храм. И к тому же, ни окон, ни дверей...

— Что находится в башне?

Если бы майору сказали — службы, склады, лаборатории, он бы не удивился, но эксперт Витольд, высокий, сухой старик, зло покусывающий узкие синие губы, ответил:

— Абсолютно ничего! Пыль, паутина...

— Совсем ничего?

— На верхнем, седьмом этаже стоит стол, — уточнил эксперт.

— Только стол? Зачем?

Витольд пожал плечами. Зато лейтенант Чолло многозначительно произнес:

— Со смотровой площадки башни виден океан и даже леса Абу!

Чем больше ходили они по вилле, тем больше удивлялся, нервничал, начинал злиться майор.

Хотя бы лестница...

Зеленые, желтые, голубые кирпичи из обожженной глины мостили дорожку, ведущую к ней. Весело, не потанцевать, поблескивали краски. А с обеих сторон лестничного марша мрачно возвышались каменные человекобыки. Их надменные, вывернутые наружу ноздри даже в полдень хранили в себе часть тьмы.

Равнодушные вечности!

Но стоило майору подняться на три ступеньки, как мертвые статуи угрожающе ожили. Каменные ноги пришли в движение — одна ушла вперед, вторая отступила, неожиданно явилась третья; казалось, бык шагнул навстречу майору.

Черт знает что!.. Досет медленно вошел в холл.

Несмотря на охрану, виллу разграбили. Сделали это, впрочем, сами же моряки. Они лучше всех знали — как следует относиться к имуществу врагов Тании.

Но врага ли в данном случае? Не слишком ли потропились моряки? Не слишком ли далеко зашел в своем рвении генерал Нуньес?..

Думая так, Досет шагал по широкому темному коридору. Он надеялся на находки. На мелкие, пусть косвенные, зато способные подтвердить или опровергнуть вину дочери Ауса... К сожалению, моряки поработали на славу: под армейскими башмаками Досета шелестели бумаги, похрустывала битая посуда.

Библиотека... Пожалуй, лишь ее не тронули люди Нуньеса...

Досет провел указательным пальцем по запылившимся книжным корешкам. Записки Естественного Института. Труды Лайярда, Смита, Крамера, Гротенфенда... Это понятно, Анхала — археолог. Но зачем тут работы Энгельса, Кортланда, Депре — всех этих политиков и социалистов? Неужели полковник Клайв, бывая на приемах Анхелы, ни разу не намекнул ей на неуместность столь тенденциозной литературы?.. Народный президент — куда ни шло. Он сам был социалистом. Но и его могли смутить кое-какие из книг, собранных Анхелой Аус. Например, коричневые романы Ганса Цимберлейна...

— Что это? — спросил майор, останавливаясь перед широкой нишей, в которой аккуратно, как плоские сигаретные коробки, стояли в ряд глиняные таблички.

— Клинопись, — заметил Витольд. — Анхела Аус гордилась своим собранием древних шумерских текстов. Я наводил справки в университете Эльжбеты — работы Аус не пользовались широкой известностью, но ни один специалист не отзывался о них с пренебрежением.

— Чем она, собственно, занималась?

— Мифологией древнего Шумера, в частности — разработкой эпоса о Гише.

— Гиш — это человек?

— Даже царь.

— Чем же он так известен?

— Он правил доисторическим городом Уруком. Очень давно. Тысячи за три лет до нашей эры. Я внимательно просмотрел книгу о Гише, выпущенную у нас несколько лет назад. Кстати, ее иллюстратором был Этуш, тюремный художник. В свое время он имел неплохой доход, дружил с археологом Шмайзом, был вхож в дом Анхелы Аус...

— Я запомню, — кивнул Досет. — Расскажите о царе.

— Этот Гиш был большой оригинал. Подружившись с полузверем-получеловеком по имени Энкиду, он разорил не только врагов, но и собственный город. А потом сумел поспорить и с богами.

— А в чем важность подобных сказок? — удивился Досет. — Стоит ли тратить время и средства на их изучение?

— Традиции, — пожал плечами эксперт. — Это не нами заведено... Гиш отверг любовные притязания богини, а когда умер от неизвестной болезни его друг Энкиду, отправился искать секрет бессмертия, надеясь наградить им всех живущих.

— И нашел?

— Да... чтобы тут же потерять. Утомленный переездом через море, Гиш прилег отдохнуть, и змея выкрала у него бесценную траву, настой из которой давал бессмертие.

Глина и книги...

Тщательно, дюйм за дюймом, Досет осматривал библиотеку. В толстых папках Анхела Аус хранила бесчисленные вырезки из газет, журналов, разрозненные записи, отскики статей, непонятные майору расчеты.

— Пусть ваши люди просмотрят все это, — приказал Досет эксперту. — Меня интересуют личные записи Анхелы Аус. Ее дневники, письма, заметки, рукописи, запись расходов... Я пришлю в помощь сотрудников Нуньеса. Пусть старый лис не думает, что отвечать за все будем только мы. Совместная работа пойдет ему на пользу. Не правда ли, Еугенио?

— Это так! — согласно подтвердил лейтенант.

Все трое — Досет, эксперт, лейтенант — поднялись в спальню.

В небольшой, оскверненной моряками, комнате валялось порванное белье. Рубашка, повисшая на расщепленной дверце вскрытого шкафа, была явно французская...

— А взгляните на обогреватели! — восхищенно заметил Чолло. — Плитка к плитке! Доктор Шмайз вывез эту глазурь из Ирака. Ей, наверное, тысячи лет... Бешеные деньги, майор!

— Оставьте! Чем не понравился морякам портрет? Портрет, о котором говорил Досет, висел в простенке.

Волевое лицо, окруженное седым облаком клубящихся, будто поднятых порывом ветра, волос; огромный выпуклый лоб; квадратная, как у человекобыков, борода; странные, по-женски нежные, необычайной голубизны глаза... Портрет с трудом вмещался в раму. Она была ему тесна. Духовно тесна. Видимо, это и возмутило моряков — над властно поднятой бровью черное звездчатое, как в стекле, пулевое отверстие...

— Кто изображен на портрете?

Эксперт пожал плечами.

— Но какую-то привязку отыскать можно? Родственник? Историческое лицо? Друг дома?

— Пока я могу сказать одно: не таниец.

— Но написал-то портрет таниец! — усмехнулся майор. — Видите завитушку в нижнем левом углу?

Этуш! Наш старый знакомец! — и выразительно взглянул на лейтенанта: — Не забудьте позвонить в госпиталь. Пусть напикают художника каким-нибудь стимулирующим дерьмом. Вечером он мне понадобится.

— Можно исполнять?

— Да, Еугенио!... И скажите Дуайту — беседу с Анхелой я буду вести в «камере разговоров». Пусть готовят туземца, этого Этуша и... «Лору». Она нам тоже понадобится!

Глава третья.

В «камере разговоров»

Досет не сомневался в успехе, но глоток скотча был, пожалуй, не лишним. Он, этот глоток, как бы отмечал переход к действиям. К действиям, конечным итогом которых являлось выяснение истины... Люди умеют скрывать свои истины, они нашли много способов их скрывать. Но способов вырвать истину ничуть не меньше.

И все же Досету было нелегко. Длинный узкий конверт с личной печатью банкира Ауса, доставленный десять минут назад вернувшимся из столицы капитаном Орбано, вызывал неприятный холодок в груди.

«Родина переживает трудные времена, — писал Аус. — Дух наживы, дух хищничества, коррупция, царившие в кабинете Народного президента, привели страну к экономическому развалу... Мы, свободные танийцы, всеми силами души веруем в успех великого дела, начатого полковником Клайвом и Вами лично, майор... Прошу принять скромные пожертвования... Уверен, они позволят Вам улучшить работу вверенного Вам отдела...»

В конверте находился и чек. Выписан он был на предьявителя...

Досет хмыкнул. Антонио Аус знал, что делал. Он не звонил полковнику Клайву, он не упрекал Ставку. Даже в письме к Досету он ни словом не намекнул на положение дочери, заключенной во Внутреннюю тюрьму.

Чувство, охватившее майора, было сложным. Он должен был выполнить приказ Ставки, должен был выяснить степень мнимой или действительной вины дочери Ауса. И в то же время оказаться полезным банкиру.

Над этим стоило подумать...

Как бы то ни было, Досет понимал Ауса. Об Отделе национальной разведки ходили по стране разные слухи. Мрачные подземелья, каменные мешки, кишасщие голодными крысами, пытки током, бессонницей, химическая обработка... У Ауса были причины для тревоги, хотя Досет не верил в серьезность дела. Самолет — да! С этим следует повозиться!.. Но Анхела... Это тот подарок, который шлет ему, Досету, бог... Избалованная, капризная, начитавшаяся своих книжек, она могла вообразить что угодно; в конце концов, она даже туземцу могла помочь... Почему бы и нет? Ведь у нее были деньги...

По узкой каменной лестнице майор спустился в «камеру разговоров». В этой бетонной клетке всегда пахло крысами. И — ничего лишнего! Деревянный стол, в

углу — ржавая раковина. Кресло для Досета, второе — неудобное — для допрашиваемого. Наконец, «Лора» — голая металлическая кровать, снабженная системой замков и электропроводки.

Повинуясь знаку Досета, дежурный сержант передвинул кресло. Оно должно было стоять так, чтобы, подняв глаза, он, майор Досет, сразу мог впиться взглядом в глаза допрашиваемого. О, нет! Он, Досет, не собирався ломать ребра дочери банкира! Но ведь, кроме нее, предстояло говорить еще и с туземцем. А из таких, как он, слова вытягивают плетью.. Впрочем, и Анхелу следовало припугнуть... Никаких сантиментов!

Спокойно и деловито майор ожидал женщину, о которой так много слышал и с которой никогда не думал увидеться.

Сколько еще?.. Около пяти минут... Пользуясь этим, майор просмотрел доставленную из виллы «Урук» телеграмму. «Нашел!» — сообщал из Ирака доктор Шмайз. Дата на бланке трехнедельной давности, о чем шла речь — неизвестно, но Досет знал — самыми сильными аргументами в борьбе за скрытую истину бывают иногда аргументы случайные...

Майор слышал, как лязгнула дверь, как громыхнули на каменной плите тяжелые башмаки морских пехотинцев. Потом он услышал почти потерявшиеся в этом шуме шаги Анхелы Аус, грохот затворившейся за моряками двери. И то, как Анхела Аус легкими, почти неслышными шагами приблизилась к столу и, не ожидая приглашения, опустилась в неудобное кресло.

Досет незаметно потянул ноздрями душный и сырой воздух. Ему показалось?.. Нет!.. От Анхелы Аус и впрямь пахло не то травой, не то лесными цветами... Непонятно пахло, тревожно.

Майор ждал. Он не спешил поднять голову.

Пусть, думал он, присмотрится Анхела к голым стенам, к «Лоре», к ржавой раковине. Пусть хоть на секунду почувствует она отчаяние, наконец, страх! Пусть этот страх холодом сведет ее мышцы, тошнотворно уйдет к ногам и так же тошнотворно вернется к сердцу.

Он знал — когда наступает такой момент. И тогда поднимал голову.

Увиденное его поразило.

Дочь Ауса, кутаясь в руану, сшитую из тончайшего, прохладного даже на взгляд, шелка, чуть недоуменно, но без особого интереса разглядывала лейтенанта Чолло, который, каменно застыв у входа, ошеломленно выкатил на Анхелу круглые поблескивающие глаза. Меньше всего, казалось, Анхелу занимал он — Досет, и все же каким-то внутренним чувством майор понял: Анхела видит его, воспринимает каждое движение и... не испытывает ни смятения, ни страха!

И Досет сразу сменил тактику:

— Вас что-нибудь удивляет?

— Нет, — мягко ответила дочь Ауса и, поправив длинными пальцами сползающую с плеча руану, обернулась.

Продолжить допрос Досету помешал Чолло.

— Витольд просит разрешения войти, майор!

— Пусть войдет! — как ни странно, Досет обрадовался неожиданной оттяжке.

Витольд боком, по-старчески, вошел в камеру, проворчал под нос что-то обидное и вызывающе прочно утвердил штатив посреди «камеры разговоров».

Затвор щелкнул. Витольд буркнул:

— Благодарю!

Он мог не заботиться о вежливости, но так уж у старика получилось. Досет промолчал. Бог с ним, с Витольдом...

Ткнув пальцем в кнопку магнитофона, он холодно спросил:

— Имя?

Она улыбку.

— Анхела Аус.

— Место рождения?

— Я никогда не знала ни своих настоящих родителей, ни своего места рождения. Меня нашли в Мемфисе, и до семнадцати лет я воспитывалась при монастыре Святой Анны.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Образование?

— Школа при том же монастыре, затем университет Эльжбеты.

— Где проживали последние пять лет?

— В Ниданго. Но часто выезжала в столицу.

— Ваши знакомства?

— Кто именно вас интересует?

— Самые близкие друзья.

Она без колебания назвала известную модистку; двух художников, о судьбе которых Досет ничего не знал; семью социолога, публично расстрелянного еще в марте — за связь с либертозо; семью Народного президента, высланную в Уетте; доктора Курта Шмайза, еще не вернувшегося в Танию; наконец, жену генерала Нуньеса и, не без милой улыбки, полковника Йорга Клайва...

Пока Анхела говорила, Досет внимательно ее изучал. Восхитительная, в высшей степени восхитительная женщина! Хотелось улыбнуться, прикоснуться к ее рукам, которые она прятала под руаной...

Досет поймал себя на том, что откровенно любит дочь Ауса, и холодно заметил:

— Простительно ли истинной танийке иметь столь пеструю, предосудительно пеструю библиотеку?.. Я говорю о книгах, собранных вами в стенах виллы «Урук».

— Специалист должен знать все, что делается в смежных с его наукой областях.

— Вы хороший специалист?

— Да, — сказала она без колебаний. — Я хорошо знаю историю.

— Но зачем изучать заведомо ложные теории?.. Вы понимаете, о каких теориях я говорю? — Досет намеренно не произнес вслух любимое слово Народного президента — социализм.

— Специалист должен быть беспристрастен.

— А если под этим термином прячется сознательная ложь?

Анхела не успела ответить. В камеру, не обращая внимания на лейтенанта, вошел эксперт Витольд. Его уз-

кие старые щеки густо расцвели — старик был раздражен, даже взбешен.

Но Досет почувствовал удовлетворение.

Эксперт не лгал — эта чушь с samozасвечивающимися пленками подтвердилась! Пластинки, принесенные Витольдом, были сырые, и их забивала беспросветная чернота!

Знаком отпустив Витольда, Досет молча раскурил сигару. Клуб сизого дыма доплыл до Анхелы, и Досет отметил, как уклончиво, как неуловимо дрогнули ее ресницы... Усмехнувшись, Досет предложил сигару лейтенанту. Пусть курит! Анхеле не нравится дым... Отлично! И, уже обращаясь к ней, произнес:

— Анхела Аус! Вы находитесь в Отделе национальной разведки! С вами разговаривает майор Пол Досет. Чем честнее, чем проще будут ответы на вопросы, которые мы сформулируем, тем быстрее вы сможете вернуться к своим привычным делам, к своему дому. Как правило, люди любят упираться, им не хочется говорить о своих проступках вслух... Вам я помогу... Сейчас вы услышите запись некоторых ваших телефонных бесед. Надеюсь, это раскроет вам глаза на характер предстоящей беседы...

«Я думал, ты у Октавии...—Только Анхела могла уловить скрытое беспокойство Антонио Ауса.—В такие дни нехорошо оставаться одной».—«О чем вы, отец?»—«О самолете, который разбился вечером близ Ниданго. Говорят, на его борту были иностранцы. Я видел полковника Клайва, он всерьез озабочен возможностью иностранного вмешательства во внутренние дела Тании... Ниданго — порт. Вторжение, если оно состоится, несомненно последует и через Ниданго...» — «Что это за самолет, отец?» — «Не знаю подробностей. Да и зачем это тебе?.. Кто с тобой, кстати, сейчас в вилле?» — «Пито Перес, отец...» — «Пито — хороший парень, но где остальные?» — «Скучают в казармах. Генерал Нуньес готовит добровольцев для очередной прочистки лесов Абу...» — «Я пожалуюсь Клайву! Нуньес не имеет права оставлять тебя одну в незащищенной вилле!» — «Не надо звонить Йоргу, отец. В Ниданго сейчас птиц меньше, чем морских пехотинцев!.. И еще... Этот самолет... В нем действительно были иностранцы?» — «Так мне сказал Йорг. Я ему верю.» — «А кто занимается самолетом, отец?» — «Кажется, генерал Нуньес...»

Майор молча переключил скорость магнитофона.

«Анхела, дорогая! — доверительный, хищный голосок принадлежал Октавии, третьей по счету, красивой, но весьма недалекой жене Нуньеса. — Тебя интересует разбившийся на западе Абу самолет?.. Что за чудачество, радость!.. И что я могу знать?.. Ведь он же упал не за моим окном! — Октавия рассмеялась и перешла на трагический шепоток: — Ты постоянно одариваешь меня идеями! Я вдруг поняла — как мне следует начать свой роман. Слушай! — И процитировала: — ...И тогда горизонт яростно раскурил длинную алюминиевую сигару самолета!»

— Достаточно! — сказал Досет и выключил магнитофон.

Почему он его выключил? — удивленно и насторо-

женно спросила себя Анхела. Ведь самое главное в разговоре с Октавией было связано не с самолетом, а с Гишем!

Унижение... Именно унижение вновь и вновь переживала Анхела, разговаривая с Октавией.

Разве обман не унижает? Разве жизнь Октавии не обман?

Отсутствие выездов, яхта, поставленная на прикол, неприятные новости из лесов Абу, где один за другим погибали знакомые офицеры, — все это, конечно, могло выбить из колеи привыкшую к вниманию, к обществу женщины. Но взяться за литературу, причем литературу историческую! Только ограниченность Октавии мешала ей заметить опасность избранного пути...

Это мой пример повлиял на Октавию, — сказала себе Анхела. — А жадная зависть лишь подлила масла в огонь... Как по-дилетантски обратилась к истории жена Нуньеса! Дешевые популярные работы, альбомы, иллюстрированные каталоги... Она решила писать о Гише! Плоско и мелко толкуя плоские и мелкие мысли популяризаторов, Октавия мечтала о масштабном полотне, которое объяснило бы человечеству парадокс Гиша.

«Как! — возмущалась Октавия. — Тысячи лет подряд люди восхищаются царьком, заставившим стонать свой собственный город! Господи правый!.. А эта его встреча с пьяницей Энкиду!.. Нет, Анхела, что там ни говори, история не имеет права хранить подобные документы! Они пусты! Они, наконец, безнравственные!»

«А ты не подумала, Октавия, что странности Гиша могли проистекать и оттого, что он не встретил в своем времени ни одного в чем-то равного себе человека?»

«А другие цари?»

«Дело не в титулах... Мне жаль, дорогая, что ты не идешь дальше популярных книг. Изучать следует глину... В конце концов, за сумасбродствами Гиша стоит то же самое, что прячем за своими сумасбродствами мы, — тоска по другу, жажда любви, страх перед смертью...»

Говорить с Октавией о Гише было столь же мучительно, как мучительно говорить о любимом, но потерянном человеке в скучном и долгом поезде со скучным, тупым попутчиком. Когда Октавия произносила — Гиш, Анхела невольно слышала и другое имя — Риал. Ибо думать и говорить о Гише стало для нее с некоторых пор равносильным — думать и говорить о Риале...

В этом записанном на пленку разговоре с Октавией, — сказала себе Анхела, — я была неосторожна. Вдумчивый человек по тону, каким я говорила, по дыханию моему смог бы определить — я говорю о Гише, как о живом человеке!

И с горечью Анхела добавила: этот человек был бы прав.

Как бы она ни лгала, через час я ее отпущу, — решил майор. Тот, кто затеял с нею игру, был круглым идиотом. К тому же чек Ауса... Я должен его отработать... Что же касается виллы, пусть отвечает Нуньес!

Пусть уезжает, — подумал он об Анхеле. Ей не место в Ниданго! Что бы она ни солгала, я постараюсь поверить ей.

Он был убежден в правильности своего решения, и ответ Анхелы сверг его в изумление:

— Да, я знаю, что за самолет разбился в лесах Абу. Досет усталился на Анхелу.

— Знаете?

— Да. И готова вас обрадовать. На его борту не было никаких иностранцев. Только пилот и с ним мой друг — археолог Курт Шмайз. Он торопился доставить в Ниданго те археологические материалы, что посчастливилось ему раскопать в Ираке. Я лично наняла этот самолет, я торопилась, мне хочется закончить большую работу, посвященную проблемам эпоса о Гише. Может быть, мои действия выглядят вызывающими, но, право, я не видела никакой другой возможности получить свои материалы, — ведь границы Тании замкнуты!

В словах Анхелы звучала странная убедительность. Но само признание выглядело безумным!.. Досет негромко сказал:

— Мне по душе ваша честность. Это честность танийки! Еще несколько вопросов, и вы свободны.

— Слушаю вас...

— Что именно вы называете «материалами» Шмайза?

— Клинописные таблицы, барельефы, орудия труда, статуэтки.

— И только?

— Разумеется.

— Так... Так... — Майор вынул из стола мятую машинописную страницу, развернул ее и медленно, чуть ли не с торжеством, произнес: — При неудачной посадке самолет Кнайба разлетелся на куски. Понимаете, Анхела, он взорвался!.. А в сумке пилота сохранился вот этот листок — опись груза, взятого на борт в порту одного не очень-то расположенного к нам государства... Прочтите! — и передал Анхеле бумагу.

Анхела прочла:

«Легкое оружие: автоматические винтовки, тип AP18... автоматы... пистолеты калибра 7,65... Оружие огневой защиты: гранатометы калибра 88,9... ручные пулеметы... минометы калибра 60... Материалы для диверсии: пластиковая взрывчатка... мины для поражения автомобилей... мины типа «черная вдова»... Боеприпасы...»

— Недурной размах, правда? — спросил Досет. — Либертозо хотят настоящей войны... Но они ее не получают!

Раскурив погасшую сигару, Досет холодно взглянул на Анхелу.

— Нелепо утверждать, что все перечисленное в списке является «археологическими» материалами. Так что будьте добры ответить... — голос Досета звучал резко и требовательно. — Где было куплено оружие? На чьи деньги? При чем посредничество? Когда и куда придет следующий самолет? Ведь должен же он быть, правда?

Анхела не ответила, но Досет перехватил взгляд, брошенный ею на браслет, с которого сползла прикрывающая его папка... Ощущение новой, не менее серьезной тайны охватило майора. Он не смог объяснить себе этого чувства, но и отделаться от него тоже не смог. И сказал себе — разговор затянется... Если я не могу отработать чек Ауса, есть другой вариант — вырвать из этой странной женщины тайну оружия, оказавшегося в самолете, и тем самым заполнить место в Ставке.

— Что у тебя? — спросил он явно черничавшего лейтенанта.

— Вас срочно хочет видеть эксперт.

— Хорошо. Иду. — И перевел взгляд на Анхелу. — У нас мало времени... Думайте!

Глава четвертая

Туземец

Витольд сидел за узким деревянным столом и даже не встал при появлении майора. Его взгляд выражал крайнее уныние, но и агрессивность тоже.

— Ошибка исключена! — заявил он чуть ли не с отчаянием. — Я перебрал все фотопластинки нашего склада, я затребовал самые свежие со складов фирмы «Дельмас»!.. Дочь Ауса — дьявол, а не человек, майор!

— С чего вы взяли? — усмехнулся Досет и процитировал тоном Чолло: — «В ней бездна обаяния!»

— Послушайте! — Витольд усилил звук включенного приемника, и лаборатория — тесное подвальное помещение, примыкающее к «камере разговоров», — наполнилась ритмичным гулом. Так мог звучать пульс здорового, уверенного в себе и в своей судьбе человека. — Я не стану утверждать, что мы слышим дыхание Анхелы Аус, но до ее появления мы никогда ничего подобного не слышали. В этой женщине бездна не обаяния, а энергии, майор!

— Хватит! — оборвал Досет. — Вы — старый эксперт! Держите себя в руках!.. Где портрет? Его доставили к нам?

— Да, — хмыкнул Витольд. — Доставили. И не только портрет...

Досет вопросительно поднял голову.

— В сегодняшней почте Аус обнаружено письмо... Праздник для пропагандистов Ставки: положение в Тании стабилизируется, начало свою работу Почтовое Управление!.. Письмо адресовано Анхеле Аус, отправитель — доктор К. Шмайз. Обратный адрес — Ирак, внешний район Багдада.

Майор быстро схватил письмо. Неужели Анхела лжет? Неужели Шмайза во взорвавшемся самолете не было? Неужели он до сих пор сидит в своем далеком Ираке?

Однако, увидев штемпель, майор успокоился. Письмо отправилось в путь еще в мае, а сейчас шел июнь...

— Отлично, Витольд!

Но тон, каким майор произнес слово «отлично», заставил эксперта хмуро поморщиться. Витольд не хотел заниматься столь странным делом. Он пугался ответственности. Он подумал: не знаю, с чем Досет еще столкнется, но с меня хватит! Я могу допустить, что дежурный, писавший отчет о таинственном свечении «открытых частей тела А2», был в стельку пьян, я могу допустить, что наши химики, не способные определить сплав, из которого выполнен браслет, попросту бездарны, но фотографировал-то Анхелу я сам!..

Подняв голову, Витольд усталился на майора. Досет вскрыл конверт... Две белые странички, скорее всего вы-

дранные из полевого дневника. Прямые, раздельно написанные буквы... Почерк доктора Шмайза напоминал клинопись...

Дочитав письмо до конца, Досет пожал плечами. Он все еще не знал, как соотносить историю Шмайза и историю взорвавшегося самолета, но интуитивно догадывался — связь существовала, ее не могло не быть. И еще он знал вот что. Если Анхела помогла туземцу из чистого каприза, ее отношение к взорвавшемуся самолету простым капризом объяснить было нельзя... Наверное, так рассуждал и генерал Нуньес, подписывая приказ об аресте столь известной гражданки...

Пожав плечами, Досет спросил:

— Он был хороший специалист, этот Шмайз?

— Один из немногих танийцев, удостоившихся попасть в энциклопедию, — не без неприязни заметил эксперт.

Досет поморщился.

— Как вы тогда сказали?.. «В ней бездна энергии? Да?.. А ну-ка, повторите фокус с шумами!

Витольд включил приемник. Музыка, позывные, треск морзянки, псалмы, далекое пение... Ничего необычного!

— Я так и знал! — заметил Досет.

— Что вы знали? — окончательно рассердился эксперт.

— То, что вы стареете, Витольд! Стареете и начинаете умышленно замалчивать ту информацию, которая с точки здравого смысла кажется вам нелепой. — Досет жестко взглянул на эксперта. Ваше дело — видеть и понимать все! Вам разрешено пить, болтать, вы не бродите с автоматом по лесам Абу, вас не держат в плавучей тюрьме; но именно это должно помогать вам приносить нам пользу!.. Берите перо, бумагу, — приказал он растерявшемуся эксперту, — садитесь за стол и подробно, тщательно опишите все, что в этом деле хотя бы на мгновение поставило вас в тупик... Наверное, есть такие детали, да, Витольд?

Эксперт неопределенно хмыкнул.

— И еще... — майор стащил с портрета, положенного на стол, грязную тряпку. — Что это за работа, Витольд?

— Подделка под Леонардо! — презрительно отозвался эксперт. — Талантливая, но подделка... Этуш любил так работать: заимствованная идея, необычный штрих. Нелепо, неожиданно, но приковывает внимание... — Витольд неожиданно замер.

— Ну? — не выдержал Досет. — Чего вы уставились на этого бородача?

— А вы ничего не замечаете? — спросил Витольд. Вид у него был ошалевший.

— Портрет вам подмигнул! — усмехнулся Досет.

Витольд не заметил сарказма:

— Глаза!.. Взгляните на глаза!.. Разве вы никогда не видели этих глаз?.. — быстрым, неожиданно сильным для его лет движением Витольд разорвал тряпку на несколько кусков и этими кусками прикрыл щеки, бороду, лоб незнакомца. — Теперь вы узнаете эти глаза, майор?

Досет кивнул.

Кого бы ни изобразил Этуш, глаза изображенного, несомненно, принадлежали Анхеле Аус.

— Как обращались с вами в тюрьме! — спросил майор, вернувшись в «камеру разговоров».

— Как принято, — отозвалась дочь Ауса, хотя ее недолгий опыт вряд ли давал право на такую категоричность.

— Вам не отказывали в еде? Вас не заставляли плести и распускать веревки?

— Жалоб у меня нет.

— А почему мы проявили к вам такую мягкость? Вы над этим задумывались?.. Не могли же вы не заметить, как плохо питаются заключенные, как строг над ними надзор...

— Этот арест — ошибка! — улыбнулась Анхела. — К тому же...

— ...ваш отец — Антонио Аус! — закончил за нее майор, ибо ему хотелось, чтобы она так сказала. И заключил: — Запомните! У попавших в «камеру разговоров» обрывается связь даже с самим господом богом! Если вы впрямь не испытали страданий, не ищите объяснений этому на стороне.

— Вот как?

— Наверное, вам ясно, Анхела, как много сил потребовалось нам на то, чтобы вырвать власть у зарвавшихся социалистов... Долг каждого честного танийца — выявлять инакомыслящих, указывать нам на откровенных врагов. Было бы странно, если бы вы, друг полковника Йорга Клайва, уклонились от этой борьбы... Вот почему я прошу вас ответить на поставленные мною вопросы. Ответьте, и вы свободны... Если в будущем нам и придется встретиться, — улыбнулся Досет, — то уж, конечно, не в «камере разговоров».

— Сожалею, — холодно отозвалась Анхела. — Вряд ли нам придется встретиться в будущем.

— Не зарекайтесь! — майор задохнулся от возмущения. Она угрожает!.. Ну что ж... У каждого свое оружие. Она сделала ошибку, сказав о самолете. Видит бог, он, Досет, не тянул ее за язык! Он помнил о чеке Ауса... Но теперь... Теперь он вынужден узнать все, о чем знает она — Анхела.

— Мне нечего вам сказать, майор.

Досет задумался. Потом крикнул:

— Дуайт!

Дуайт вошел и остановился рядом с лейтенантом. Он был невысок, но столь плотен, что в «камере разговоров» сразу стало тесно. Мышиного цвета шорты, серая армейская рубашка, грубые башмаки, высокие, до колен, гетры — все соответствовало его грубым мышцам, низкому желтоватому лбу, зарослям темных вьющихся волос, густо покрывавших мощные руки.

— Дуайт, — мягко спросил майор. — Что делают с людьми, которые не хотят отвечать на вопросы?

— Есть много способов, шеф, — Дуайт наклонил бритую, в темных пятнах от плохо залеченных лишаев, голову и внимательно, без тени смущения, осмотрел Анхелу. — Например, «сухой душ». На голову упряма натягивают нейлоновый мешок, не пропускающий воздуха... Очень эффективно!

— А еще?

— Можно взять фосфор и обработать им те места, где боль ощущается всего сильнее.

— А еще? — вкрадчиво спросил Досет.

— Можно покатаить упряма на вертолете. Есть такой трос для подъемки грузов... Если прикрутить упряма к этому тросу, вытравить трос в люк и гнать вертолет над верхушками высоких деревьев, упрямец скоро раскаивается.

— Вы и вправду так делаете? — невольно заинтересовалась Анхела, и Досет, раздраженный ее наивностью или упрямством, взорвался:

— Хватит, Анхела!.. Почему вы не хотите отвечать? Анхела молча покачала головой.

— Что ж... — сказала Досет. — Давайте сюда туземца!

Дежурный сержант толкнул в камеру Хозефа Кайо, туземца.

Свалявшаяся борода резко подчеркивала бледность распухшего от побоев лица. Правый глаз Кайо косил, залпый огромным кровоподтеком, но левый, живой, мрачный глаз сразу уставился на Анхелу. Обметанные жаром губы дрогнули. Возможно, Кайо хотел усмехнуться, но усмешки не получилось. Он был слишком измучен. Его и взяли-то, наверное, потому, что у него уже не было сил застрелиться.

— Вы знаете этого человека? — спросил Досет.

— Да, — ответила Анхела. — Он — Хосеф Кайо, журналист, бывший секретарь корпуса прессы.

Досет удовлетворенно кивнул.

— Дуайт! Разверни туземцу голову, пусть он смотрит на нас! Вот так!.. Послушай меня, туземец. Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечать на них. Если не можешь шевелить губами, просто кивай. И будь внимателен!.. Три дня назад ты был в лесах Абу, там, где либертозо ожидали самолет с оружием. Морские пехотинцы наткнулись на твою группу, в перестрелке ты был ранен. Кто еще был с тобой в лесу?

Кайо пошатнулся. Неправильно истолковав его движение, Дуайт грубо ткнул журналиста под ребро:

— Смотри на майора, скот!

— Будь внимателен, туземец! — повторил Досет. — Раненый, ты все же сумел уйти от морских пехотинцев. Добрался до Ниданго. Подлость толкнула тебя войти в дом полноценной гражданки, с которой ты когда-то был знаком. Подлость заставила тебя спровоцировать гражданку на помощь, оказание которой таким, как ты, категорически запрещено... Эта женщина сказала тебе, когда придет следующий самолет?

Губы Кайо, наконец, раздвинулись. Он усмехнулся.

Этой удавшейся ему усмешке он отдал очень много сил. Так много, что, наверное, пожалел об этом, ибо Дуайт одним взмахом стер усмешку с его сразу лопнувших, закровоточивших губ. Только ненависть удержала журналиста на ногах.

— Дуайт, — негромко спросил Досет. — Как по-настоящему допрашивают без всех тех крайностей, на которые падки сотрудники негодных газет?

— Возьмите полевой телефон, прикрепите провода, куда следует, и... позвоните!

— И что?

— Позвоните... и вам ответят!

— Законны ли такие методы допроса? — усмехнулся Досет.

— Они незаконны, — ответил Дуайт. — Но они не оставляют следов!

— Тогда начните... — Досет секунду помедлил. — С туземца!

Я спокойна, — сказала себе Анхела. Я вижу то, чего в принципе не должны видеть люди, но я спокойна, ибо я нашла спайс.

Она перевела взгляд на полупрозрачный браслет, лежавший на столе у самого локтя майора, и у нее защемило сердце.

Но Анхела пересилила слабость, рожденную радостью, и заставила себя смотреть только на Кайо. Сбитый с ног и брошенный на «Лору», он все еще пытался порвать металлические зажимы, жадно сжавшие его руки и щиколотки... Бессмысленная борьба! Но таков был Кайо — он всегда боролся до конца. Он всегда был уверен, что борьба не бывает бессмысленной!

У нас, подумала Анхела, не отрывая глаз от поверженного на «Лору» либертозо, такие люди идут в Космос. Только в Космосе возможна полная отдача всех сил...

Три дня назад, — подумала Анхела, следя за каждым движением журналиста, — Кайо уже был обессилен, измучен, доведен до грани, но... он еще надеялся! А сейчас надежды в нем нет. Сейчас Кайо живет не надеждой. Сейчас он живет только ненавистью!

Три дня назад, вспомнила она, черная грозовая туча заволокла все небо. Мощные молнии сухой грозы били куда-то в леса Абу. Страшная, черная сухая гроза. Она походила на грозу, погубившую опыт Риала... И глядя на мгновенно ломающиеся электрические бичи, на тени, угрюмо и стремительно прыгающие по саду, Анхела чувствовала — не только гроза, какой бы она ни была страшной, заставляла сжиматься ее сердце. В саду кто-то был! Она еще не видела журналиста, но его боль и его надежда уже были в ней. Ведь именно к человеческой боли Анхела так и не смогла привыкнуть в Ниданго...

Глядя из окна, Анхела видела, как журналист упал, споткнувшись. Но она не встала, не окликнула Кайо. Она знала — если добрался до виллы, он найдет силы встать сам.

И Кайо поднялся и снизу посмотрел на нее.

— Сможешь влезть в окно? — спросила Анхела, радуясь тому, что Пито Перес, ее телохранитель, уехал в город за продуктами.

Кайо кивнул. Перевалялся через подоконник, испачкал кровью косяк, но не застонал. Анхела поняла: он еще не решил, как ему следует вести себя с нею... Это было больно. Но она понимала Кайо — его преследовали, ему нелегко было решиться на подобный визит, он представлял себе, чем чреваты последствия его поступка.

Рана в плече, внутреннее кровоизлияние... Анхела сразу поняла — Кайо плох. Срочное переливание крови, тоники, тишина — вот что ему было необходимо. Но даже

она ничего не могла ему предложить. Было странно, когда Кайо, пересилив боль и слабость, улыбнулся, указывая на портрет, написанный Этушем:

— Я никогда не видел этой работы. — И помрачнел: — Судьба художника в Тании незавидна.

— Этот портрет — шутка, — негромко пояснила Анхела. — Этуш написал его, поспорив с доктором Шмайзом.

— Доктор Шмайз — достойный человек, — ответил Кайо. За его словами читались и грусть, и давняя ревность, но неожиданный комплимент был чист, потому что посвящался ей, Анхеле Аус, женщине, которую он, Кайо, давно и безнадежно любил.

— Подойди, я остановлю кровь.

Она постаралась произнести это негромко, ненавязчиво. Она знала вспыльчивость Кайо. Но он и впрямь был плох — послушно подошел; на Анхелу пахло болезненным жаром.

— Ты останешься у меня, — сказала Анхела и положила ладонь на простреленное кровоточащее плечо журналиста. — Ты проведешь день у меня. — Кровь под ее ладонью быстро сворачивалась. — Ночью, если торопишься, можешь уйти.

— Ночь... — пробормотал журналист. — В этой стране любят ночь...

— Смотри на ночь, как на некое начало отсчета, — возразила Анхела. — В древнем Шумере новые сутки всегда начинались с ночи.

Кайо не понял ее:

— Я не должен был приходить, прости... Но мне надо продержаться хотя бы сутки. Потом я не буду тебе мешать.

Анхела читала мысли Кайо — он думал о ней. Как всегда, видя ее, он сходил с ума. Но его мысли были чистыми. Он, Кайо, испытывал радость:

— У тебя ладонь, как лист съяно.

Сьяно... Либертозо сделали лист съяно символическим знаком партии. Корни съяно уходят глубоко в почву. Когда степи и леса Тании горят, съяно тоже сгорает. Но после первого же дождя мощные корни дают тысячи новых побегов. Съяно неуничтожим!

Если все либертозо похоже на Кайо, подумала Анхела, будущее за ними...

Глядя на журналиста, привязанного к «Лоре», Анхела вспомнила пилота Кнайба. Он был груб, мощен. Он плевал и на либертозо, и на морских пехотинцев. В этом мире, считал Кнайб, каждый борется за себя. Но внимание столь влиятельной женщины, несомненно, льстило Кнайбу. Он по-новому ощущал себя, он начинал чувствовать свою значительность.

Кнайб не лгал, говоря, что он лучший пилот Тании. Он не лгал, говоря, что справится с любым заданием. В такие времена — и Анхела знала это — только Кнайб мог решиться пересечь на самолете закрытую границу. И, понимая это, Кнайб пил скотч, красиво говорил о неподкупности неба, вспоминал знаменитых пилотов, нашептывал комплименты. Но Анхела видела — в черных подвалах его подсознания, как черви, копошатся унижающие ее, Анхелу, мысли. Улыбаясь, потягивая скотч, ничем не выдавая себя, Кнайб думал о ней мерзко и был счастлив от того, что люди еще не научились читать мысли...

А оружие? — спросила себя Анхела. Как в самолет Кнайба попало оружие? Неужели она все-таки недооценила Кнайба? Неужели при всей его низменности он работал на либертозо?

Нет! Кнайб был жаден, испорчен, груб. Кнайб не мог работать на либертозо. Таких, как Кнайб, можно только купить.

Значит, либертозо купили Кнайба. Он решил подрабывать и на этих отверженных... В каких нищих карманах звенели собранные для него медяки? И почему, если либертозо нужны были деньги, Хосеф Кайо никогда не обращался к ней, к Анхеле?

Хосеф боялся, — с острой жалостью решила она. Он боялся потянуть за собой меня. С тех пор, как я отказалась стать его женой, он ни разу не посетил виллу «Урук». Но он и не забыл обо мне, он любил меня и издали и постоянно следил за всем, что я делаю...

Анхела вновь взглянула на журналиста.

Я пришла в «камеру разговоров» за спрайсом. Я не думала, что они схватят Кайо. Мои планы нарушены.

Анхела боялась, что уже не сможет спасти журналиста. Боялась, что ей не хватит времени. Два дня назад ее браслет — спрайс — начал светиться. Это значило — ее ждали, ей следовало уходить.

Сколько лет я веду эту игру? Почти семнадцать!

И ни разу ни соблазн, ни трагедия не вырвали меня из привычного круга — политики, ученые, бизнесмены... Я и Кайо оттолкнула от себя по той же причине — он хотел вырвать меня из этого круга. Но круг был очерчен не мной!

А если бы это я лежала на «Лоре»? — неожиданно подумала Анхела. Если бы не у Кайо, а у меня болело плечо и резко, страшно ударяло под лопатку задышащее сердце? Если бы не он, а я все силы направляла сейчас на то, чтобы затаить, убить, спрятать в плавающем от боли мозгу единственную, но такую важную фразу: «Запад Абу... пять костров ромбом... одиннадцатого... пятнадцатого... двадцать второго...»? Смогла бы я поднять руку на человека?

Нет, сказала себе Анхела.

Поднять руку на человека может только человек!

— Вам жаль туземца? — негромко спросил Досет.

— Да.

— Почему же вы ему не поможете? Достаточно ответить на мои вопросы, и мы отправим туземца в госпиталь.

Это была ложь. Анхела зажмурилась и покачала головой.

Досет в упор взглянул на дочь Ауса. Он был убежден — она заговорит!.. В Кайо Досет не верил — либертозо бесчувственны! Их можно только уничтожать... Но Анхела... Когда Кайо завопит, когда электрический ток начнет выламывать его кости, когда из прокушенных губ хлынет кровь, Анхела заговорит.

А пока... Чувствуя, что все идет, как надо, Досет приказал:

— Приведите Этуша!

Это был его резерв. Он, Досет, не собирался бросать в огонь самое необходимое. Он верил — это дело можно провести малой кровью!

Подумав так, Досет улыбнулся. Сухой, мертвой улыбкой, едва раздвинувшей его тонкие, бесцветные губы.

Глава пятая.

Художник

Этуша втолкнули в «камеру разговоров».

— Почему ты отказался писать эту женщину? — грубо спросил Досет.

Этуш вздрогнул. Он боялся смотреть на Анхелу, он отворачивался от «Лоры». С униженным страхом, с низкой мольбой Этуш смотрел только на Досета.

— Эта женщина не для моей кисти, — жалко выдавил он. — Я не умею писать святых!

— И все-таки ты ее напишешь! — заявил Досет.

— Нет! — затравленно возразил Этуш. — Я рисую только преступников!

— Дуайт, воротник!

Легко замкнув распухшие, но слабые руки художника в металлические наручники, Дуайт приказал:

— Ложись!

Только теперь Анхела уяснила назначение металлического кольца, ввернутого в пол камеры. К этому кольцу Дуайт быстро и деловито привязал грузно опустившегося на колени художника. Так же быстро и деловито Дуайт затянул на шею Этуша мягкую сыромятную петлю — «воротник». Тепловой луч мощного рефлектора, подвешенного в стене, ударил в шею Этуша, и художник, по-птичьи замерев, обессиленно прикрыл выпуклые глаза желтоватыми пленками почти прозрачных век.

— Сейчас одиннадцать... — заговорил Досет. — К двум часам ночи я должен знать — где, кто и на какие деньги покупает оружие для либертозо? Кто и через какие порты ввозит его в Танию? Когда и в каком месте должны приземлиться самолеты с остальным оружием?.. Отвечать может любой: и туземец, — он кивнул в сторону Кайо, — и вы, Анхела. Тот, кто заговорит первым, будет отпущен. Ну, а если никто не заговорит, я по очереди убью Этуша и туземца, и кровь этих людей ляжет на вас, Анхела.

— Но если мне нечего сказать! — наивно удивилась Анхела.

И Досет почувствовал бешенство.

Вскочив, он одним шагом преодолел пространство, отделявшее его от Анхелы. Ударившись бедром о край стола, хищно и мягко наклонился над женщиной, так странно пахнущей травами и цветами, и рванул на себя руану.

Тонкий шелк лопнул. Накидка сползла с голого плеча Анхелы. Будто защищаясь, дочь Ауса вскинула руку, и на ее тонком запястье холодно блеснул браслет — точная копия того, что лежал на столе майора.

Мгновение Досет боролся с неодолимым желанием — ударить Анхелу. Но — браслет!

Не глядя на поджавшего губы Дуайта, на каменно застывшего у дверей Чолло, на сжавшегося Этуша, наконец, на руану, упавшую на пол, майор вернулся на место. Сел. Потянулся к скотчу. Но выпить помешал Этуш — сырмятная петля, быстро высыхая, сдавила его рыхлаю шею. Художник захрипел.

— Хочешь рисовать? — мрачно спросил майор.

Этуш согласно и страшно задергался.

— Принесите кисти, картон! — приказал Досет. — Дуайт, снимите с него воротник! — И добавил, обращаясь уже к Этушу: — Рисуй внимательно! И не подходи к столу, от тебя дурно пахнет!

— Руки дрожат, — прохрипел Этуш. — Дайте мне скотча!

— Займись делом. Ты получишь свой скотч, но позже...

Но сам Досет хлебнул прямо из бутылки.

Браслеты, поставившие его в тупик, вполне могли служить паролями!

Исподлобья он взглянул на Анхелу. Оставшись в тонкой кофте, она сидела в кресле прямо и строго.

— Дайте напряжение на туземца!

Дуайт замкнул цепь.

Привязанный к «Лоре», Кайо вскрикнул. Судорога изогнула его полуживое тело, а Дуайт, наклонившись над ним, заорал:

— Когда придет следующий самолет?

Помогая Кайо, Анхела приняла на себя часть удара.

Ее вид — закрытые глаза, посеревшие губы — вполне удовлетворил майора. Он не подозревал, что Анхела могла выдержать и более страшную боль. И он, конечно, не думал, что Кайо не получает с о е й дозы.

И все же времени мне не хватит, сказала себе Анхела... Еще несколько ударов, и Хосеф впадет в шок. Мне не спасти Кайо. Я не успею его спасти! Он уходит...

Из всех точек боли, которые она перенесла на себя, самыми чувствительными были две — под сердцем и под желудком, глубоко внутри.

Сглаживая неравнозначность боли, Анхела откинулась на спинку неудобного деревянного кресла: кто может стать ее помощником? Кто может принять на себя боль — ее и Кайо?

Этуш? Нет. Этуш не годился. В его мозгу было пусто. Этуш был обречен. И Анхелу поразило то, что и Этуш, и Кайо, — оба они уходили в молчании. Оба знали — все кончено!

Широкий затылок наклонившегося над картоном художника напомнил Анхеле Шмайза. Но только на миг... Доктор был крупен, но крупен по-спортивному, подобранно... Было время, когда Этуш и археолог не расставались. Сдержанный немец и суетливый таниец — странная пара! Но Шмайзу художник был по душе.

Лет пять назад, уступая просьбам археолога, Этуш взялся за перерисовки шумерских глиняных печатей. Часть работ приобрел университет Эльжбеты, часть перешла к Анхеле. Особенно нравился Анхеле лист, на котором

Этуш изобразил Гиша. Царь Урука стоял, сжав под мышкой свирепого, не смиравшегося льва. Турбан башней возвышался над лбом Гиша, под льняным хитоном вздувались твердые мышцы.

Чем художник привлек Шмайза?.. Никто этого не знал, но прежде нелюдимый археолог везде стал появляться с Этушем. И только Анхела понимала причину их дружбы: она. Ибо уже тогда, пять лет назад, Шмайз начал бояться Анхелы.

Да, именно испуг вызывали в нем ее память, ее истине феноменальные способности. С необычной легкостью Анхела воспроизводила на память самые сложные тексты.

Она запоминала все, сразу и навсегда.

А знание языков, живых и мертвых!

— Одиннадцать падежей! Несколько видов множественного числа! Клинописное написание! — поражался Шмайз. — В какой эдубба какой уммиа! дал вам это? Или вы впрямь родились в Шумере?

Раз в два месяца Шмайз посылал из Ирака подробные отчеты, и они возвращались к нему с массой пометок. Никто бы не поверил, что эти пометки сделаны двадцатитрехлетней женщиной, не имевшей весомого научного имени.

Шмайз думал: «Разработка проблем истории Древнего Востока — долг каждого истинного археолога! Математика и медицина Шумера оставили свой след не только в науке греков и александрийцев. Шумерская система мер и весов, до взведения метрической, была известна повсюду. Влияние Шумера на эллинистические монархии, а значит, и на Рим, Византию, Египет — несомненно...»

Шмайз никогда не мог по-настоящему принять стиль Анхелы. Она торопилась найти нечто необычное, вызывающее. Она требовала: «Ищите не в Фара! не в Абу-Бахрейне! не в Тель-абу-Хабба! Эти холмы рыты и перерыты! Ищите там, куда никто не заглядывал! Там, где мог путешествовать сам Гиш!» Будто из Тании было видней, где искать...

Еще более странными казались Шмайзу намеки Анхелы на то, что именно надо искать. Она будто сознательно забывала о том, что времена Гиша (именно этот древнешумерский эпос ее занимал) были утоплены в самых отдаленных, в самых давних веках варварства...

Первые же находки в Ираке, в указанных Анхелой местах, повергли Шмайза в ужас и трепет.

За три месяца до мартовского переворота археолог прилетел в Танию. В столице было неспокойно, в аэропортах группами прогуливались морские пехотинцы. Народный президент произносил длинные речи, толкались перед лавками подозрительные юнцы из общества самообороны. Доктор Шмайз ничего этого не увидел. Его поразила не Тания. Его поразили вопросы Анхелы:

— Можно ли соотнести найденное вами с путешествиями Гиша?

— Нет! — резко ответил Шмайз. И Анхела увидела — он полон сомнений.

¹ Эдубба (шумерское) — школа, уммиа (шумерское) — учитель.

— Но я была права,— мягко заметила Анхела.— Я говорила, что вы наткнетесь на нечто необычное!

— Что мне делать с такой находкой?! — взорвался Шмайз.— С кем, кроме вас, я могу ее обсудить?.. Титановая сталь в Шумере! Боже правый! И это в то время, когда жители Европы еще не додумались до каменных топоров!

— Это не все,— заметила Анхела.— В руинах Ларака, если вы их найдете, вас ждут не менее удивительные предметы!

— Как мне искать руины Ларака? По мифам?

— Шлиман нашел Трою, руководствуясь указаниями Гомера,— улыбнулась Анхела.— Доверьтесь, Курт, мне.

— Чтобы сломать шею? — вознегодовал Шмайз.— Я и так не могу понять — что же именно мы извлекаем из гиблых земель Ирака?.. Когда Лайярд приступал к раскопкам Ниневии, все древности Шумера можно было впихнуть в один ящик. У меня — вагон находок, но реальную жизнь Шумера я представляю себе куда хуже Лайярда. Подумайте сами! За тысячелетия до первых машин кто-то рассчитал время обращения Луны вокруг нашей планеты с точностью до 0,4 секунды! Кто-то выплавил настоящую сталь! Кто-то разделил год на 365 дней 6 часов 11 минут! Кто-то вычертил звездную карту с объектами, невидимыми невооруженным глазом! Кто-то ввел в обиход шестидесятиричную систему счисления!.. И все это в Шумере, за тысячелетия до наших дней!

— Ищите, Курт! — повторила Анхела.— Ищите храмы, ищите глиняные таблички. Информация не исчезает, она всегда вокруг нас. Надо лишь научиться извлекать ее с наименьшими искажениями.

— Я не верю в сталь в Шумере!

— Но вы же ее нашли!

— Да,— растерянно подтвердил Шмайз.— Но с кем мне обсудить столь странную находку? Меня обвинят в фальсификации!

— Я не обвиню вас, Курт!

Длинными пальцами Анхела прикоснулась к виску Шмайза, и археолог медленно поднял на нее взгляд.

Шмайз не улыбнулся. Болезненные узлы «годовой шишки», обезобразившей левую щеку, помешали улыбке. Но прикосновение Анхелы было полезней лекарств — боль прошла... Анхела смотрела на него с доверием и надеждой, однако археолог не смог заставить себя задать ей тот вопрос, что мучил его все эти годы. Почему Анхела, так тщательно следя за его работой, ни разу не захотела прилететь в Ирак сама?..

— Покажи! — приказал Досет, и Этуш послушно протянул ему кусок картона.

Рисунок не был закончен. Длинные волосы Анхелы только угадывались. Но глаза Этуш написал.

Майор поразился — так суеверно, так четко были выписаны эти глаза!

— Подпись!

Этуш торопливо проставил дрогнувший завиток.

— Ты уже писал эту женщину!

— Никогда!

— Не лги! — убеждал Досет.— Ты писал ее!

Странно, подумала Анхела. Почему именно художникам, людям часто беспутным, бессистемным, дается дар прозрения? Почему именно они чисто интуитивно угадывают то, до чего не доходит логика?

Она вспомнила вечер, проведенный Шмайзом, художником и ею года четыре назад. Был спор, вызванный неудачной фразой Шмайза. Он хотел сказать, что не настоящая, не цветущая сейчас жизнь имеет определяющее значение для археолога, но фраза не получилась. Вышло так, будто ему, Шмайзу, древняя стена дорожки родного города.

Этуш фыркнул презрительно:

— Курт, если помнишь, портрет моны Лизы, жены Франческо дель Джокондо, остался незавершенным. И все же, по словам Вазари, «это произведение написано так, что повергает в смятение и страх любого самонадеянного художника, кто бы он ни был!» Так что же важнее, по-твоему? Портрет Джоконды или его оригинал?

— Ты не понял меня,— рассердился археолог.— Искусство всегда вторично!

Этуш ухмыльнулся.

— Тогда почему люди вот уже четыреста лет восхищаются портретом моны Лизы и ничуть не тоскуют по утраченному оригиналу?

Шмайз растерялся.

— Если уж мы заговорили о Джоконде,— махнул короткой рукой Этуш,— у меня найдется еще одно замечание... Моне Лизе, когда Леонардо взялся ее писать, было около двадцати лет. Так утверждает ученик Леонардо Франческо Мельци. Мона Лиза позировала художнику в костюме Весны, в левой руке держала цветок колумбины... Почему же, Курт, на знаменитом холсте мы видим не цветущую женщину, а... вдову?

— Вдову? — неприятно удивился Шмайз.— Ты просто много выпил!

— Именно вдову! — шумно рассмеялся Этуш.— Да, я пьян. Но Леонардо написал именно вдову!.. Или он большой шутник, или я... большой невежа!

— К правде ближе второе,— проворчал Шмайз.

Но Этуш не слушал археолога. Расплескав вино, он налил себе полную чашу и пьяно устался на Анхелу:

— Леонардо написал вдову! Не просто вдову, а символ вдовы. Символ нашего горького мира! И не знай я тебя, Анхела, я бы сказал — Леонардо написал тебя!

— Не льсти, Этуш. Мне далеко до Джоконды!

— Не ищи в моих словах буквализма. Да, у вас все иное — руки, волосы, уши. Но вы идентичны в своей загадке.

— В какой загадке, Этуш? — насторожилась Анхела.

— Ладно,— отмахнулся художник.— Я попробую написать вдову. Это не будет портретом новой Джоконды. Нет! Но это будет все тот же символ, ибо даже символы в нашем мире следует подновлять...

Этуш не написал портрета Анхелы. Он не выдержал шумного успеха, выпавшего на долю первых картин, не выдержал непонимания, пришедшего вслед за успехом. Он стал много пить, он открыл для себя марихуану и ЛСД, ему резко изменил вкус.

После выхода в свет роскошного издания эпоса о

Гише, иллюстрированного стилизованными печатями, Этуш поссорился с археологом и перестал бывать у Анхелы. Он быстро опускался. Вечно пьяный, хватался то за одно, то за другое, но нигде не мог обрести себя. Вместо обещанной вечной вдовы он написал в приступе пьяного безумия портрет ассирийца, наградив его глазами Анхелы... А затем вновь наркотики, наконец, тюрьма...

И все же именно Этуш, подумала Анхела, сумел, пусть и подсознательно, угадать мое тайное тайных...

— Я никогда не писал ее! — вопил Этуш.

— Тебе не надо умирать! — убеждал Досет. — Тебе нужно работать, спать, пить скотч, пользоваться плодами успеха... Подойди! Разве ты не писал ее? — майор резким движением, испугавшим художника, сорвал тряпку с принесенного из лаборатории портрета.

Лоб, борода, щеки ассирийца были заклеены пластырем. Тем яснее были глаза, глянувшие на Этуша.

— Вдова! — потрясенно отступил художник.

Странно закатив глаза, он вздрогнул, пошатнулся, по его коротким рукам пробежала дрожь, и вдруг, сразу, Этуш упал, ударившись головой о бетонный выступ.

— Унесите его! — брезгливо приказал Досет.

Ни на кого не глядя, чувствуя, что еще один вариант отработан впустую, майор бросил недокурную сигару в пепельницу. Металлический браслет попался ему под руку, звякнул. И как ни был легок этот звук, Анхела его уловила.

Майор вздрогнул.

Дочь Ауса смотрела на браслет так, будто в «камере разговоров», наполненной флюидами ненависти и страха, присутствовало с некоторых пор еще одно, невидимое, но строгое существо — все понимающее, ни на что не закрывающее глаз...

Глава шестая.

Проверка на человека

Кайо потерял сознание. Дуайт, наклонившись над «Лорой», равнодушно поправил впившиеся в запястья журналиста наручники.

Голый бетон... Мертвая, сырая тишь...

С нервным, почти болезненным интересом Досет принял из рук лейтенанта бумагу, исписанную мелким почерком Витольда. Что написал эксперт?..

«...По преступной небрежности капитана Орбано в личном деле А2 отсутствуют отпечатки ее пальцев.

Лингвисты отдела полагают, что великолепное знание А2 всех танийских наречий не является подтверждением ее действительно танийского происхождения. Никто не знает, кем она была брошена семнадцать лет назад у входа в монастырь Святой Анны.

Мы нигде не нашли фотографий А2, а наши попытки получить такие фотографии в тюрьме результатов не дали.

В первые же часы пребывания А2 в спецкамере Внутреннюю тюрьму Ниданго покинули крысы. Это может быть случайным совпадением, но я все же рискну связать случившееся с радиошумами, отмеченными мной при появлении А2 в «камере разговоров».

А2 — женщина волевая, крайне уравновешенная. Исходя из всего вышесказанного, я бы рекомендовал, майор, совместить допрос А2 с проверкой ее на человека».

Он многого хочет! — подумал майор.

Проверка на человека... Запугать, сломать допрашиваемого убийством, совершаемым на его глазах, — такое делалось не часто...

Майор, не торопясь, вынул из нагрудного кармана письмо, перехваченное сотрудниками Витольда, и положил его на стол так, чтобы Ахнела со своего места не смогла прочесть в нем ни строчки.

«Анхела! — писал доктор Шмайз. — Я нашел то, что вам хотелось найти!

Археология полна неразгаданных тайн. В 1844 году английский естествоиспытатель Дэвид Брюстер нашел в Кингудском карьере стальной гвоздь, внедренный в кусок твердого песчаника. В 1869 году в штате Невада в полевом шпате, добытом со значительной глубины, обнаружен металлический винт. Восемнадцатью годами раньше некто Хайрэм Уитт вынул аналогичную находку из обломка золотоносного кварца. В 1885 году в Вольфзегге из куска твердого бурого угля извлекли знаменитый «зальцбургский параллелепипед»... Странные находки, не правда ли? Но они ничто перед тем, что нашел я!

Самые разные чувства владеют мною сегодня, но среди них нет, к сожалению, удовлетворения. Может быть, это от усталости, а может, оттого, что я перестал понимать смысл собственных находок.

Да, я знаю, за семьдесят лет работ в Ираке археологи вряд ли раскопали более одного процента всех погребенных в его земле исторических богатств; среди остающихся в неизвестности девяноста девяти процентов явно найдется много удивительного. Но я — ученый. Я знаю, что даже самое удивительное следует рассматривать с позиций логики. Как рассматриваем мы, например, темные места «Уриа...» или «Ангальта кигальше...»¹

Вскрыв пески над стенами найденного нами Ларака, я сразу наткнулся на руины древнего экура². Термический удар невероятной силы размягчил, расплавил каменные стены семизэтажной башни, и они оползли, застыли бесформенной массой, которую не брала никакая кирка.

Что за небесный огонь поразил обитель жрецов? Какая неведомая сила обрушилась на несчастный город?

В недоумении взирал я на загадочные руины. Сырой кирпич можно расплавить лишь в очень сильном огне в стенах специальных печей. Что расплавало сырой кирпич на открытом воздухе?

Я подумал о молниях. Здесь, в Ираке, воздух на

¹ «Дни сотворения...», «От великого верха к великому низу...» — фрагменты древнейших шумерских мифов.

² Экура (шумерское) — храм.

столько насыщен электричеством, что хвосты лошадей перед грозой торчат вверх, как щетки... Но удар молнии не мог сжечь целый город!

Я обратился к вашей работе, посвященной мифическому оружию шумеров — оружию Замамы, абубу, «потоку пламени». И сразу вспомнил строки из столь любимого вами эпоса: «Небеса возопили, земля мычала. Света не стало, вышли мраки. Вспыхнула молния, гром раздался. Смерть упала с дождем на камни».

Ангела! В тех же оплавленных руинах, под сводами экура, я обнаружил человеческий скелет, радиоактивность которого превышала норму в пятьдесят раз!

Скелет находился в грубом каменном саркофаге. И на левом запястье был браслет, выполненный из неизвестного мне сплава — тяжелого и почти прозрачного.

Я не знаю, Ангела, как следует оценивать мою находку, но догадываюсь, что об этом знаете вы. Рискнут утверждать, что вас никогда не интересовала история нашей цивилизации сама по себе; вас интересовал этот потерянный в дымке тысячелетий браслет. Вы о нем знали.

Кем был несчастный, пораженный радиоактивностью? Уж не самим ли скитальцем Гишем? Или его другом Энкиду, погибшим в борьбе с небесным быком?.. Я растерян, Ангела.

Я знал о шумерах многое. Знал, что в темных своих веках они возводили башни, выращивали ячмень, строили сложные ирригационные системы, пользовались письменностью и гальваностегией. Но трудно поверить, что дети Шумера могли видеть и такое апокалипсическое действо: «Из глубины небес поднялась туча. Адад в ней ревел, Набу и Лугаль вперед выступали. Факелы принесли Аннунаки, их огнем осветили землю. Грохот Адада наполнил небо, все блестящее обратилось в сумрак!»

А ведь эти слова приводятся в древних шумерских мифах!

Кроме того, передо мной лежат оплавленные руины Ларака. И этот скелет...

Все мы, Ангела, в той или иной мере злоупотребляем правом историка судить о предыдущем на основании более известного нам последующего. Но где, скажите, истина, если о ней можно делать столь взаимоисключающие выводы?.. Атомный взрыв в Шумере! Боже правый! Я жалею, что не умер в болотах Ирака год, два года назад, когда прошлое не казалось мне таким поистине непостижимым!

И еще, Ангела... Я теперь знаю, что для вас человеческая история практически не имеет тайн. Но мне хочется знать больше.

Кто вы?

Я задаю этот вопрос с горечью. Я не разглядел, не понял вас. Я только пугался вас, когда находился рядом. А теперь, когда нашел мужество спрашивать, боюсь — вы не дожидаетесь меня... И если я вас и вправду не увижу, помните: мы, люди, как бы ни был еще жесток и темен наш мир, давно способны отличать добро человеческое от добра божественного!.. Если вы не человек, то кто вы?!

Что она, — хмыкнул про себя Досет, — и впрямь святая?

И перевел взгляд на Анхелу.

Браслет на ее руке и его двойник, найденный Шмайзом, — они, конечно, не тайный знак, не пароль либертозо...

Что бы это ни было, — сказал себе майор, — я не дам Анхеле водить меня за нос. Слишком много чудес! Я предпочитаю ясность и простые решения! И займусь не браслетом, а главным. Это главное — самолет!

Но с этой минуты странная нерешительность, которой майор никогда раньше не знал, стала явственно вмешиваться во все его планы.

— Ангела! — сказал он, подавляя в себе это чувство. — При попытке током самое страшное — язык. Он влажный и воспринимает удар сразу. Нет людей, способных вынести такую боль. Вот почему в вашем молчании нет смысла. Туземец заговорит!.. А если он все же окажется исключением, я брошу на «Лору»... вас!.. Вы слушаете меня?

— Да.

— Тогда ответьте, — Досет не спускал с нее глаз. — Почему вы не скрыли следов пребывания Кайо в вашей вилле? Даже кровь с подоконника не смыли! Не спрятали испачканный бинт... Вы что, впрямь жаждали познаться с «камерой разговоров»? Вас интересовал этот браслет? Ведь он, кажется, двойник вашего?

Ангела улыбнулась.

Два дня назад браслет на ее руке засветился. Это значило — станция перехода запущена, энергия, необходимая для переброски, собрана, время пребывания Анхелы в Тании подошло к концу...

Удивленная вопросами Досета, Ангела усилила психонапряжение, и мысли майора открылись ей: «Она не человек... Зачем она вмешивается в наши дела?.. Проверка на человека...»

Откуда, удивилась она, это странное желание отторгнуть меня от людей? И тут же прочла в мыслях майора: «Ларак... Небесный бык... Радиоактивный скелет... Оружие Замамы...»

Они перехватили не только спайс, поняла Ангела. В их руки попало и письмо Курта.

Бедный Курт!

Она снова почувствовала боль под сердцем, но на этот раз боль принадлежала только ей. И боль усилилась, когда Ангела представила, как страшно было Шмайзу бежать по лесной поляне, как страшно было ему видеть прыгающую перед ним собственную черную тень, отброшенную пламенем горящего самолета!..

Погружаясь в прямые, как выстрелы, мысли Досета, Ангела слово за словом восстановила письмо Шмайза. И, может быть, впервые за много лет, проведенных ею в Тании, она испытала чувство нежного облегчения — Курт ошибся!.. Он слишком близко стоял к тому, что могло ослепить и более смелого человека!

— Если туземец не скажет, — повторил Досет, — скажете вы! И приказал: — Дуайт, напряжение!

Дуайт замкнул контакты. Судорога свела тело журналиста, но это была не боль, это был лишь рефлекс, реакция на уже узnanное!

— Что у вас. Дуайт?

— Видимо, отошли контакты,— Дуайт наклонился к проводам.

— Живее!

— Ищите ниже,— подсказала Анхела.— У левой клеммы, под изоляцией, обрыв.

— Точно! — удивился Дуайт.— Придется сменить провод.

— Не стоит,— произнесла Анхела, поднимая с пола руану.— Вы не тронете больше Кайо. А что касается самолета, майор, эту тайну вам придется оставить для либертозо. Она не принадлежит вам.

— Я потому и облечен властью перераспределять информацию,— хмыкнул Досет,— что меня не устраивают чужие тайны... Не будете же вы утверждать, что нам трудно сменить перетершийся провод?

— Я порву его снова!

— Порвете? — поразился Досет.

— Да,— повторила Анхела.— Порву. И, если понадобится, повторю это много раз. Я не ленива.

— Но вы и не сумасшедшая! — взорвался майор.

— Это меня поддерживает.

— Тогда, может быть, начнем все сначала?— Досет едко ухмыльнулся.— Где вы все-таки родились?

— Мемфис-центр...

— Я уже слышал об этом!

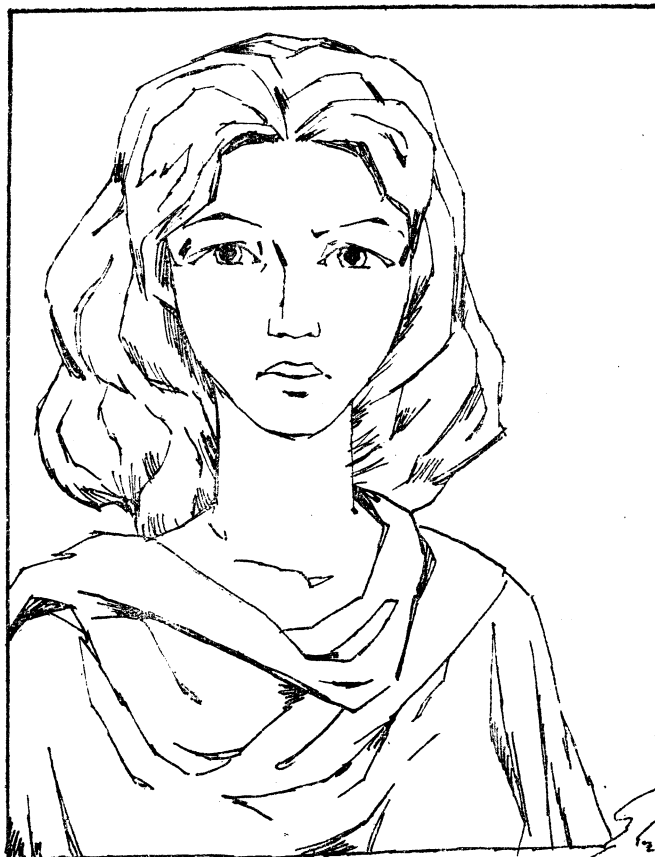
— Не до конца... Мемфис-центр двадцать четвертого века!

Она разыгрывает комедию или впрямь свихнулась? — окончательно растерялся майор.

Самое трудное, сказала себе Анхела, это убеждать. Там, дома, в двадцать четвертом веке, достаточно было кивнуть, и этот кивок не мог не быть правдой. Они же, подумала она о Дуайте, Досете, Чолло, давно разочаровались в словах. Им не нужна правда, ибо чаще всего она оборачивается против них. Им нужны фокусы, им нужны трюки. И чем эти трюки эффектнее, тем легче они в них верят.

Она вспомнила гранитные скалы, нависшие над могучей северной рекой. Лиственницы пожелтели, под каждой был очерчен круг опавших осенних игл. На другом берегу высоко поднимались над скалами и деревьями длинные корпуса Института Времени. Собирая редкие ягоды костяники, Анхела нетерпеливо смотрела на реку. Она ожидала Риала.

Она ошиблась — Риал не воспользовался катером, он просто переплыл реку. Он вылез на розовый гранит совершенно мокрый, с широких плеч стекала вода, волосы прилипли ко лбу. И, прижавшись щекой к мокрому плечу Риала, Анхела разблокировала сознание. Самые тайные мысли свободно текли в мозг Риала и, отраженные, усиленные его чувством, так же свободно возвращались к ней. Они чувствовали друг друга, они были одним существом, и Анхела не сразу поняла — почему Риал смеется. А Риал, правда, смеялся. Смеялся беззвучно, скрыто. Смеялся словами, считанными с древней клинописной таблицы. И в бесконечно счастливым, добром и нежном смехе Анхела, наконец, различила слова.

«Сохрани для себя свои молитвы,— смеялся Риал, усиливая пси-напряжение.— Сохрани для себя питье и пищу, пищу твою, что достойна бога. Ведь любовь твоя буре подобна, двери, пропускающей дождь и ветер, дворцу, в котором гибнут герои!.. Где любовник,— смеялся Риал,— где герой, приятный тебе и в грядущем?.. Птичку пеструю ты полюбила; ты избивала ее, ты ей крылья сломала, и живет она в чаще, и кричит: крылья! крылья!.. Полюбила коня, знаменитого в битве, и дала ему бич, удила и шпоры... И отцовский садовник был тебе мил — Ишуланну. На него подняла ты глаза и к нему потянулась: «Мой Ишуланну, исполненный силы, уьемся любовью!» Но едва ты услышала его речи, ты его превратила в крысу, ты велела ему пребывать в доме, не взойдет он на крышу, не опустится в поле... И меня полюбив, ты изменишь тоже мой образ!»

Риал оторвался от Анхелы и с неожиданной грустью повторил уже вслух:

— И меня полюбив, ты изменишь тоже мой образ...

Он ничего не добавил. Но по тому, как часть его подсознания вдруг замкнулась, Анхела поняла: Риал пришел ненадолго; опыт ждет; и Риал сейчас вновь отправится на ту сторону реки. Не поднимая глаз, она спросила: «Это будет сегодня?»

И Риал ответил: «Да».

Не веря, Анхела подняла глаза. «Да» Риала было его прощанием. Неделя? Месяц? Год?.. Сколько бы ни было, это все равно было разлукой.

— Что это? — спросила Анхела, притрагиваясь к полупрозрачному браслету, охватившему запястье Риала.

— Спрайс,— ответил Риал.— Таймер. Прибор, который начнет светиться, когда до возвращения останутся считанные дни.

И обнял ее.

— Сколько бы времени ни прошло, спрайс засветится. И мы опять встретимся с тобой. Здесь, на берегу.

Риал ушел вечером. И катер пропал во тьме, и небо затопило грозовой тучей, и силуэты далеких зданий засветились бесчисленными огнями, а она все сидела на берегу и ждала грозу. Она чувствовала — гроза будет страшная, не по сезону. И не ошиблась.

Скрюченные гигантские молнии хищно и страшно падали с неба. Ревел ветер. И когда Анхела уже поднялась, прямо на ее глазах три молнии, почти без интервалов, жадно ударили в высокий шпиль башни распределения энергии. Сразу погасли огни в зданиях Института, весь противоположный берег утонул во тьме. Анхела бросилась в холодную воду реки, кляня себя за то, что сидела все эти часы тут, на берегу, продлевая столь короткие минуты своего высокого, своего жгучего счастья.

Риал! Только о нем думала Анхела, борясь с холодными валами неожиданно взбесившейся реки. Риал! Его опыт!..

— Двадцать четвертый век...— негромко повторил Досет, и Анхела не сразу поняла, чем вызвано столь сильное разочарование майора.

Ах, да!.. Майор готовился к чудесам! Следуя примитивной логике, он готов был увидеть в ней кого угодно —

пришельца из космоса, разведчицу либертозо, юридивую. Успел поверить во встречу с нечеловеком, а она, Анхела, опустила его на землю, отняла у него им же созданный миф.

Они все еще верят в чудо, подумала Анхела. Это от слабости, от неуверенности, от усталости. Не умея перестраивать самих себя, они тщатся перестроить мир. Они мечутся от бога до атома, пытаясь доказать самим себе, что чудо рано или поздно случится!

— Двадцать четвертый век,— все еще недоумевая, повторил Досет.— Четыре века после нашего... Но чем, собственно, вы отличаетесь от меня? Или от туземца?.. У вас что — три сердца? Или совсем нет тени?

— Различия между нами не обязательно должны сводиться к внешности,— терпеливо заметила Анхела.— Антонио Аус удочерил меня давно, он долго жил со мной рядом, но и он не заметил во мне ничего необычного. Что же касается моего появления в монастыре Святой Анны, то детали его, и то некоторые, были известны лишь матери-настоятельнице. Но она давно умерла.

Майор пришел в себя:

— Хватит!

И посмотрел на часы. Я дам Анхеле минуту, решил он. Если Анхела и сейчас ничего не поймет, я брошу ее на «Лору»! Секундная стрелка, на которую уставился майор, мерно бежала по циферблату — одинокий стайер в замкнутом круге цифр. Когда стрелка дойдет до семи, решил Досет, я кивну Дуайту.

Но стрелка до семи не дошла. Упершись в невидимое препятствие, она замедлила ход, с усилием, выгибаясь, пересекла еще два-три деления, и... Время остановилось!

Наваждение!.. Досет тряхнул головой, ошеломленно уставился на Анхелу.

— Какой у вас вес?

Анхела догадалась:

— Пятьдесят девять.

— Я не дал бы и сорока!¹

Не обращая внимания на ее фокусы! Бросить ее на «Лору»!

Но в глубине души Досет готов был признать — его переигрывали! А с этой мыслью пришло ощущение, что в «камере разговоров» что-то неумовимо изменилось. Досет не мог понять — что. Но это что-то явственно чувствовалось. Это что-то тревожило и пугало... Он взглянул на Чолло и Дуайта, и, козырнув, не сказав ни слова, они вышли из камеры.

Разве он приказал им уйти?

Майор переборол страх. Деревянным, не слушающим языком выдавил (ему казалось — с усмешкой):

— Ну, и что вы еще умеете?

Анхела осталась спокойной:

— Прикосновением ладони определить температуру предмета с точностью до сотых долей градуса. Вдохнув запах самого чистого предмета, сказать — с каким веществом он соприкасался. Различать сотню оттенков любого

¹ Испанская средневековая инквизиция определяла связь женщины с нечистой силой при помощи специальных весов. Жертву бросали на одну чашу, на другую ставили гири. Если женщина, вместе с помелом, не превышала 49,5 кг, ее признавали ведьмой и отправляли на костер.

цвета, невооруженным глазом проследить фазы Венеры, чувствовать электромагнитные и атмосферные колебания. Смеяться одной стороной лица...— Досет с тупым изумлением увидел, как в уголке ее левого глаза наворачнулась крупная слеза, печально сползла по щеке, в то время как правая сторона лица весело улыбалась.

Досет покачал головой.

— Вы вправду можете порвать провод на расстоянии?

Что-то щелкнуло... Досет увидел — провод, намотанный на шиколотку Кайо, упал на пол, свисая, как змея. Одновременно сумеречным голубым светом засиял над раковиной грязный кафель. И точно такое же, но более ровное и чистое сияние вспыхнуло над Анхелой. Оно рождалось в прозрачной голубизне браслета, росло, охватывало лицо, волосы, шею Анхелы. И Анхела вся теперь как бы растворялась, меркла в стекленеющем, оплавленном озоновой голубизной воздухе.

Чертовщина!.. Письмо Шмайза на глазах расплзлось на мелкие клочки, а ключ, массивный стальной ключ от сейфа, которым майор пользовался час назад, круто, градусов под двадцать, был изогнут и, кажется... продолжал изгибаться!

— Я догадывался,— беспомощно произнес майор.— Вам зачем-то понадобился двойник вашего браслета. Поскольку он попал к нам, вы не остановились перед прогулкой в «камеру разговоров».

Он взглянул на браслет, лежащий на столе, перевел взгляд на Анхелу, но задать вопрос она не позволила:

— Не мешайте!.. Я разговариваю с журналистом.

— Разговариваете?.. Как можно с ним говорить?

И ответил себе — наверное, можно. Ей, Анхеле,— можно!.. Кем бы она ни была, откуда бы ни явилась, в силе ей не отказать!

Эта мысль, как ни странно, успокоила его. Преодолевая страх и растерянность, Досет еще раз повторил про себя столь знакомое, столь ободряющее его слово — с и л а!

Глава седьмая.

Вдова

Рассматривая нежные волосы Анхелы, все еще испускающие голубоватое сияние, Досет обреченно подумал: я опоздал! Мне следовало встретить Анхелу раньше, до марта!

Что бы изменилось?

Многое!..

Говори конкретней! — прикрикнул на себя майор. Ты бы отказался участвовать в военном перевороте? Предпочел бы остаться никому не известным средним чином? Равнодушно прошел бы и мимо славы, и мимо власти?

Конечно, нет!.. Но вот слава... Досет нервно повел плечами. Со славой он поспешил!..

Убийца Народного президента!.. Досет подозревал, что даже полковник Клайв за глаза употребляет это выражение. Иначе почему он, Досет, не в Ставке?.. О, пол-

ковник Клайв хитер! Он знал, где, как и кого использовать. Но он, Досет, тоже не глуп.

Успокоив себя, Досет поднял глаза на Анхелу. Двадцать четвертый век... Как по-детски нежен ее затылок!

Но так ли нежны намерения этой обаятельной женщины?

Досет незаметно ощупал пистолет, лежащий в кармане.

Умей она что-нибудь, кроме своих трюков, она бы не стала выпроваживать Чолло и Дуайта из камеры. Она просто приказала бы им освободить туземца! Она просто приказала бы отдать ей этот браслет!

Эта мысль рождала надежду.

Лазутчица из будущего?.. Но так ли проста ее роль? Может быть, ее неизвестный двадцать четвертый век оказался без угля, без нефти, без золота? Может быть, она, Анхела Аус, из тех, кто желал бы получить этот уголь, эту нефть, это золото в нашем, в двадцатом веке? И если это именно так — понадобятся ли им посредники?

Чем я, в конце концов, рискую?

УГРОЗА ИЗ БУДУЩЕГО! ПЕРЕНАСЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ ПОКУШАЕТСЯ НА НАШ ЗОЛОТОЙ ВЕК! — разве подобного рода сообщения не заставят ООН и всякие там другие человеколюбивые организации отказаться от травли замкнутого режима Тании? Против общей опасности действуют сообща! А на опасность, угрожающую миру, укажет он — майор Досет! Кто вспомнит тогда о Народном президенте? И кто станет оспаривать место Досета в Ставке?..

Майор усмехнулся. Клайв нашел его и поставил во главе штурмового отряда. Не пора ли и ему готовить кого-то, кто бросился бы в самый жар?..

А если Анхела лжет?

Согнутый ключ... Расползшееся письмо... Таинственное свечение... Порванный провод...

Если она и лжет, то после Кайо только она знает что-то о самолете.

Выбор следовало делать прямо сейчас. Каким-то дальним уголком подсознания Досет чувствовал, что чем быстрее он сделает выбор, тем труднее будет защищаться дочери Ауса. В конце концов, она еще ничем не проявила свою силу. Ведь не уберегла же она туземца, не помешала взять его под арест! Ведь не сумела же она спасти Шмайза, хотя явно была заинтересована в его возвращении! Ведь не решилась же она отнять свой браслет! И вообще еще неизвестно — справится ли она с наручниками из инструментальной стали?!

Досет почувствовал себя уверенней. Протянув руку, вытащил из коробки сигару. Обрезал ее, разжег, выпустил густой клуб дыма.

Итак, сказал он себе. Выбор сделан!

Анхела всей спиной чувствовала тяжелый взгляд Досета, но пси-заряд, использованный на майора и его сотрудников, продолжал действовать. Если Досет решится на крайность, — знала она, — то не раньше, чем через час...

Она разговаривала с Жайо. Точнее, прослушивала его потрясенный мозг, последние, с трудом фиксируемые сознанием мысли.

Молчание — так можно было перевести мысли Кайо на язык слов. Молчание... Пять костров ромбом — одиннадцатого, пятнадцатого, двадцать второго... Без оружия либертозо обречены... Одиннадцатого, пятнадцатого или двадцать второго — об этом известно только мне одному...

Я не вслух сказал это?

На секунду выйдя из забытья. Кайо разлепил опухшие веки и встретил внимательный взгляд Анхелы.

А-а-а, это она...

Эта женщина... Она неудачно установила свой круг, она всегда жила наверху, а в народе этого не любят, в народе это долго не умеют простить. Она была слепа, а я не сумел ей помочь вовремя... Но она честна перед нами. Когда танйцы забудут про ее пустую жизнь, они вспомнят о ней, как о прекрасной женщине... Кто помнит, кем была Джоконда? Верной женой или порочной душой?.. Но все помнят, что она была обаятельна!

Хорошо, что я думаю об Анхеле, сказал себе Кайо. Я тогда забываю про запад Абу. Будь Анхела с нами, я мог бы шепнуть ей: «Запад Абу, пять костров ромбом — одиннадцатого, пятнадцатого, двадцать второго...» Тогда либертозо получили бы оружие. А без оружия придется охотиться за отдельными небольшими отрядами морских пехотинцев. Это приведет к большим жертвам...

Кайо знал — он обречен. И мечтал об одном — умереть молча.

Не оборачиваясь, Анхела дотянулась до лежащих на столе обрывков бумаги, клочков оставшихся от письма Шмайза. Она знала: ее пальцы нащупают нужный клочок. И не удивилась, увидев расплывающиеся слова: «один процент...» Какая прекрасная цифра!

Если бы Кайо не умирал, Анхела вздохнула бы с облегчением. Ее план удался. Она нашла спрайс. Она разгадала судьбу Риала. Но Кайо умирал, и даже она, человек из далекого будущего, уже не могла помочь журналисту... Вздохнув, она бросила обрывок в большую, набитую окурками пепельницу.

Майор подозрительно проследил за ее движением, но удивления не выразил. Может, она брезглива? — подумал он, обрадовавшись этой им же самим выдуманной ее слабости. И поднял телефонную трубку:

— Ставка?.. Полковник Клайв?.. На проводе майор Досет! Прошу о чрезвычайном свидании! Да! Немедленно!..

— Вы ни в чем не убедите Клайва, — устало заметила Анхела.

Досет вздрогнул.

— Вы и мысли читаете?

— В пределах необходимого.

— Чем же ограничиваются эти пределы?

— Жизнью и смертью.

Досет не понял, но спросил:

— Что с туземцем?

— Хосеф Кайо ушел.

Она произнесла «ушел», и внезапно ей изменили силы. Чувство, о котором она раньше судила не по себе, сожгло ее, заставило побледнеть.

Всему есть предел, сказала она себе. Но почему нет предела этой томящей боли? Только ли потому, что, прощаясь с Риалом, я надеялась на встречу, а прощаясь с Кайо, сразу знаю — встречи не будет?..

Она произнесла про себя имя Риала и поняла, что все это время, хотя она и не думала о нем, он был с нею.

То, над чем она билась более двадцати лет, из них семнадцать в Тании, предстало перед Анхелой во всей своей страшной ясности.

Она вспомнила дискуссии в Институте Времени. Сначала они касались проблем чисто технических: непрерывно ли время? или оно дискретно? или оно обладает и теми и другими свойствами одновременно, как свет? и если это так, то нельзя ли разрывать дискретное время? и если такой разрыв возможен, то, проникнув во временную щель, нельзя ли двигаться по времени не только вперед, но и в обратном направлении?

Дискуссии... Когда оказалось, что теория Риала верна и человек в силах погрузиться в поток времен, дискуссии не закончились. Если уж сравнивать время с рекой, то река эта обладала слишком мощным течением. Чтобы плыть в прошлое, то есть двигаться против всей массы этих «вод», нужно было владеть колоссальной энергией. Оправдаются ли такие затраты?.. Риал умел убеждать! Его авторитет был огромен. Не случайно друзья называли его — Творец Времени, или просто — Творец.

Только Анхела всегда называла его — Риал.

В тот вечер, который она провела на берегу реки, Риал проводил первый конкретный опыт — специальная капсула, временная ловушка, должна была на несколько часов доставить его в семидесятые годы двадцать второго века и вернуть обратно. Но случилось непредвиденное — жестокая гроза вывела из строя распределитель энергии, и никто не мог сказать: в какое время, в какую пучину истории погрузился исследователь, как в батискафе, потерявшем возможность всплывать. Раз за разом гоняли временную ловушку в предполагаемую точку перехода, но ловушка не приносила ничего. Риал не вернулся. Риал исчез!

Гигантские потери энергии заставили прекратить поиски. Пришла пора раздумий, как говорила Анхела — мой век. Именно ей удалось настоять в Совете континентов на новой попытке — погрузиться в самые бурные дни двадцатого века.

Анхела выбрала Танию. Отсталая, нищая страна — здесь удобно было заниматься делами. Что бы Анхела ни делала — своя среди своих! — ее действия могли называть в худшем случае снисходительную улыбку: дочь миллионера, чудачка! Обаятельная, безвредная, любящая капризы чудачка!

Почему двадцатый век?.. Анхела знала — куда бы ни попал Риал, он не мог не оставить вещественных, материальных следов. И легче всего их можно было отыскать именно в двадцатом веке, среди людей, добравшихся до главных тайн истории.

Был и еще один довод — спрайс!

Спрайс неуничтожим. Он мог оказаться на запястье кочевника Золотой орды или фаворитки Людовика XV, в свайном поселке древних норманнов или в лаборатории алхимика; рано или поздно, но он окажется и в руках уче-

ных двадцатого века, века бурного, противоречивого, склонного к крайностям. Могла ли такая находка вызвать поистине болезненный интерес? — однозначного ответа тут быть не могло. Но вещь, сопоставимая только с будущим, могла сама по себе подсказать — будущее, в котором отказывали человечеству многие весьма влиятельные философы, существует! Его не убила гонка вооружений, его не убила тупость обманутых масс, его не убили ошибки лидеров! Но раз так, раз это будущее уже сейчас существует, не проще ли отказаться от борьбы, от тяжких трудов, не проще ли просто ждать? Будущее гуманно, будущее всемерно! Разве не протянут люди будущего руку помощи своим погрязшим в неразрешимых проблемах предкам? И разве, наконец, это не могло вызвать к жизни нечто вроде новой, вполне объяснимой религии — с возвращением Творца, с воскрешением всех для рая?

Теперь, после письма Шмайза, Анхела понимала — если бы спайс и попал в руки сотрудников Естественного института Тании, вряд ли бы кто соотнес его с будущим. Скорее уж с пришельцами из Космоса, наконец, с кознями врагов — внешних и внутренних...

И теперь Анхела знала, куда, из-за аварии распределителя энергии, попал Риал. В древний, доисторический Шумер!

Она пришла к этому выводу, изучая клинописные таблицы, вывезенные Шмайзом из Ирака.

Полет Этаны на небеса! Борьба Энкиду с небесным быком! Разрушенные эскуры Ларака! Взрыв, похожий на атомный! — какой разум мог вызвать к жизни столь несвоевременные явления?

Риал!

И спайс, найденный Шмайзом, подтвердил догадку Анхелы.

Ах, как они были похожи! Бородатый Гиш со свирепым львом, зажатым под мышкой, веселый Риал, не вставший над человеком, и этот униженный, обращенный в туземца, но не сломленный либертозо Кайо.

Анхеле показалось, ее спросили: «Чем они, собственно, похожи?» И привыкшая к своим внутренним монологам Анхела ответила: «Герои всех времен совпадают в своей человечности. Где бы они ни умирали, они умирают не за себя...» И потерявшая Риала, никогда не знавшая Гиша, не имевшая никаких прав на Кайо, Анхела и впрямь почувствовала себя вдовой. Да, вдовой! В этом Этуш не ошибся...

Анхела прощалась.

Она знала: круг замкнут. Она знала: Этуш прав. Она — вдова! Ей еще не раз предстоит родиться там, в двадцать четвертом веке, чтобы потерять Риала. И ей еще не раз предстоит вернуться в двадцатый век, — чтобы потерять Кайо...

Люди не могут примириться со смертью, какими бы героями они ни были, — сказала себе Анхела, глядя на ушедшего, но не выдавшего своих тайн журналиста. Кайо искал бессмертия — для всех... Как Гиш... Правда, о Гише пели на доисторических базарах, имя Гиша произносили в толпе, о нем вспоминали, услышав в ночи рычание льва, шумерские пастухи, о нем говорили, покачивая головами, жрецы в семиметажных эскурах; а Кайо уходил один.

Не в пламени погребального костра, как цари Шумера, а на продранной металлической сетке «Лоры». Крылья добрых духов Утукку и Ламассу не реяли над ним. Но зато над ним стояла Анхела...

Навсегда ли мы строим здания? — подумала Анхела. Навсегда ли мы входим в жизнь? Навсегда ли мы вводим в сердце любовь и ненависть?

Она смотрела на распростертого Кайо и понимала, что только так, из столкновения добра и зла, рождаются мифы.

Когда даже небеса сверху еще не были названы, сказала она себе, и земля внизу еще не была отделена от неба, когда даже изначальный Апсу, а с ним Мумму и Тиамат, еще мешались вместе, пришла пора создавать мифы — первое, но, может быть, самое важное оружие человека в борьбе за будущее.

И одной стороной лица, не видимой собирающему бумаги майору, Анхела заплакала — по своей убитой любви к Кайо, по своей потерянной любви к Риалу...

Что ж, сказала себе Анхела, годы, проведенные мною в Тании, не пропали напрасно. Я знаю, что случилось с Риалом. И знаю, что трагедия, разыгравшаяся в Шумере, трагедия, подробности которой еще не скоро станут нам известны, не понятя, не опознана людьми текущего века. А это значит, что ошибка Риала, его странная гибель никак не смогут повлиять на мироощущение людей, на их желание самим строить будущее, не ожидая ничьей помощи. А когда они поймут все, они станут уже нами!

Но странно, мысль о возвращении в двадцать четвертый век не принесла Анхеле облегчения. Почему? Она подняла голову.

Спрайс перед ней. Письмо археолога уничтожено... Что же мешает мне готовиться к возвращению? Ведь временная ловушка уже сегодня нырнет из будущего сюда, в Ниданго, в точку перехода, лежащую недалеко от шоссе, с которого виден одинокий шпиль монастыря Святой Анны...

Анхела судорожно искала — что?

И нашла.

ЗАПАД АБУ! ПЯТЬ КОСТРОВ РОМБОМ! ОДИННАДЦАТОГО, ПЯТНАДЦАТОГО, ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО!

Опустив боковое стекло, Досет, прищурясь, смотрел на летящие мимо скелеты сухих деревьев, на сов, смятенно вскидывающихся чуть ли не из-под колес.

Повернув голову, Досет мог видеть Дуайта. Волосятые руки технического помощника крепко сжимали руль. От армейской формы пахло табаком и потом. Так же пахло от замерших на сиденье морских пехотинцев. А вот от Витольда, жадно сжимающего в руках портфель с документами, пахло старостью. Но и табаком тоже.

Странно, подумал майор, ведь Витольд почти не курит.

И взглянул на Анхелу... Чем пахла она? Лесными цветами? Травой?... Трудно уловить, слишком силен запах бензина, пота, табака...

ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ВЕКАМИ!

Это звучало неплохо. Это унимало ревность к удачникам. Он, майор Досет, дождался своего часа! После первого же сообщения о разгаданном им вторжении из будущего люди забудут про смерть Народного президента. Они заговорят о нем, о логике Досета, и я, Досет, не упущу свой шанс!.. Если эта женщина и впрямь — мост между веками, посреди этого моста встану я! Мне виднее, кого впускать, а кого не впускать в будущее!

Досет расправил отяжелевшие, вдруг уставшие плечи. Мы — военные! Мы — профессионалы! Что бы о нас ни говорили, миру без нас не обойтись!

Эта мысль была яркой.

Для майора Досета она, возможно, оказалась даже более яркой, чем сама вспышка, расколовшая ночь.

Мина, подложенная под настил шоссе, оторвала мотор машины и убила всех, кроме Анхелы Аус.

Взрыв был столь силен, что несколько либертозо, бесшумно пробирававшихся к лесам Абу, остановились и настроженно обернулись к шоссе. «Твоя работа, Густаво!» — одобритительно сказал один и весело хлопнул по плечу смущенного Густаво. «Это хорошая мина, — сказал второй. — Такие мины Хосеф Кайо называет черными вдовами. Когда мы встретим Хосефа и он приведет нас к лесному аэродрому, у нас будет много таких миных». Густаво засмеялся и почувствовал, что на его щеку упала капля дождя. «Пусть бы этот дождь прошел мимо!»

Так же подумала Анхела.

Сдерживая стон, она сломала защелкнутые на запястьях наручники, отыскала в кювете отброшенный взрывом спрайс Риала и вброд перешла неглубокую тихую реку. Леса Абу шумели невдалеке. Она различила лай горной лисы и треск подгнившего дерева. Анхела знала, где именно ждут Хосефа его друзья. И хотя ее браслет светился все интенсивней, хотя до появления временной ловушки оставалось не более трех минут, она шла не к шоссе. Напротив, она шла к лесу. Шла и думала о том, как либертозо будут огорчены известием о смерти Кайо, и о том, как они будут рады разжечь пять костров ромбом — одиннадцатого, пятнадцатого, двадцать второго...

Думая так, Анхела плакала о Кайо и Риале — обеими сторонами лица. Думая так, она ни разу не обернулась на шоссе, над которым уже выли сирены серых, как смерть, военных автомобилей.

РАССКАЗ...

ИЗ

НАЗВАНИЙ

В январском «Калейдоскопе» мы поместили рассказ, составленный из названий фантастических произведений. Желающим предлагалось произвести обратную операцию — расчленив рассказ на названия и к каждому из них найти автора. Читателей, успешно справившихся с этим заданием «высшей категории трудности», мы назовем в декабрьском номере. А в этом выпуске «Калейдоскопа» публикуем расшифровку рассказа: авторы произведений указаны в скобках. — Итак, вот они, — 127 названий.

Как это было на самом деле... (А. ШАГИНЯН). Однажды осенью... (П. ВЕЖИНОВ). За миллиард лет до конца света (А. и Б. СТРУГАЦКИЕ). Нежданно-негаданно (Д. ЭЗЕРТОН). Зазвонил телефон... (А. КЛАРК). Алло, Парнас! (В. БЕРЕСТОВ). Можно попросить Нину? (К. БУЛЫЧЕВ). Скверная шутка (С. САНДРЕЛЛИ). Меня зовут Мольнар (К. ФИАЛКОВСКИЙ). Здесь нет никого, кроме... (А. АЗИМОВ). Говорит космос!.. (Н. ТОМАН). Тебя ждет приключение (В. ЗЕГАЛЬСКИЙ). Приглашение в зенит (Г. ГУРЕВИЧ). Сигнал из космоса (К. ЗАНДНЕР). На дворе двадцатый век (В. КОЛУПАЕВ). Кто поверит? (Р. ПОДОЛЬНЫЙ). Вероятность равна нулю (Г. МАКСИМОВ). Космос зовет (Н. КУЛИКОВ). Зачем? (Д. БИЛЕНКИН; Р. ШЕКЛИ). Ничего особенного (Ю. САФРОНОВ). Проверка на разумность (Д. БИЛЕНКИН). Впервые (Р. ПОДОЛЬНЫЙ). Единственный человек (М. РОГОВОЙ). Не кто иной, как я... (П. ЭНТОНИ). Первый из миллионов (Я. ГОЛОВАНОВ). Полсекунды (Ф. БЕЛКОВ). Поединок с собой (А. ГРОМОВА). Один шанс из тысячи... (С. ЖИТОМИРСКИЙ). Решение (А. БАЛАБУХА; В. КОМАРОВ; Р. СААКЯН). Иду к вам (И. РОСОХОВАТСКИЙ). И опустилось летающее блюдце (Д. БУЦЦАТИ). Зеленая кнопка (Б. ЗУБКОВ, Е. МУСЛИН). До свидания, Земля! (Г. ГОЛУБЕВ, А. ЛЕОНТЬЕВ). Мы уходим к Аэлле (В. ЖУРАВЛЕВА). Путешествие будет долгим (А. ИННЕС). Бесконечная дорога (Ю. НИКИТИН). На изгибе пространства (Д. БИЛЕНКИН). Пятая слева... (В. БАХНОВ). Звездочка светлая, звездочка ранняя (А. БЕСТЕР). Одинокая планета (М. ЛЕЙНСТЕР). Синий мир (Ю. ТУПИЦЫН). Прелесть (К. САЙМАК). Земной рай (Ю. КОПТЕВ, В. НЕВИНСКИЙ). Какие смешные деревья (В. КОЛУПАЕВ). Небо, небо... (Э. РАССЕЛ). Летающие цветы (М. ВАСИЛЬЕВ). Летающая собака (Б. ЗУБКОВ, Е. МУСЛИН). Луг. (Р. БРЭДБЕРИ; К. СИМОНЯН). Красный олень — белый олень (К. БУЛЫЧЕВ). Откуда он? (Д. БИЛЕНКИН). Планета иллюзий (Ф. ИСИХАРА). Мир, которого не может быть (К. САЙМАК). Шаги в неизвестное (С. ГАНСОВСКИЙ). Извятие (Г. ГОР). Совсем как человек (К. АБЭ). Две руки (Б. РОМАНОВСКИЙ). Почти такие же (А. и Б. СТРУГАЦКИЕ). Мы пойдем мимо — и дальше (В. ЖУРАВЛЕВА). На большой дороге (Р. БРЭДБЕРИ). В круге света (А. ГРОМОВА). Избушка (К. БУЛЫЧЕВ). Глухая стена (К. ЭНВИЛ). Дверь с той стороны (В. МИХАЙЛОВ). А мы лезем в окно (О'ДОННЕЛ). Мы — из Солнечной системы (Г. ГУРЕВИЧ). Все дозволено (А. и С. АБРАМОВЫ). Таверна (К. СИМОНЯН). Комната для гостей (А. и С. АБРАМОВЫ). Слоеный пирог, (С. ЛЕМ).

Утка в сметане (И. ВАРШАВСКИЙ). Немного зелени... (Ф. БРАУН). Пища богов (Г. УЭЛЛС). Вино из одуванчиков (Р. БРЭДБЕРИ). Настойка из тундровой серебрянки (Б. ФРАДКИН). Банка без наклейки (А. ДНЕПРОВ). Что там? (В. ОСИНСКИЙ). Эликсир сатаны (Э. Т. А. ГОФМАН; Л. ЛАГИН). Не нашей работы (Д. ПЛЕКТЕЙ). Я и не я (Г. АНФИЛОВ). Двое (С. ГАНСОВСКИЙ). Трое в одном (А. ЗАЛУЦКИЙ). Их было четверо (П. ГОРДАШЕВСКИЙ). Пятое состояние (А. ДНЕПРОВ). Как им было весело (А. АЗИМОВ). Кто во что горазд (Б. КУРОСАКА). «И деревья, как всадники...» (Г. ШАХ). Звук бегущих ног (Р. БРЭДБЕРИ). Кто там? (Л. ЖИГАРЕВ; А. КЛАРК). Ма-а-а-ма! (В. КОЛУПАЕВ). Кошмар номер четыре (Р. БЛОХ). Чудовище (А. ВАН ФОГТ; Д. КРИСТОФЕР). Дракон (Р. БРЭДБЕРИ; В. КАЙДОШ). Трехглавый дракон (Л. СТЕКОЛЬНИКОВ). Ужас высот (А. КОНАН ДОЙЛЬ). Здравствуй, сапиенс! (Б. ХУДЕНКО). Зовите меня Джо (П. АНДЕРСОН). Шутник (У. ТЕНН). Я тебя слышу (К. СИМОНЯН). Спокойной ночи, мистер Джеймс (К. САЙМАК). Человек с планеты Земля (В. ЕЖОВ, В. СОЛОВЬЕВ). Вы вели себя очень грубо (Э. РАССЕЛ). Прямое доказательство (А. ДНЕПРОВ; В. ЩЕРБАКОВ). Дыра в стене (Д. БИЛЕНКИН). Разрушенные ступени (И. РОСОХОВАТСКИЙ). Следы на паркете (А. ДНЕПРОВ). Дурной пример (К. САЙМАК). Если это будет продолжаться... (Р. ХАЙНЛАЙН). Контакт не будет (И. ВАРШАВСКИЙ). Ох уж эти туземцы! (А. КЛАРК). Воспителлы (К. САЙМАК). Третий параграф (Р. САВВА). Наказание (В. БЕРЕСТОВ; Р. СИЛЬВЕРБЕРГ). Луч возмездия (А. КЛАРК). Синий луч (Г. ВОЛОДИН). Человек в воздухе (Р. БРЭДБЕРИ). На острие луча (А. ШЕПИЛОВСКИЙ). Взрыв (Б. ЗУБКОВ, Е. МУСЛИН; А. КАЗАНЦЕВ). Звездная карусель (Ф. БРАУН). Пробуждение (А. ВАН ФОГТ; С. ГАНСОВСКИЙ; О. ЛУКЬЯНОВ; К. ФИАЛКОВСКИЙ). На асфальте города... (В. КОЛУПАЕВ). Как здорово вернуться! (Р. ХАЙНЛАЙН). Под ногами Земля (И. ВАРШАВСКИЙ). Город (Р. БРЭДБЕРИ; К. САЙМАК). Дом в тысячу этажей (Я. ВАЙСС). Газетный киоск (В. КОЛУПАЕВ). Мир, в котором я дома (Г. ПРАШКЕВИЧ). Случится же с человеком такое!.. (В. КОЛУПАЕВ).

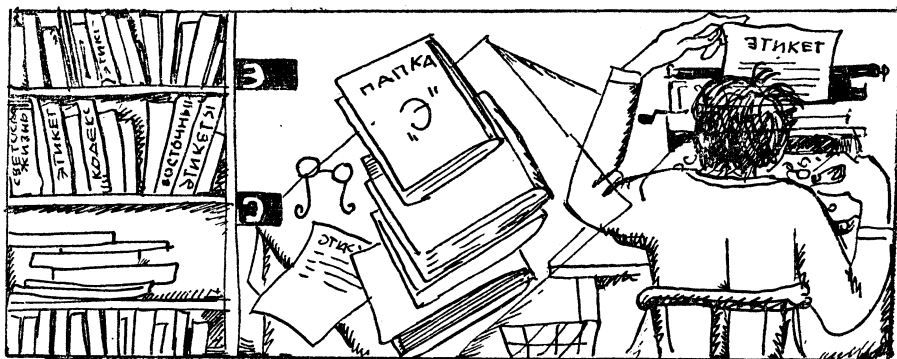

«... ДАБЫ НЕ ВЫГЛЯДЕТЬ СПЕСИВЫМ БОЛВАНОМ»

Ахмет
МАЛЬСАГОВ

Рисунки
М. Паукера

- Папка
с надписью «Э»
- Эти старомодные
приличия...
- Этикет
гостеприимства
- *Интеллигентский*
окурок в тарелке
- Такт—
товар штучный

Лет десять тому назад со мной случилось странное литературное происшествие. Я написал рассказики «Притчи о горском этикете», целую подборку. Никакого особого значения этой случайной, «проходной» работе я не придавал и не думал, что рассказики могут увидеть свет. Но с легкой руки Всесоюзного радио часть рассказиков взяла и опубликовала «Литературная газета», затем большую подборку дал журнал «Дружба народов» (№ 9, 1970 г.) с последующей перепечаткой в польском, испанском, японском, английском и других изданиях журнала «Советская литература».

В чем дело, почему такой неожиданный интерес? Сам я горец, ингуш, родился и жил на Северном Кавказе. В «Притчах» я всего-навсего рассказал о том, как ведут себя горцы каждодневно, в быту: как здороваются, одеваются, встречают гостей, каковы свадьбы и т. п. Может быть, привлекала радиослушателя и читателя чисто литературная сторона рассказиков? Нет, они были довольно незатейливы, информативны.

Не найдя разгадки, я внимательно последил за газетами, журналами и понял, в чем дело: назрел общественный интерес к проблеме воспитания воспитанности. Все чаще и чаще появлялись статьи, заметки на эту тему. А в нашей стране такова уж общественная традиция, что при накоплении любого доброго опыта мы привыкли пройти хозяйским глазом по опыту и больших народов стра-

ны, и малых, и за рубеж не гнушаемся глянуть.

Книжные полки должны были подтвердить мою догадку. Если пошла в ход «тяжелая артиллерия» — книги, — значит, действительно можно говорить о массовом глубоком интересе к проблеме. Я обошел книжные магазины Москвы и ни одной книжки об этикете, о культуре общения не смог найти, потому что их... немедленно расхватывают.

Я пошел по библиотекам. Стал заглядывать в политестные книжечки. Нет-нет и наткнешься на что-то забавное, даже не поленишься выписать. Неизвестно для чего я складывал выписки в папочку с надписью «Э» — этикет. А бывая в поездках, сравнивал прочитанное с поведением людей в разных краях. Получалось нечто вроде путешествия по стране «Э», стране любопытной и подчас чудаковатой, пестрой.

Поэтому, когда редакция «Уральского следопыта» прислала мне письмо с просьбой написать для журнала об этикете, о культуре общения, я согласился. Увы, сколько раз ни садился за машинку, ничего не получалось. Тогда я вспомнил чью-то мудрую мысль: если хочешь что-то понять — напиши об этом книгу.

Я написал не диссертацию, куда уж мне. Я написал и не пособие по части обхождения, а написал роман о рабочем классе «Человек, которому всегда трудно». Роман этот — прямой результат моего путешествия по стране «Э».

Почему и куда я поехал за книгой? Я обязан был понять, так ли уж позарез нужен этот пресловутый этикет главному классу страны — рабочему классу. Может быть, пестуют этикет и возятся с ним лишь герои моих «Притч» в неторопливых аулах? Не снобы ли интеллигентствующие расхвываются соответствующие пособия с прилавков? Или кавалерствующие дамские угодники, или модничающая молодежь...

Я поехал на кавказский машиностроительный завод, выросший среди кукурузных полей. Могло статься, что горды, примеряя рабочий комбинезон, сложили в аульные сундуки вместе с отжившим веком чересками и прочую экзотику вроде всяких этикеток и стародавних обычаев.

Все оказалось несколько сложнее. Герой моего романа Шамб Асланов, вчерашний пэтеушник, токарь завода, как бы застрял на кукурузной меже, отделяющей цеха от родного аула. Старики велят ему «не брыкаться в оглоблях обычаев», отнюдь не всегда добрых и благотворных. А обстановка заводского коллективизма и новой морали диктует зачастую нечто иное, непривычное. Юноша вынужден беспрестанно определять для себя — что хорошо и что плохо. Этикет является частью этого, слагаемым нравственности. Не только в экзотической горской обстановке случается попадать в такие непривычные условия, требующие корректировки поведения.

Есть ли какой-то основной критерий, которым надо при этом руководствоваться? Есть. Вот он: человек должен всегда оставаться человеком среди людей и помнить, что в массе своей они достойны уважения. Этикет — внешнее выражение этого уважения, техника общения.

Для чего этикет? Что он такое? Сейчас смешно читать определение из сравнительно не старого издания «Словаря русского языка» (С. Ожегов, 1952 г.): «Установленный порядок поведения, форм обхождения (в дипломатических кругах, при дворе и т. п.)».

Дипломаты как-нибудь разберутся. Нам же важнее всего это самое «и т. п.». За ним я вижу наш массовый повседневный обиход, включая в первую очередь — не удивляйтесь! — сферу деловых взаимоотношений, в том числе и на производстве.

Что считают специалисты основой этикета? Точность, неукоснительное соблюдение свода правил поведения. А что главное на заводе? Тоже точность... Сплоть и рядом успех производства упирается не столько в тайны самой технологии, сколько в соблюдение установленных правил деловых взаимоотношений, это тоже замечено специалистами. Да мы и сами это видим на каждом шагу. Дал обещание смежнику к такому-то часу обеспечить его заготовками —

и не сделал... Не обижайся, если про тебя скажут: «Необязательный, невоспитанный человек!»

Человек груб, постоянно хмур, любит покрикивать, а то и «загнать», не стесняясь присутствия женщин, молодежи. «Зато деловой работник!» — извиняет его кто-нибудь. А этот деловой работник по своей неразвитости не понимает, что он уже нанес ущерб делу же. Грубым словом он нанес кому-то так называемую мелкую психологическую травму, из-за которой производительность труда станочника снижается, как подсчитано, в пределах 6—17 процентов.

Я помню одного начальника цеха на химическом комбинате в своем родном Грозном. Человек еще молодой, он хотел выглядеть образцом этакого строжайшего «деловика». Мне он говорил: «Никто не скажет, что я веду себя некорректно или неуважительно. Но никаким личным эмоциям, психологическим штучкам и политесу у нас не может быть места. Некогда! У нас — производство». Я подозревал, что он больше напускает вид, уж очень по натуре душевный человек...

Его перевели с повышением в заводоуправление. Как-то вижу, — сидит, пишет груды открыток. Поздравления с женским днем аппаратчицам своего бывшего цеха... «Это я по старой цеховой привычке! — объяснил он мне. — Бывало, всегда кладешь на пульт аппаратчице открытку. Но это же не политес пустой, а обязанность руководителя».

У нас в горах глупые, спесивые старики спекулируют своим старшинством. А достойные — привстают и при виде юноши, женщины. Знают: так скорее получат свое в ответ; передастся дальше, не иссякнув, эстафета традиции.

На заводе, где я как-то был, поначалу случалось так. Простанваает мощный пресс. «Где прессовщица?!» — неистовствует мастер.

— Эш-ша! — восклицает в удивлении появившаяся наконец девушка. — Чего ты тут так шумел? Ты ведь сам из нашего аула и знаешь, что у моих родителей сегодня гости. Кто же должен готовить, если не я? Неужто я бросила бы гостей из-за этого твоего пресса или заработка? Или ты совсем одичал на заводе, забыл бычай?!

Теперь подобный случай выглядит дико. А что же гостеприимство — выветрилось? Нет, стало разумнее, потому что и сам гость теперь пошел с понятием. «Хяши ца» — гостевую комнату, кунацкую — держат, как и исстари, в неприкосновенном убранстве, всегда наготове. Выспавшись в полном комфорте, гость увидит, что его сапоги начищены до блеска, — это обязанность юноши-домочадца. Висевшая на ниточке пуговка пиджака принята руками той же прессовщицы. Словом, полный сервис.

Почему так? А просто из гуманизма. Если же говорить не столь высокопарно, то из простого соображения, что гость — человек в пути, ему труднее, чем нам под нашей родной крышей. Значит, опять же внешнее проявление внутреннего внимания, уважения к человеку, которому труднее.

Скажу о гостеприимстве еще. И не для того, чтобы поставить этот добрый обычай всех народов нашей страны на первое место в этикете. А для того, чтобы развенчать некоторые неправильные, преувеличенные представления, легенды.

Помню, как встречают гостя в чабанских юртах на киргизском пастбище Кара-Куджур. Еще не успев ответить на ваше «здравствуйте», перед вами сразу ставят пиалу с горячим чаем. А как же иначе? Вы ведь только что одолели по трескучему морозу серпантин мрачного перевала Долон.

У прибалтов гостеприимство имеет свой оттенок. В русских деревнях сердечное радушие к гостю чаще всего лишено того излишнего щегольства обычая, от которого не всегда может удержаться наш брат-кавказец.

Но ведь и на самом Кавказе есть разные нормативы. Пожалуй, тут мне удачно подвернулось нужное слово: всему должна быть своя норма, своя мера. Верно говорят у японцев: «Излишняя вежливость — это невежливость».

У нас в старину называли гостя посланцем аллаха. А если посланец слишком засидится? На этот случай предки придумали: «Что самое краси-

вое на свете? Спина гостя». У нас, на Северном Кавказе, я имею ввиду своих ингушей и близко родственных нам чеченцев, есть такой извечный норматив: «Порядочного гостя накорми, как сумеешь, непорядочного — сверх всякой меры», потому что невоспитанный гость будет судить о твоем радушии только и только по обилию стола.

Кавказ — разный. Среди северокавказцев случается слышать: «Вот в Закавказье, у грузин — там действительно понимают толк в гостеприимстве!» И начинаются легенды о многодневных застольях с выкапыванием винных бочек из земли, о непрерывном «тостогореньи». Какое искажение истины! Так могут судить только те северокавказцы, кто не бывал южнее Главного Кавказского хребта, а слышал звон.

Я однажды гостил в Грузии. И вернулся оттуда как после тяжелой работы. Устал я не от застолий, хотя их тоже хватало. Я был отягощен грузом великолепных впечатлений. Нас, неофициальных (подчеркну это) гостей, возили смотреть все, чем богата культура древнего трудового края. Старинный замок, музей, аудитории нового тогда здания сельхозинститута, плодородческий совхоз на каменных склонах, водохранилище, уникальные клумбы знаменитого старика цветовода...

Мы увидели создающую Грузию. Мы узнали культуру гостеприимства. Нам пришлось честно работать. За столами мы тоже работали честно, но как? Коньяк и прочие тяжелые напитки почему-то оставались едва распробованными, а легкое вино, щедро разливаемое в плоские глиняные чашечки, позволяло всем сидеть долго и в полном здравии веселого рассудка. Что ни тост — новелла. Самым же богатым угощением были песни, которые пели для нас хозяева хором. Целый концерт национальной музыки.

Таким познавательным, плодотворным оказалось наше неофициальное дружеское гостеванье за хребтом. А разве не бывает так, что человек не может вспомнить, где гостил и что видел? Бывает, увы, иногда даже в официальных поездках, если хозяева в раже криво понятой традиции позволят перевесить «угощательной» части. Когда-то я брал интервью у знакомого писателя-горца, побывавшего с группой литераторов в соседней северокавказской республике. «Впечатления? — рассказывал он мне. — У них писатели — молодцы! Когда они приезжали к нам, то мы в общей сложности зарезали всего четырех баранов, а они нам — шестерых!» «Ну, а что интересного? Знаменитый рудник в горах видели?» «А как же! Там нам выловили в реке такую форель, закатали такую уху...»

На днях мне рассказали о таком

случае: женщина облила кипятком соседа, его увезли на «скорой» в ожогах.

Суд наказал эту женщину чисто символически, вынес ей порицание. Я бы ее не оправдал, и все же... Что вытворил сосед по коммунальной квартире? Шлялся полуголым. Это оскорбляло соседку, женщину однушку и, говорят, корректную. Она пыталась вразумить соседа, объяснить ему, что одежда — тоже вежливость. В самом деле, только невоспитанное существо зрелого возраста будет разгуливать по магазинам или по вагонным коридорам в майке-безрукавке либо и без таковой, оголив живот. Есть ведь понятие об элементарном приличии, от которого считают себя свободными три категории: младенцы, дикари и хулиганы.

Этот сосед числил себя в категории интеллигентов и гордо уверял на суде, что по вагону он полуголым никогда не пройдет, но у себя дома... Тут он вытворял, что хотел, а не только коммунальный стриптиз. И так доконал женщину, что она плеснула на его отвисший живот кипятком.

Кипятком нельзя, это бесспорно, это сосед знает. Но ему смешно, когда просят прикрыться, или не свистеть на общей кухне, или не греметь за полночь музыкой в своей (в своей же, черт возьми!) комнате. Это он еще не проходил.

Существует мнение, что заучивать и знать множество подобных «тонкостей» бесполезно, пока человек не обрел культуру внутреннюю. Ждать? А хам тем временем будет изводить окружающих? На Руси в старину не считали нужным так мудрствовать, а говорили: вот тебе правила обхождения — и выпоняй, «дабы не выглядеть спесивым болваном». Узнаете в этом суровом наказе интонацию Петра I? Да, именно в его время запрещалось делать следующее, чтобы не быть болваном: «Кни вещи в беседовании мерзки бывають? Нос смарщивати, брови подвешати, уста разевати, власами трясти, без вина кашляти, покрякивати, в ушесах угабляти, нос вытирати, тыл у главы почесывати, с ноги на ногу шататися, речь кому пресецати перее, неже совершит ю».

В этой заповеди не сказано, что не надо трясти власами над газовой плитой, на которой стоят и чужие сковородки. Не сказано в ней и про метро, где нередко увидишь такое: патлатый молодец стоит перед окном движущегося вагона и любовно, в задумчивости расчесывает гребенкой шевелюру, сдувая волосы на окружающих.

Да про все, наверное, ни в какой заповеди и не скажешь, но обучение определенному кругу заповедей необходимо. Разумное существо сделает из них выводы и на другие житейские случаи. Ибо даже из кучей, неполной петровской заповеди мало-

мальски мыслящий организм способен извлечь догадку: «Ага, все это, наверное, кому-то мешает? Понаблюдаю-ка, что еще может оказаться мерзким для окружающих!»

«Кому-то мешает» — эта мысль, пожалуй, и должна быть основой воспитания воспитанности. И самовоспитания. Люди стали чувствительнее. Они не хотят, чтобы им мешали жить. К сожалению, мы далеко не всегда отваживаемся сказать тому, кто мешает: «Слушай, человек, так нельзя...»

Нас одолевает некий ложный стыд. Ну, как это можно сделать замечание взрослому человеку, который сигнализирует клаксоном своей машины под окном или кричит на пятый этаж, вызывая друга Васю и взбаламутив полтора квартала спозаранок? Ведь обидится... И наш сосед Вася тоже начнет коситься на нас, обидевших его друга и гостя.

Я иногда, глядя на человека, который «угабляет» в носу или в ушах, горланит («а у меня голос такой»), раздражающе барабанит пальцами у меня перед лицом и т. п., думаю: о чем он в эту минуту думает, явно видя, что это кому-то не по нраву? А думает он вот как: «Подумаешь! Нежности...»

Есть у меня знакомец, которому я вправе сделать замечание. Интеллигентный вроде бы человек, он в подпитии раскрепощается, становится «самим собой», а именно: перебивает других, не дает никому за столом слова молвить, а вешает сам, у него прорезается голос, слышимый

всему дому; ему подставляют пепельницы, но он умудряется сунуть окурок почему-то соседу в тарелку, рюмку он прольет кому-то на голову. Почему так, что случилось? «Подумайте! Неужели вы полагаете, что я не знаю политеса? Да я на званом обеде всех вас по этой части за пояс заткну! А сейчас — не хочу: мне нравится быть в таком кругу раскрепощенным!»

Он знает правила этикета, тем непростительнее. Он думает: надо будет — и применю их. Ему ни разу не сказали: вон из компании, где ты не желаешь их применять.

Он похож на ту горскую кошку — родственницу лисицы из русской басни, которая, не сумев достать виноградную кисть, лицемерно сказала: виноград еще зелен. Наша горская кошка не смогла достать бараний курдюк (сало), подвешенный для подвяливания, и фыркнула пренебрежительно: он еще не готов.

Кем-то остроумно сказано, что воспитанный человек не тот, кто сможет не пролить соус на стол, а тот, кто не сможет его пролить.

Мы помним время, когда нам было не до этикета и его тонкостей. Мы были бедны во многих смыслах, а бедность, как утверждали у французов, избавляет от этикета. Какой в самом деле смысл упрекать человека, что он полуголый, если он выстирал свою единственную рубашку и должен ее высушить?

Теперь мы имеем. К тому же, грамотны и начитанны. Кто-то еще не дорос в смысле внутренней, глубин-

ной культуры? У кого-то еще не хватает разума? Пока он наживает, этот разум (для того, чтобы образовался «внутренний человек», нужно время), — мы вправе требовать, чтобы любой из нас не гнушался общеизвестной и доступной всем нам внешней культурой, как бы язвительно ни звучала для нашего слуха поговорка тех же французов: «Этикет — это разум тех, у кого его недостаточно».

Не понимаю сути и смысла этикета, не убежден в его необходимости, однако выполняю. Такое мне слышать приходится.

Это, знаете ли, как с тещей. Можно не испытывать к ней самозабвенной любви, а почтительность соблюдать полагается. От приличий, от здравых правил общежития никуда не денешься, если хочешь, чтобы и к тебе относились в соответствии с этими правилами.

Что и говорить, программа-минимум устраивать наше общежитие не может: наш человек должен быть всесторонне и глубоко развитым, а не только обладать внешней культурой. Так вот, внешняя культура, являясь производным от культуры внутренней, имеет и силу обратной связи: оказывает влияние на наш духовный мир, на нашу нравственность, делает нас внутренне более подтянутыми, морально более опрятными, более обшительными и доброжелательными по характеру, то есть добавляет нам того, что теперь принято называть коммуникабельностью. Это истинная раскрепощенность человека, ощущающего себя свободно и радостно в той общности, которая зовется советской семьей.

В одном из рассказов о Ленине приводится такой мимолетный штрих. Владимир Ильич пишет в президенту-ме срочную записку. За ней подошла работница секретариата и Ленин тотчас привстал, не отрывая карандаша от бумаги. Он не мог не встать.

Это к слову об органической воспитанности, уважительности.

У каждого человека должна быть собственная традиция поведения, соответствующая общекультурным нормам. Традицией может стать только то, что беспрестанно повторяется, культивируется. Но начинается-то дело все-таки с первого урока. Народная артистка СССР С. Гиацинтова рассказала однажды в «Правде» в статье «Воспитывать воспитанность», как жестко учила ее мать в детстве. Девочка вошла в столовую у себя дома не так, как следует. Ей пришлось войти шесть раз, пока не получилось...

У нас есть неисчислимые возможности учить всех и всему даже вне программ, я имею в виду внеклассные кружки, общественные школы, университеты культуры, клубы и т. д., которые учат любым хобби и «водствам». Но редко где учат этикету, который давно следовало бы ввести

и в школьно-вузовские программы, как это практикуется, скажем, в Японии. Педагоги, в том числе и дошкольные, склонны кивать на семью — мол, там формируется первооснова воспитанности. А родители желают, чтобы все было «по науке», для чего и существуют педагоги. Но ведь педагогов тоже не учили этикету, кроме как между прочим.

Несколько лет назад мне довелось рецензировать очерки в журнале «Москва». Был в числе прочих очерк Любови Парфеновой, Героя Социалистического Труда, московской ткачихи. Она наставник молодежи, но она не согласна исчерпывать наставничество формулой «Молодым — производительность передовиков!» Она добивается, чтобы был у молодых работников порядок, была красота в общежитии, чтобы там готовили для них в пять часов утра чай, она переворачивает в фабричной бухгалтерии все вверх дном, узнав, что там взыскали с семнадцатилетних «бездетный» налог. Душевная пронзительность ткачихи глубже этих забот. Она огорчена, узнав, что ее юные подруги не помнят дней рождения своих матерей, и приучает девочек посылать родителям поздравления, памятные подарки. Она зовет девочек к себе домой на чай, знакомит с мужем, детьми, со своей кулинарией — пусть молодые ощутят прелесть и уют домашнего очага, увидят роскошь добрых, интересных взаимоотношений в крепкой семье, где все умеют уважать друг друга.

Слово и лицо. Вот два главных инструментов человеческого общения, что бы мы ни говорили возвышенного о приличии одежды, походки, прически, жестикуляции.

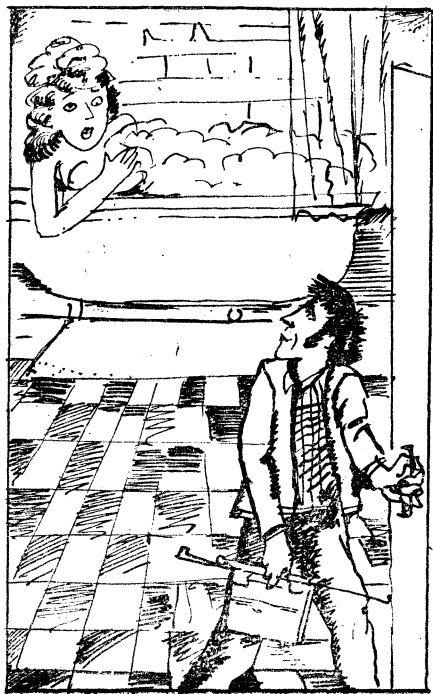
Что сказано и как сказано? Слово. И тон, которым оно произнесено. Грубая продавщица: «А я вам ни слова оскорбительного и не сказала!» Верно. Испортил дело тон.

Конечно, важнее всего сам, так сказать, текст, сами слова. Мы знаем совет: если не можешь сказать человеку ничего приятного, то лучше промолчи.

Великий писатель И. Тургенев варивал в шутку: если хочешь произнести что-то неразумное во гневе, то имеется верный способ удержаться — провести девять раз языком по небу...

У нас, у ингушей, пословица: «Слово — раб, выскочило — ты его раб».

Не знаю ничего более отвратительного и бессмысленного, чем то, что мы называем нецензурным языком, который в каких-то якобы «пристойных» элементах проникает даже в литературу в качестве художественной (!) речевой характеристики персонажей. Но характеризует это не столько героев, сколько автора, его литературный вкус. У Лермонтова есть мысль, что брань в приличном

произведении так же недопустима, как и в приличном обществе.

Когда-то в «Известиях» рассказывалось, как на одном ленинградском заводе — Ижорском — создавали у себя, скажем тем же стилем, приличное общество. Занялась этим общественная заводская «служба хорошего тона». Не знаю, чего она сумела конкретно добиться, но газета утверждала, что громогласную матерщину на заводе изжили. Добились ли этого ижорцы в самом деле или нет, но добиться можно везде, где есть микроклимат коллектива и где не постесняются подвести распушенность языка под строгое понятие «нарушение дисциплины производства». Ведь объяснять что-то в данном случае и агитировать нет нужды. Надо требовать.

«Нас учили — что говорить, но не учили — как говорить» — такую жалобу можно услышать нередко. Значит, явно недоучили. Содержательный, внутренне воспитанный человек и речь умную в беседе держит, и слово любезное может произнести, а глядишь — впечатление оставил не вполне лестное. Почему? Не хватило, как говорится, техники исполнения. Умную речь он произносил так невнятно, с неряшливой дикцией, что к его мыслям продирался с трудом. Слово свое обходительное буркнул хмуро, сквозь зубы — и собеседники подумают, не ослышались ли, может, он ругательство произнес, а не комплимент?

Я заметил, хорошие воспитательницы: бывают озабочены не столько

тем, в двухлетнем возрасте или трехлетнем сумеет их питомец выговорить слова «спасибо» и «доброе утро», сколько озабочены тоном ребенка: надут он говорит или радостно, доброжелательно.

Лицо, пожалуй, еще первее инструмент человеческого общения, нежели слово. Ведь глянешь на иного доброжелательного незнакомца — и слов не надо, ты уже видишь его отношение к тебе, к людям вообще. С ним легко и в спорной ситуации.

Могу судить и по себе, мы в массе своей, включая даже молодежь, скупы на улыбку, держим ее в режиме строжайшей экономии, словно острodefицитные запчасти — «в заачке». Написав эту фразу, я отвлекся на миг и попробовал вспомнить, сколько раз я улыбнулся за вчерашний день, за прошлую неделю. Не сосчитал, но знаю: сэкономил много. Да ведь эдак атрофируются лицевые мускулы, управляющие улыбкой!

В английских школах сызмальства приучают держать эти мускулы в хорошей спортивной форме, для чего заставляют по сто раз произносить слово «чииз» (сыр), растягивающее губы в подобие улыбки.

Нам подобия не надо, мы предпочитаем натуральное — то, что идет из глубины радостного мироощущения. От улыбок без повода нас предостерегает едкая русская поговорка: из дурака и горе смехом прет. Но надо ведь сказать и о тех, кто даже в свои беспечные минуты угрюм и плаксив, наводит тоску на окружающих. Горцы говорят о таких занудах так: «Он из тех, кто, кушая, плачет», то есть ноет, что голоден, уплетая сытный обед.

В старину, в великосветском обществе, как мы знаем по литературе, даже непредумышленный косой взгляд мог стать поводом для дуэли. У горцев, в старину же, небрежный ответ на приветствие вызывал лавину кровной мести.

Нынешним поколениям чужды эти страсти-мордасти, но каждый может припомнить случаи, когда неудачное слово либо прорвавшееся в рассеянном жесте или в тоне пренебрежение ведет к краху отношений, не имевших еще прочной опоры. Это как в автомобильной езде: недовернул иногда на какой-то миллиметр баранку — и катастрофа.

Автор изданной в Праге книги «Правила современного человека» Добромил Ечный грустит: «Если водитель автомобиля, прежде чем общество выпустит его на улицы, обязан заучить правила движения, то от юноши, выпускаемого в стихию общественной жизни, знания правил не требуют. А насколько лучше была бы жизнь, если бы правила поведения соблюдались, как правила уличного движения. Последние, хотя же не

столь часто, как правила этикета!»

Правила вежливости, этикета так или иначе записаны. Читай, усваивай, культивируй. А где пособие по такту? Вряд ли такое когда-нибудь создадут. Каждая особая ситуация, не предусмотренная в этикете, требует особого такта. Это товар штучный.

Английский трубочист, проверяя дымоходы в гостинице, нечаянно вломился к купающейся даме. «Извините, мистер!» — сказал он и выскочил. «Извините, миссис!» — было бы вполне достаточно в смысле вежливости и... бестактно.

Ингуши пригласили в гости к себе в аул известного московского композитора. Имелось основание устроить ему торжественную массовую встречу на кургане Аби-Гу, где истари отмечались все значительные события жизни народа. После теплых взаимных приветствий на вершину кургана ввели нарядно убранного рысака: подарок ингушей композитору.

«Вот это учудили!» — подумал я о своих земляках, с жалостью глядя на гостя. Как он довезет коня до Москвы, как будет содержать его где-нибудь у себя на Арбате? А отказать от подарка — тоже немислимо, это же обидя всему народу.

Композитор умело снял с коня наборную уздечку, прижал ее к груди и сказал с кургана:

— Увезу ее с собой, повешу на самое почетное место в доме! А мой конь пусть пасется на сочной траве ингушской земли, ставшей для меня родной...

Старики оценили находчивость и такт гостя.

Когда-то «Комсомолка» печатала словарь под рубрикой «С улыбкой об этикете». Тогда я думал, что о таком несерьезном деле только с улыбкой и можно говорить. Так поступал в своих «Притчах» и я. А когда автор словаря Беата Бушелева сказала мне, что работает над кандидатской диссертацией на эту тему, я очень удивился: чтобы и наука полезла в такое дело?..

А проблема-то оказалась действительно серьезной...

Так и не знаю до сих пор, что именно вышло из-под пера Беаты Бушелевой. Исследование об отдельных проблемах этикета? А может быть, нечто такое, что позволит нам приблизиться к труднейшей задаче, требующей совместных усилий специалистов самых разных профилей? Я имею в виду задачу создания какого-то единого пособия по общесоветскому этикету, если время для этого уже пришло.

Крыжамбіе

Синиковинки

Николай
НИКОЛАЕВ

Рисунки
Т. Анпиловой

Синяя стрекоза

Берег залива укутался зеленым пышным покрывалом, сотканным из верблужника, тягуна, солянки. Местами высоко поднялись похожие на длинные языки листья кирмека. Дунет из займища игривый ветер и неведомый пряный аромат трав наливает сердце неизъяснимой радостью.

Далеко, до горизонта расплескались весенние воды Маныча, буйно, как пики, поднялись над водой острые камышинки. То и дело взбрасываются, всплескивают игривые рыбешки. Над головой черными молниями мелькают стрижи, ласточки-береговушки. Как-то особенно, проникновенно в эти утренние часы переключаются белые чайки. Каждый стебелек, листочек, росинка улыбаются тебе и солнцу. И мир кажется безмятежным...

Недалеко от меня присели на берегу шупленький остроносый мальчик лет десяти в соломенной шляпе, цветастом свитере и пухленькая девочка, вполовину моложе, в белой панамке, из-под которой выбились светлые кудряшки.

Мальчик с сосредоточенным видом стал разматывать удочку-самоделку, девочка вертела в руках лазоревый тюльпан, явно любуясь им. Вдруг, уронив цветок, она вскочила, захлопала в ладоши:

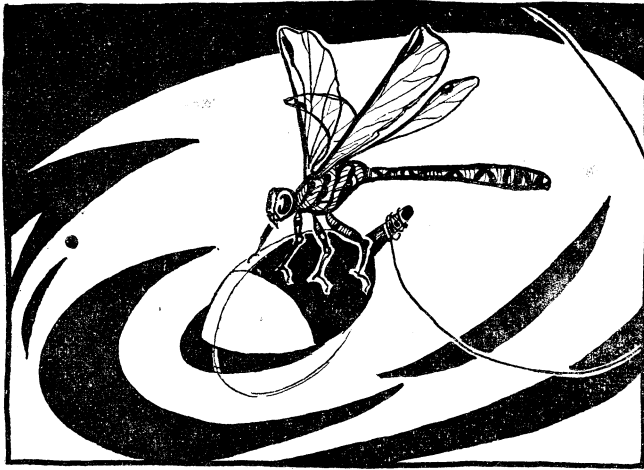
— Синчик! Синчик летает! Саша, поймай!

— Тише ты, Натка, рыбу пораспугаешь! — урезонил мальчик, видимо, брат. И я увидел: над пунцовой гладью заводи, сверкая и потрескивая слюдяными крыльями, выплясывала синяя стрекоза. Бросаясь на комаров и мошек, она делала замысловатые пируэты, на лету пожирала свои жертвы.

Это была первая, увиденная мной в этом году, стрекоза.

Чем-то привлек ее чакановый поплавок моей удочки. Она спикировала, села на него. А он, побуревший на утреннем солнце, как крохотная

лодочка, покачивался на мелкой зыби. Это, казалось, доставляло попрыгунье удовольствие.

Неожиданно поплавок стал на попа, стрекоза подскочила, повисла в воздухе. Едва он принял прежнее положение, она снова села.

Я наклонился к баночке достать свежего червяка для наживы. Какая-то рыба взметнулась, ударила поплавок и ушла вглубь. Вместе с ней исчезла и синяя стрекоза. А поплавок снова вздрогнул. Я потянул удочку. Крупный чернополосый окунь с ярко-красными перьями забился на берегу. Не он ли перед этим полакомился стрекозой?

Снежный принц

Сижу как-то за столом, пишу.

— Папа, а ты помнишь снежного воробья? — подошел ко мне сын.

— Еще бы! — отвечаю. — Такое не забывается...

И вспомнилось мне страдное лето. Жили мы тогда на берегу Маныча, вблизи большого элеватора.

В пору уборки хлебов днем и ночью слышен был неумолчный натруженный гуд машин, везущих зерно. А по утрам под окном нашего дома, у водяной колонки, начинался тысячеголосный концерт. Это труженики-воробьи с молодыми выводками слетались на водопой со всей округи. Они сплошь покрывали землю у звенящего ручейка, у разлившихся вокруг камней лужиц. Одни, как богомольцы, били поклоны ручейку, жадно пили, другие, растопырив крылышки, ныряли в воду, отряхивались, чистили и расправляли перышки, третьи чирикали во всю глотку,

радуясь лету, буйной зелени, сытости, жаркому солнцу.

Как-то с десятков черногрудых воробьев, здесь же, у водопоя, затеяли потасовку. Наскакивали друг на друга, клевались, пищали, сцепившись, катались по траве комом, сшибали пушки с одуванчиков.

Как озорные ребяташки, подумалось мне. А сотни других воробьев, греясь на солнце после омовения, с любопытством следили за драчунами.

Вдруг среди серой птичьей массы я увидел совершенно белую птичку. Перья ее сверкали перламутровой белизной. Чем пристальней вглядывался, тем больше убеждался: это был снежно-белый воробей. Только клювик отливал желтизной. Сидел он на камне выше других, выпячивал грудь, чистил и без того искрящийся «костюмчик». Иногда, наклоня головку, всматривался в лужицу, как в зеркало, с удивлением разглядывая себя. Он не ввязывался ни в драки, ни в птичьи разговоры.

— Смотри-и, какой краса-а-авчик! Какой воспитанный воробей! — сказал я. — Прямо-таки снежный принц.

— Где? Где, папа? — подскочил сын Никушка. И увидел белого воробья. — Это — принц? Снежный воробей? А, может, его кто покрасил? — забрасывал он меня вопросами.

Теперь, возвращаясь из детского сада, он первым делом спрашивал:

— Па... ну видел красавчика? Что он делал?

И мы вместе следили за воробьиной стаей.

Красавчик не заставлял себя долго ждать. Он занимал все тот же высокий камень, будто вельможа тронное место.

Но вот он спрыгнул с камня, сел у лужицы, опустил клюв в воду. Серые воробьи, как по команде, бросились на него, стали клевать в спину, шею, голову. Делали это с ожесточением. Зло, надрывно чирикали. Казалось, кричали: «Откуда ты взялся? Ты — не воробей! У тебя белые крылья! Ты — щеголь! Не нужны нам такие!»

— Ну, за что они его, папа?

— За то, что он белый.

Вырвавшись, всклокоченный красавчик уселся на камень, как прежде. Отряхивался, приводил себя в порядок. Затем долго и печально глядел на серую веселую стаю. Казалось, воробьиный принц думал: «За что били? Почему им не нравятся мои перья? Куда же мне деться, ведь я — воробей?!»

Вскоре красавчик увидел, как собратья, копаясь в мусоре, нашли что-то вкусное: то ли червячков, то ли личинок. Он метнулся туда. Успел раз-два клюнуть. И снова на него посыпались удары.

— Ну почему он не сопротивляется? Я бы им всем дал, — возмущался сын, сжимая кулаки.

— Он еще совсем молод. Если подрастет, будет давать сдачи.

— Да-а! Они его убьют...

К ручейку подбежала серая косматая дворняжка. Высунув язык, она часто дышала. Стая с шумом взвилась в небо и опустилась во дворе элеватора у ворохов хлеба.

— А откуда он взялся, этот воробьиный принц? — допытывался сын. — С полюса прилетел? Да?

— Думаю, нет. Он тут родился. У нас редко выводятся белые воробьи, скворцы, даже белые мыши. Их называют альбиносами. Но они быстро гибнут. Как видишь, сородичи изгоняют их, не берут под защиту.

Когда собака наела воды и убежала, воробьи снова стали слетаться. Появился и красавчик. Но камень, на котором он сидел обычно, уже был занят. Не раздумывая, он с лету сшиб серого воробья: «Не в свои, мол, сани не садись!» — и занял место,

— Молодец! Молодец! — заплодировал Никушка. — Так их!

«Вот тебе, думаю, и тихоня!»

Ушибленный воробышек пискнул, но не стал вступать в драку с принцем.

С неделю наблюдали мы за белым красавчиком. Он становился смелее, увереннее. Держал себя с достоинством. Казалось, каждым движением хотел подчеркнуть: «Вас-де, серых, вон сколько, а я один-единственный!»

Иногда желторотые воробьи, видно, из любопытства подсаживались к красавчику. Но он был озлоблен, клевал их, обращал в бегство.

Однажды вечером, когда воробьиный концерт у водополя был особенно звонким, бесшумно подкрался ястреб, молнией метнулся. Воробьи с шумом взмыли. Лишь один снежный принц бросился навстречу хищнику. Он своим тельцем ударил его в голову, стал быстро-быстро хлестать крылышками. Ястреб на мгновение

растерялся, но вдруг крутнулся в воздухе, будто мертвую петлю сделал. Затем, набирая высоту, полетел мимо серебристой башни элеватора. В когтях у него был белый комочек: он уносил красавчика.

Потрясенные, мы глядели в небо.

**Борис
ЗОЛОТАРЕВ**

Пашка

В селе Пашку знали все — старый и малый. На улице он появлялся ранним утром, и первым, кто его встречал, всегда оказывался Сергей Матвеевич — рыжебородый, прихрамывающий на левую ногу сторож. Ночи сельповский страж коротал в крошечной, в три оконца, будке, поставленной на углу улиц, откуда были видны все сельские магазины, а с рассветом нехотя выползал из тепла и обходил свои владения.

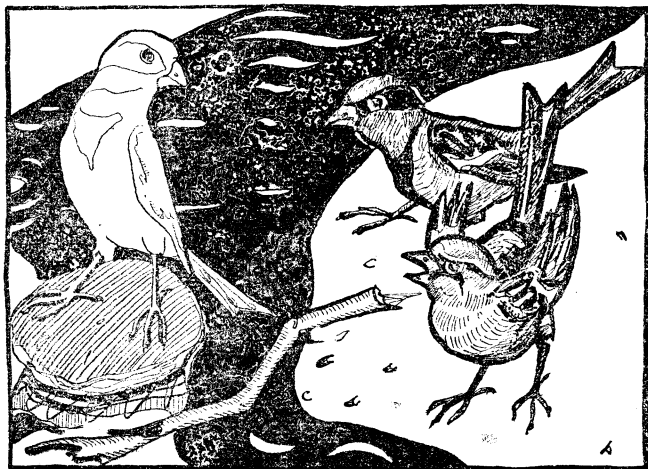
Пашка не спеша шагал по неширокому деревянному тротуару, временами останавливался, резко оборачивался, но, убедившись в безопасности, продолжал путь. Завидев знакомую фигуру сторожа, грачонок вытягивал шею и, хлопая здоровым крылом, с карканьем бросался навстречу.

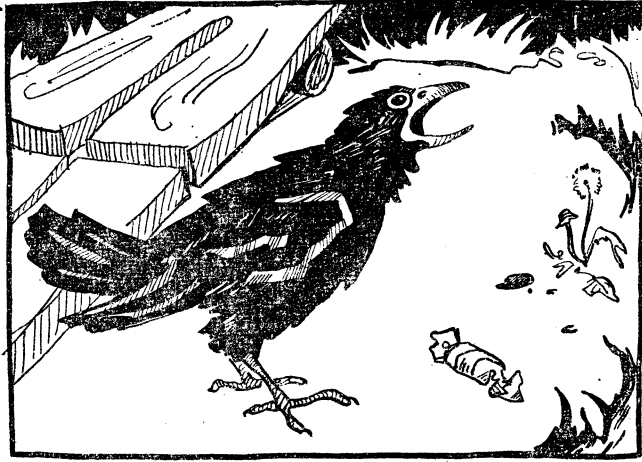
— А-а, Пашка! Ну, здравствуй! Как ночевалось? А нос-то, никак поморозил? — приговаривал Сергей Матвеевич, уступая дорогу.

Грачонок направлялся к колодцу, где для него кто-нибудь всегда запасал в большой консервной банке свежую воду.

Оживали улицы села, и друзей у Пашки прибавлялось. Каждый, кто проходил мимо, что-нибудь да скажет. А ребяташки — эти весь день сопровождали грачонка, угощая его всякой всячиной. Вначале тот принимал все, потом стал разборчивым: из множества подаваний выбирал самое лучшее. Да и тут выкинул каприз: если раньше не отказывался и от леденцов, то теперь подавай ему только мягкие конфеты.

Большую часть времени грачонок проводил около продуктового магазина. Как только открывались его двери, он устраивался на нижней полочке ящика с пожарным инвентарем, что висел на стенке у входа, и ждал угощения. Того же, кто не почитал его персону, наказывал ловко слетал на сумку покупателя и бесцеремонно высматривал в ней, нельзя ли чем поживиться. Такую вольность ему прощали. Каждый по-

нимал безвыходность положения грачонка и, как мог, участвовал в его горемычной судьбе. Одного Пашка не терпел — панибратства. На имя отзывался, подходил к тому, кто звал, а вот дотрагиваться до себя никому не позволял. Инвалидом грач стал в раннем детстве.

Гнездо родители свили в верхней развилке старого тополя в больничной роще. Может, опоздали занять более удобное место, а может, любили исключительность — гадай теперь, но вот облюбовали самый верхний этаж, и все тут. Пашка, тогда еще безымянный птенец, тоже отличался от своих братишек — рос задирой и непоседой. В то время как те терпеливо ждали родителей, от зари до зари промышленявших корм, этот беспокойно елозил в гнезде, подползал к самому краю и жадно глазел на все, что делалось вокруг. Зависть брала при виде пролетающих мимо незнакомых птиц. Они ныряли в зеленые кроны деревьев, ловили там букашек, куда-то улетали. А ты вот сиди на куче жестких прутьев и жди, когда что-нибудь принесут. Да разве он хуже тех, что свободно парят вокруг? Вон хотя бы та, ишь как стремительно несется! И грачонок не выдержал. Он встрепенулся, расправил крылья и с криком, похожим скорее на жалобный вопль, чем на проявление радости, кувыркнулся вниз. От ощущения полета перехватило дыхание. Грачонок взмахнул крыльями, но они плохо слушались и не держали вдруг потяжелевшее тело. Что есть мочи он закричал.

Опомнившись от удара, открыл глаза и увидел перед собой усатого, с огромными зелеными глазами зверя. Грачонок прижался к земле. В следующую секунду зверь прыгнул на него, вцепился в бок. Грачонок долбанул обидчика раз, другой, и тут еще кто-то, более сильный, схватил его.

Крыло у птенца сильно кровотоило, и мальчишки понесли найденыша в ветлечебницу, а по пути нарекли Пашкой — по имени того, кто отнял птенца у кошки.

Летать грачонку, однако, было не суждено. Не сумели помочь беде в ветлечебнице. Пашка — когда зажила рана — мог подняться лишь на невысокий забор или пролететь десяток, другой метров, да и то, преодолев такое расстояние, тяжело плюхался на что попало и долго недвижно сидел.

Жить в неволе он не стал. В школьном «лазарете» грачонок разбил окно, стал клевать сорочонка, ежа и прочих обитателей, кидался на своих спасителей. Пашку выпустили на волю, сначала под надзором многочисленных опекунов, а когда убедились, что он может постоять за себя, сняли присмотр. Собак он не боялся. Завидев поблизости дворнягу, грачонок угрожающе каркал, махал крыльями, и та оставляла его в покое. А самые смелые отведали его крепкого клюва. Единственно, кого Пашка опасался, так это кошек. Видно, запомнил первую встречу с первым врагом.

Загрустил Пашка, когда его сородичи начали перед отлетом сбиваться в стаи. С утра до вечера в птичьей колонии стояли шум и гам. В голосах птиц слышались тоска по уходящему лету и тревога дальних дорог. Пашка понимал это, наверное, лучше, чем люди. Возбуждение охватило и его, он все реже и реже появлялся у магазина, днями пропадал в роще больничного городка. Прыгая с сука на сук, как по лесенке, добирался он до гнезд и там, в окружении своих, неистово горланил. Грачи, однако, каким-то чутьем догадывались, что он им не товарищ в дороге, и сторонились его.

Опустела больничная роща, смолк в колонии гам. С того дня исчез и любимец сельчан.

Сторож Сергей Матвеевич, у которого то и дело справлялись об исчезнувшей птице, только пожимал плечами:

— Не видел, не видел. Может, со своими подался. Вот и думаю, успеет ли за ними?

Одни высказывали предположение, что грачонок попал под колеса машины, другие даже видели, как его уволокла в лес не то лиса, не то другой какой зверь. И все винули себя, что не сумели уберечь птицу.

Объявился он неожиданно. Однажды холодным декабрьским утром сторож увидел Пашку, как и прежде, у магазина. Тот по привычке шагнул к колодцу. Теперь это был не грачонок, а вполне взрослая птица. Плотное и жесткое оперение отливало густой синевой, нос окончательно побелел, походка стала твердой, не суетливой. На радостях сторож кинулся к Пашке, но тот не подпустил старого друга и на пять шагов. Птичьей гордостью и самостоятельностью он не хотел менять на ласку и заботу даже сейчас, в трудное время. Хотя к человеку все-таки пришел.

ДЕЛО СУХОВО-КОБЫЛИНА

**Владимир
АРИНИН**

Это судебное дело было, пожалуй, одним из самых громких в XIX веке. Оно и юридическое, и литературное, и нравственное. И до сих пор о нем пишут, спорят... Кто он — Сухово-Кобылин? Что собой представлял этот человек, оставивший нам столь оригинальные и талантливые пьесы? Почему так сложилась его судьба?

Семья

Как описывает Влас Дорошевич, в одном из парижских ресторанов (шла весна 1841 года) к двум посетительницам — пожилой, увядшей и юной, хорошенькой — обратился иностранец, молодой самоуверенный, представительный, безукоризненно говоривший по-французски. Он сказал, глядя на юную мадемуазель: «Позвольте мне, чужестранцу, предложить тост за французских женщин». Тост ему было поднять дозволено. Завязался разговор, и вскоре юная француженка с доверчивостью пожаловалась молодому иностранцу, что она никак не может найти в Париже подходящую работу. Он сразу принял горячее участие в ее положении и посоветовал: приезжайте к нам, в Россию, у нас можно очень недурно устроиться. И предложил на дорогу тысячу франков.

Через год француженка Луиза Симон-Деманш приехала в Москву и поступила модисткой в ателье на Кузнецком мосту. Здесь она и встретила вновь со своим щедрым знакомым. Молодого человека звали Александр Сухово-Кобылин. Он был, действительно, влюблен в прелестную француженку. Он, действительно, испытывал к ней чувство, которое в старину называли страстью. Луиза бросила ателье на Кузнецком мосту. Сухово-Кобылин сначала увез ее в свое имение, а потом снял в Москве квартиру из нескольких комнат со всей обстановкой и отрядил четверых своих дворовых для услужения возлюбленной.

О браке речи не велось: Луиза была из простых.

Семья Сухово-Кобылиных не принадлежала к высшей московской зна-

ти, но это была высокомерная, известная и богатая дворянская семья. В этом доме фамильная гордость, если не сказать спесь, убеждения крепостников по рождению и воспитанию сочетались с просвещенностью, культурой.

А. Горелов в своей книге «Три судьбы» пишет, что Сухово-Кобылин «до преклонных дней своей трагической жизни горделиво напоминал, что род его происходит от древнего боярина Андрея Кобылина, высоко чтил свою дражайшую матушку Марию Ивановну, способную собственноручно надавать пощечин горничным и лакеям, а затем прилечь на диван с французским переводом философской книги Шеллинга...» Матушку драматург считал «одной из образованнейших женщин своего времени».

Детей в семье Сухово-Кобылиных обучали лучшие профессора Московского университета, в том числе и знаменитый Н. И. Надеждин. И вот Мария Ивановна — к тому времени уже вдова — решила завести роман с Надеждиным. Но Надеждин влюбился в старшую дочь Сухово-Кобылиных — Елизавету, а она — в него. Все это было в пределах нормы. Скандал разразился тогда, когда Елизавета объявила о своем намерении выйти замуж за Надеждина. По понятиям Сухово-Кобылиных он был не пара ей — не дворянин, сын дьячка. И чванливые Сухово-Кобылины по-простонародному избили Елизавету. Брак не состоялся.

Впоследствии Н. И. Надеждин прославился тем, что, будучи издателем известного журнала «Телескоп», напечатал в нем «Философическое письмо» П. Чаадаева, за что журнал был закрыт, а Надеждин отправлен в ссылку. Два года он прожил в Вологде и Усть-Сысольске.

Елизавета Сухово-Кобылина вышла замуж за «титованное ничтожество, какого-то бельгийского графа Салиас-де-Турнемир», который тщетно пытался разбогатеть, безуспешно создавая первый в России завод по производству русского шампанского. Елизавета стала в будущем довольно известной писательницей, выступавшей под псевдонимом Евгения Тур. Ее прозу ценил в свое время Чехов.

Средняя дочь Сухово-Кобылиных — Софья тоже обладала выдающимися способностями, она первой из русских женщин-художниц была удостоена медали Академии художеств.

Яркой личностью был и сам Сухово-Кобылин: оригинальный ум, энциклопедические знания, склонность к философии, тонкое понимание искусства. Однако все это сочеталось с эгоистичным, тяжелым характером.

Сухово-Кобылин превыше всего ценил философию, литературу, искусство. Луиза интересовалась, в первую очередь, гастрономией, нарядами, домом. Это придавало ей в глазах Сухово-Кобылина свое очарование: женственна, покорна, без претензий...

Их связь длилась девять лет. Это прекрасно знали. Учитывая, что Луиза ни на что не претендует, в семье Сухово-Кобылиных относились к ней хорошо.

У Сухово-Кобылина бывали за эти годы и другие романы. Он пользовался у женщин огромным успехом. В. Гроссман пишет:

«Среди особенностей Кобылина необходимо отметить его необычайную удачливость в любви. К судебному делу¹ приложены письма, сбоку которых рукою Кобылина обыкновенно приписывается: «Почерк руки мне неизвестен: кому и кем писаны, не знаю». Это пишет он даже тогда, когда корреспондентки называют его собственным именем. Так охраняет Кобылин честь доверившихся ему женщин.

Любопытно читать эти письма, интересно следить за тем, какую всепоглощающую любовь умеет вызывать к себе этот сильный, самоуверенный эгоист.

«Клянусь тебе, нежный и дорогой друг, я твоя навеки. Никакая сила, никакая власть не вырвет из моего сердца любовь, которую я посвятила тебе. Никакое сердце не будет биться на моем, ничьи губы не сотрут следы твоих поцелуев...»

Луиза ревновала, но смирялась. Ведь выбора у нее не было. Свое раздражение срывала на слугах. Появлялись у нее мысли о возвращении в Париж. Но все шло своим уже привычным чередом...

¹ Речь идет об архивных материалах по судебному делу Сухово-Кобылина.

Таковы были дела семейные накануне трагедии.

И последняя история. Современник событий Феоктистов пишет:

«В это время в московском monde засияла новая звезда — Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кноринг, которая многих пологительно сводила с ума. Поклонники этой женщины находили в ней прелесть, на мой же взгляд, она далеко не отличалась красотой. Небольшого роста, рыжеватая, с неправильными чертами лица, она приковывала главным образом какой-то своеобразной грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым «львицам». Н. И. Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина, и в обществе уже ходили слухи об их интимных отношениях, а вскоре эти отношения перестали быть тайной для кого бы то ни было вследствие странного события: на одной из московских застав, недалеко от кладбища, мадемуазель Симон была найдена убитой. Кто совершил это преступление?»

Расследование трагедии

9 ноября 1850 года Пресненской части пристав Ильинский в докладной записке господину обер-полицейскому донес, что за Пресненской заставой, на Ходынском поле, найдено мертвое тело женщины неизвестного звания.

Это было тело французки Луизы Симон-Деманш, возлюбленной Сухово-Кобылина, зверски убитой. Но кем убитой? Почему? Слуги утверждали, что Луиза ушла 7 ноября около девяти часов вечера неизвестно куда и домой уже не вернулась.

Началось следствие. Возникло «дело». К следствию были привлечены все четверо слуг Симон-Деманш: возникло подозрение, что они находятся в сговоре, лгут и именно они — убийцы. Против них имелось немало улик. И вскоре слуги сознались — да, убили они... Симон-Деманш никуда не уходила и была убита в своей спальне. Причина убийства? Месть за дурное обращение с ними. Казалось, дело можно закрыть.

Но не таким был суд старой России. Ни следователи, ни судьи, ни полиция не были заинтересованы в окончании дела. Взяточничество для этих слуг государевых было основным доходом, смыслом и средством их существования. С дворовых взять нечего, а вот Сухово-Кобылин — другое дело. Богат... Нет, в убийстве открыто его не обвиняли. Но подозре-

ние о причастности к убийству на него было возведено. Дело сознательно запутывалось, слуги Симон-Деманш, почувствовав, что есть лазейка, отказались от своих показаний

Сухово-Кобылин попал в хитро расставленные тенета. Его дважды арестовывали. Он негодовал, взывал к справедливости, обличал. Но все же был сломлен и вынужден был, в конце концов, давать взятки, давать, давать...

А дело обрастало новыми подозрениями, оно тянулось более семи лет. «Корыстолюбие судебных и полицейских властей, почуявших, что тут можно хорошо наживиться», по словам историка литературы С. Венгерова, привело к тому, что Сухово-Кобылин был «накануне Сибири». И сам он потом признавался, что сгнил бы «где-нибудь в Сибири», не будь у него денег и связей.

Лишь весной 1858 года решением государственного совета при личном вмешательстве императрицы и с резолюцией Александра II Сухово-Кобылин был оправдан. Было решено, однако, — и это звучит, как жестокая ирония, — «за любодейственную связь подвергнуть церковному покаянию для очищения совести».

Итак, оправдание. Сухово-Кобылин писал с волнением: «Вот она, свобода! Приветствую тебя, чудное создание...»

И все же на его имя легло пятно. Нет-нет да и возникали в свете слухи о виновности Сухово-Кобылина. Ходила версия, что он в припадке гнева сам убил любовницу ударом канделябра, а потом подготовил слуг вывезти тело за город.

Так что же было на самом деле? Вопрос этот далеко не уголовный. Речь идет об облике человека, ставшем крупным русским писателем.

Сухово-Кобылин тяжело переживал убийство возлюбленной. Феоктистов пишет: «Этот суровый человек рыдал, как ребенок, беспрерывно повторялись у него истерические припадки, он говорил только о ней...»

Сухово-Кобылин создал культ памяти Луизы Симон-Деманш, каждый год скорбно отмечая дату ее смерти. Единственную свою дочь он назвал Луизой в честь убитой. Портрет Симон-Деманш постоянно висел в его кабинете. А его дневник весь наполнен воспоминаниями о ней...

Другая свидетельница трагедии — Н. Нарышкина вскоре уехала во Францию. Впоследствии она связала свою судьбу со знаменитым Александром Дюма, много значила в его жизни, о чем довольно подробно рассказывается в книге Моруа «Три Дюма».

Шли годы. Уже в советское время, в тридцатые годы, профессор В. А. Гроссман решил попытаться установить истину в деле драматурга. Виктор Гроссман был известным

адвокатом и литературоведом. Правда, к этому времени он уже оставил юриспруденцию и полностью посвятил себя литературе. Занимался Пушкиным, помогал В. В. Вересаеву в подготовке его знаменитых трудов «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина», был автором ряда литературоведческих работ, читал курс русской литературы и теории драмы в ГИТИСе. И, кроме того, был профессором права.

Гроссман обратился к архивам. И вскоре выяснилось: основные документы, подтверждающие виновность или невиновность Сухова-Кобылина, никому неизвестны. Их как будто и нет... Где же они? Гроссман, ничего существенного не найдя в архивах, обратился в Исторический музей.

В описи под номером три числится дело «О зарезанной временной купчихе Луизе Симон-Деманш». Само дело, три аккуратных тома, — подлинны документы следствия, допросы, показания, материалы, писанные самим Сухово-Кобылиным. К ним все эти годы никто не прикасался...

В. А. Гроссман начал расследование, обращенное в прошлое. Сличал версии, сравнивал показания свидетелей, уже давно безмолвных. И вскоре убедился: все эти версии, показания и прочее логично ведут к одному — к признанию повара Ефима Егорова, которое было сделано на допросе 20 ноября 1850 года.

Вот в чем признался Ефим Егоров: «7 ноября, то есть во вторник ночью, под среду, часу в два с половиной ночи, убил он купчиху Луизу Ивановну Симон-Деманш на квартире ее... Участниками с ним были служившие у нее человек помещика его Галактион Козьмин и девки Аграфена Ивановна и Пелагея Алексеевна. Галактион переломал ей уголом ребра, а он ударил кулаком по глазу и прирезал перочинным ножом, потом свезли ее на лошади за Пресненскую заставу и бросили в овраге за Ваганьковским кладбищем, салоп сожгли. Горло перерезано им, Егоровым, в овраге, а не на квартире, а дома только убили и задушили. Убил ее потому, что она была злая и весьма капризная женщина. Много пострадало по ее наговорам людей и в том числе бедная сестра его Василеса Егорова, которую отдала замуж за мужика. Более никто в убийстве этом не участвовал».

В этом признании — полное объяснение всех обстоятельств происшедшей трагедии: кто убил, почему убили, как тело Деманш оказалось в овраге за городом. Следствию и суду не трудно было установить истину. Но следователи и судьи не были в ней заинтересованы. Их интересовало другое — как бы замешать во все это Сухово-Кобылина и взять с него побольше.

Повар Егоров сделал свое при-

знание под пыткой, посчитав, что он попался и заператься уже нет смысла. Но вскоре выяснилось — есть смысл: к делу привлекают барина. И повар Егоров отказался от собственного признания в надежде спастись, запутать обстоятельства.

В. Гроссман все проанализировал и убедился: подозрение, возведенное на Сухова-Кобылина, абсолютно не подтверждается документами, а основано лишь на слухах, некоторых противоречиях в показаниях, мелких фактах, подтасовках следователей.

Правда, могла вызвать подозрение некоторая странность поведения Сухова-Кобылина. Он, стоило только Симон-Деманш исчезнуть из дому, сразу же забил тревогу, побежал в полицию, намекнул на возможность убийства... Странно? В какой-то мере — да. Но странность — еще не доказательство вины. К тому же он сам был странной и сложной личностью.

И вот, спустя многие годы, В. Гроссман с тщательностью юриста доказал: у следователей не было ни одного серьезного документального обвинения против Сухова-Кобылина. Чтобы полностью убедиться в своей правоте, В. Гроссман обратился к профессору-криминалисту Н. В. Попову с просьбой провести судебно-медицинскую экспертизу. Это было возможно, поскольку сохранилось подробное описание тела убитой с указанием всех телесных повреждений. Профессор Попов провел такую экспертизу. Она подтвердила показания Егорова. Телесные повреждения свидетельствовали: Луиза Симон-Деманш погибла от того, что ее душили и били тяжелым предметом (это был утюг). Затем «для верности» ей перерезали горло. Ни о каком канделябре речи быть не могло, как не могло быть и ни малейшего повода для сговора между Сухово-Кобылиным и слугами.

Беспристрастный, профессиональный анализ материалов следствия документально показал: Сухово-Кобылин не виновен. Собственно, такое же решение, в конце концов, был вынужден вынести и суд...

Великий комедиограф

Как бы то ни было, но происшедшая трагедия дала русской литературе великого комедиографа. Всего три пьесы написал он. Но какие пьесы! Драматургия Сухова-Кобылина — классика.

А между тем сам он считал себя философом по призванию и случайным литератором. Взятая он за перо под впечатлением убийства возлюб-

ленной, будучи под поздравлением, находясь в тюрьме. «Совершился перелом», писал он о себе. Возникло страстное желание трудиться, отвлечься, чем-то занять себя, все переосмотреть в своей жизни.

Так появилась «Свадьба Кречинского». Пьеса имела и имеет огромный успех на сцене. А вот уже «Дело» — не только пьеса, о чем автор прямо предуведомляет публику: «Предлагаемая здесь публике пьеса «Дело» не есть, как некогда говорилось, Плод Досуга, но, как ныне делается Поделка литературного ремесла, а есть в полной действительности сущее из самой реальной жизни с кровью вырванное «дело».

Сухово-Кобылин не считал себя драматургом, с высокомерием он писал: «Я не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать».

Бывший подозреваемый завел «дело» на российские порядки, на всю несправедную Россию. Им двигали месть и боль. «Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце!.. Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру!»

По своему жанру — это совершенно реалистическая пьеса. Но в то же время — это и фантазматрия. В реальную жизнь вторгается нечто фантастическое, и эта жуткая фантастика, этот общественный миф становится злой реальностью. Невинная фраза Лидочки Муромской «Это была ошибка» превращается бюрократическими судебно-следственными властями в дело, несущее бесчестие и смерть, оно чем-то схоже с иррациональным, мертвым процессом Кафки.

Конечно, пьеса возникла из самого «дела» Сухова-Кобылина, но автор в ней не защищался, а яростно нападал на ненавистный ему бюрократический аппарат власти, на чиновничество — «подлейшую чернь нашей стороны». В пьесу вылилось все яростное негодование столбового дворянина, которого вся эта судебно-бюрократическая машина считала «ничтожеством, или частным лицом», в пьесу вылилась боль невинного человека, которого мучили несколько лет.

Драматург, как и Достоевский, доказывает, что маленький человек, которого защищала русская классическая литература, получив в условиях самодержавия власть, может быть страшен. Мы сочувствуем в «Свадьбе Кречинского» Расплюеву, маленькому, встрепанному, он «без фамилии», почти, как Тишка «на лицо». А получив власть, Расплюев в «Смерти Тарелкина» уже обретает зловещие черты: «Все наше! Вся Россия потребуем». И далее: «Я всякого подозреваю, а потому следует постановить правилом, — всякого подвергать аресту... Правительству вка-

тить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли?»

Смех и ужас смешались в «Смерти Тарелкина». Ценой личных страданий Сухово-Кобылин увидел нечто больше, чем страшные обстоятельства своего дела. Он увидел: Россия больна, понятия в ней пошатнулись, извратились.

Вот перед нами частный пристав Ох и подозреваемый купец Попугайчиков.

«Ох: Ну, веришь ли ты богу?.. Веришь ли?»

Попугайчиков: Верю.

Ох: Ну — то-то; я, братец, без хитростей: меньше ста рублей ни копейки».

Оказывается, речь идет о взятке, об узаконенной подлости, со ссылкой на бога.

Познав на самом себе всю чудовищность сложившегося бездушного бюрократического аппарата старой России, Сухово-Кобылин в ужасе закричал: «Богом, правдой и совестью оставленная Россия — куда идешь ты?»

Чуждый классу литераторов, он тем не менее настойчиво, яростно, упорно добивался постановки «Дела» и особенно «Смерти Тарелкина», видя в этом свое общественное предназначение. А пьесы его запрещались и запрещались, писатель оказался в пожизненном наморднике. Министр внутренних дел Валуев воскликнул, запрещая «Смерть Тарелкина»:

— Сплошная революция!

Конечно, в драматургии Сухово-Кобылина не было ничего революционного. Умнейший и талантливейший человек, он был утопистом, не более. России, где передовые слои общества были знакомы с марксизмом, он предлагал обновленное гегельянство. Стране, где нарастал революционный процесс, он предлагал обновленный, разумный и нравственный монархо-аристократический строй.

Он всего лишь два года не дождался революции 1905 года.

Сразу после свержения самодержавия, в апреле 1917 года, на сцене бывшего императорского Александринского театра Мейерхольд поставил «Смерть Тарелкина».

В советское время драматургическая трилогия Сухово-Кобылина получила высокую оценку и всеобщее признание. Но как это ни странно, версия о виновности драматурга всплыла снова. В 1927 году вышла книга Л. Гроссмана «Преступление Сухово-Кобылина», в которой автор ставил своей целью «пересмотреть традиционное мнение, признавшее Кобылина совершенно не причастным к преступлению...» Открыто обвиняя драматурга в убийстве Луизы Симон-Деманш, автор исходил не из первоисточников следствия, а опирался на второстепенные материалы,

на общественную версию и руководствовался «классовым» подходом: крепостник-помещик, мол, совершив преступление, откупился от судей, а всю вину свалил на беззащитных слуг.

В ответ на все это в 1936 году вышла книга В. Гроссмана «Дело Сухово-Кобылина», основанная, как мы уже отметили, на первоисточниках, на неизвестных доселе архивных материалах.

Возник знаменитый спор двух Гроссманов, привлечший к себе внимание широкой общественности. Об этом в 30-е годы много говорили и писали.

В центральной печати появились эпиграммы. Вот как откликнулся на это, например, журнал «Крокодил»: «Запутался. Нет больше сил.

И выводы немногословны.

Не знаю, кто кого убил,

Но оба Гроссмана — виновны».

Это, конечно, — шутка. Общественность полностью поддержала логику книги В. Гроссмана. Дочь Сухово-Кобылина прислала из Франции на имя В. Гроссмана благодарственное письмо и ряд ценных материалов из личного архива отца. В последние годы большинство исследователей — К. Рудницкий, Н. Милонов, И. Гликман, В. Соловьев, А. Горелов — полностью придерживаются основных доводов, впервые высказанных в книге «Дело Сухово-Кобылина».

Живая вода

Кажется, никогда ни я, ни мой пятилетний спутник Ванятка не испытывали такой одуряющей жажды, как в тот знойный июльский день, в который мы добрались пешком до одной степной деревушки. Я знал, что на половине пути нам встретится речушка Кайлы, но пить из нее мы бы не рисковали: сюда пригоняли на водопой колхозное стадо.

Наконец показалось извилистое русло речки и деревянный мост через нее — крепкий, высокий, в расчете на вешний паводок. Мост новый, строили его, по рассказам, студенты Новосибирского инженерно-строительного института. А вот и их автографы: на обочине перед мостом огромный камень, на котором масляными красками нарисованы красная звездочка и слова «НИСИ-75», а еще через несколько шагов установлен дощечка с обращением: «Путник! Отдохни и напейся!» Следуя указанию стрелки, спускаемся с насыпи по каменным ступеням и по тропинке выходим к родничку, выложенному белыми камнями. Возле посажено несколько березок, на скамье пара берестяных ковшичков с длинными ручками. Берем их и с наслаждением пьем воду — холодную, отдающую запахом бересты. С каждым глотком будто прибавляется сил.

Ванятка присаживается на скамью, с удивлением смотрит то на берестяной ковшик, то на дощечку-указатель и, наконец, спрашивает:

— А как они, ну студенты которые, догадались, что мы устанем и захотим пить?

Юрий
ЧЕРНОВ

СТРАНИЦЫ ОЛИМПИАД

**Виктор
ХАРИТОНОВ**

*Рисунки
М. Паукера*

Сотни миллионов людей всех континентов, срывая листки календаря, следят за ходом подготовки к XXII Олимпийским играм 1980 года. Олимпиада-80 знаменательна тем, что впервые она будет проводиться в столице Советского Союза — в Москве.

Олимпийские игры получили свое название от спортивных состязаний, проводимых в Древней Греции в Олимпии, на берегу реки Алфея, в долине которой у подножия холма Кропоса находился храм Зевса. Здесь и были расположены стадион и ипподром для проведения состязаний.

Первые одиннадцать Олимпиад были местными празднествами жителей Пелопоннеса. Затем на них стали приглашать атлетов из Коринфа, Афин, Спарты и других городов. Участвовать в олимпиадах могли только греческие воины. Рабы и варвары (чужестранцы) к соревнованиям не допускались, а женщины не могли быть даже зрителями.

Во время олимпийских празднеств во всей Греции устанавливалось священное перемирие. Прекращались войны и междоусобные распри. Все участники и гости олимпийских игр были неприкосновенными, они как бы находились под покровительством самого Зевса.

Олимпийские игры в Греции были не только спортивными состязаниями, а празднествами, фестивалями. Здесь выступали ораторы, певцы, музыканты, проводились ярмарки.

Первые Олимпийские игры, состоявшиеся в 766 году до нашей эры, продолжались всего один день и только по бегу на одну стадию — около 192 метров. Затем в игры были включены состязания на средние и длинные дистанции, по пятиборью и борьбе, кулачному бою, скачкам и заездам на колесницах...

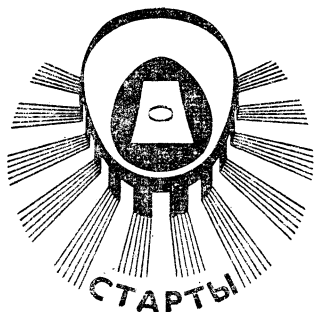
Среди участников и олимпийцев — победителей — были известные люди Древней Греции. Победителем олимпиад в кулачном бою был Пифагор. Платон был лучшим в истмийских и пифийских играх. В гонках

на колесницах участвовал Филипп Македонский. Гостями Олимпийских игр были Сократ и Аристотель, Александр Македонский и Демосфен.

Чествовали победителей перед храмом Зевса. На головы их возлагались венки из оливковых ветвей, они получали право на установление своей статуи в священной роще Олимпии.

Македонские цари стали проводить спортивные праздники в своих столицах, допуская к участию в них иностранцев.

После победы римлян над Грецией и утраты ее независимости Олимпийские игры, потеряв свое величие, превратились вновь в спортивные соревнования местного значения. Римский император Феодосий I в 394 году до нашей эры запретил олимпийские игры, а город Олимпия был полностью разрушен.

23 июня 1894 года в Сорбонне собрался международный конгресс спортивных ассоциаций 34 стран. 72 делегата единодушно приняли предложение французского педагога и общественного деятеля барона Пьера де Кубертэна о возрождении Олимпийских игр. В состав первого Олимпийского комитета (МОК) вошли представители 12 стран, в том числе и России. Первым президентом МОК стал греческий поэт Деметриус Бекилас, а генеральным секретарем — Пьер де Кубертэн. Местом проведения Первых Олимпийских игр 1896 года была определена родина Олимпиад Греция, ее столица Афины.

Наступил долгожданный день — 5 апреля 1896 года. Гигантский афинский стадион из белого мрамора был ярко украшен и собрал полные трибуны. 80 тысяч зрителей горячо рукоплескали атлетам из 13 стран Европы, Америки и Австралии. Наибольшее количество участников выставили хозяева Олимпиады — около 200, Германия — 21, Франция — 19, США — 14, Венгрия — 12 человек. По несколько спортсменов прибыло из Австрии, Болгарии, Великобритании, Дании, Швейцарии и Швеции, по одному атлету — из Австрии и Чили. Представителей от Российской империи не было. Приехавший в Афины киевлянин Н. Риттер намеревался участвовать в состязаниях по стрельбе, но на старт так и не вышел. Небольшая группа одесских спортсменов, выехавшая в Грецию, сумела добраться лишь до Константинополя — на дальнейшую дорогу у них не хватило денег.

Торжественно прошли официальные церемонии. Десять дней Греция жила играми. Хотя в Афинах тогда насчитывалось всего 120 тысяч жителей, стадион и другие спортивные арены были всегда переполнены.

В программе Олимпиады были соревнования по десяти видам спорта: легкой атлетике, плаванию, велоспорту, гимнастике, теннису, борьбе

(классической), фехтованию и поднятию тяжестей. Гребля также значилась в программе, но... не оказалось участников состязаний.

В жаркий день на старт марафонского бега вышло 25 спортсменов. Им предстояло преодолеть путь от местечка Марафон до Афин — тот же, что пробежал в 490 году до нашей эры и греческий воин, принесший радостное известие о победе греков над персами. К финишу пришло лишь восемь. Победил в марафонском беге почтальон из небольшой деревушки Моружи, расположенной близ Афин, Спирас Луис.

Ликованию греков не было предела. Два кронпринца сопроводили С. Луиса в ложу короля, который, обняв уставшего бегуна, увенчал его оливковым венком. Одна из придворных дам подарила победителю собственные часы, украшенные бриллиантами.

Деревенский почтальон стал национальным героем. Ему построили новый дом и выдали денежную премию. Афинские купцы дали слово бесплатно одевать героя, а цирюльники — брить и подстригать его всю жизнь. Богатый владелец отеля и ресторана вручил Луису чек на 3652 бесплатных обеда. Предпринимчивые коммерсанты шли на эти жертвы не бескорыстно, а с дальним прицелом, рассчитывая, что национальный герой будет отличной рекламой для их фирм.

Устав от непривычных почестей гораздо больше, чем от изнурительного бега, Луис поспешил в родную деревню. Там его ждал главный для него приз — его невеста, которой он до отъезда на игры заявил: «Ты увидишь меня либо победителем, либо

мертвым». Дело в том, что отец невесты категорически отказал им в браке, теперь же он встретил будущего зятя с распростертыми объятиями.

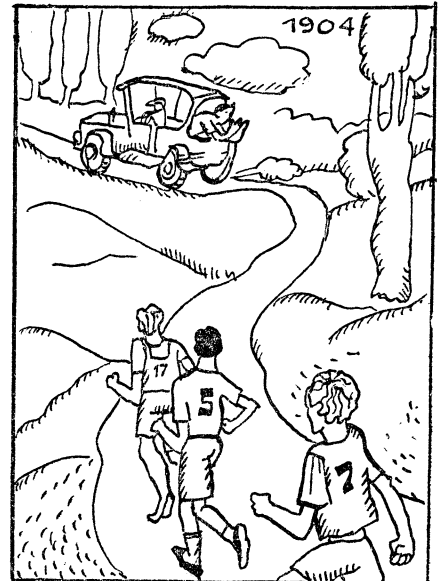
Наибольшее количество первых мест завоевали хозяева игр — восемь золотых, 17 серебряных и 15 бронзовых медалей. Это было вполне закономерно, так как греческая делегация в 10 раз превышала делегации других стран. Американские спортсмены, в основном за счет легкой атлетики, получили 11 золотых, семь серебряных и две бронзовые медали.

По результатам игр были составлены первые таблицы рекордов мира по отдельным видам спорта, которые до сего времени не регистрировались.

Вторые Олимпийские игры в 1900 году, в знак признания заслуг Поля Кубертэна, решили провести в Париже. Столица Франции готовилась к Всемирной промышленной выставке. Олимпийские игры отошли на второй план, руководство выставки, рассматривая Олимпийские игры как развлекательную часть программы, растянули их проведение почти на полгода — с 14 мая по 28 октября.

По сравнению с первой Олимпиадой программа второй была более обширной. В нее были включены соревнования по водному поло и парусному спорту, конному спорту и стрельбе из лука, гольфу, регби и футболу. Легкоатлетическая программа увеличилась вдвое. Впервые участвовали женщины — по гольфу и теннису.

Парижская Олимпиада превзошла афинскую по количеству участников — 1066 спортсменов из 20 стран. Спортивные достижения были также значительно выше.

Как и в Афинах, подтвердили свое превосходство легкоатлеты США, завоевав 17 высших наград.

Первыми чемпионами Олимпийских игр по футболу стали спортсмены Великобритании, выигравшие финальный матч у команды Франции со счетом 4:0.

Русские спортсмены вновь из-за отсутствия денег не были на Олимпиаде.

Третьи Олимпийские игры 1904 года состоялись на американском континенте. Вначале их планировали провести в Чикаго, но затем перенесли в Сан-Луис, приурочив, как и в Париже, к Всемирной выставке. По своим масштабам, программе и количеству участников игры значительно уступали парижским и по существу явились американскими.

На старты Олимпиады по 17 видам спорта вышли всего 496 участников из 11 стран. Из Старого света смогли приехать только 53 спортсмена. Впервые в программу Олимпиады были включены соревнования по боксу, академической гребле и стрельбе из лука для женщин.

Организаторы игр решили отдельно проводить соревнования для цветных — негров, индейцев, филиппинцев в специальные антропологические дни. Против подобной выходки расистов резко выступил Поль Кубертэн.

Скандално закончился марафонский бег. «Победитель», американский стайер Фред Лорц, встреченный на стадионе бурными овациями, как оказалось потом, обошел своих соперников лишь потому, что проехал около 20 километров... напутной машине.

Мужество и настойчивость проявил кубинец Феликс Карвайль. Бедный почталон проводил тренировки на большой площади Гаваны, собирая пожертвования от зрителей. Накопив требуемую сумму, он доехал до Нового Орлеана, где стал жертвой карманных воров. И остальной путь, около 1000 километров, до Сан-Луиса, он прошел пешком. Здесь упорно боролся за победу и занял почетное третье место. Бежал он в своем обтрепанном дорожном костюме, стоптанных ботинках.

В честь 10-летнего юбилея Олимпийских игр по настоятельной просьбе греков в 1906 году в Афинах была проведена внеочередная Олимпиада. Она собрала свыше 900 спортсменов из 21 страны. Это восстановило популярность игр, несколько подорвавших свой авторитет в Париже и Сан-Луисе.

Четвертые официальные Олимпийские игры должны были проводиться в Риме в 1907 году. За год до открытия Италия неожиданно отказалась от их организации. Срыв Олимпиады предотвратили англичане. Проявив оперативность, соорудили огромный стадион «Уайд Сити» на 100 тысяч мест, рядом с ним — плавательный бассейн и даже каток с искусственным льдом. В туманную, но гостеприимную столицу Великобритании собрались 2059 спортсменов из 22 стран, из них 36 женщины.

Программа игр пополнилась соревнованиями по парусному спорту, водно-моторному, поло на лошадях, хоккеем на траве, фигурным катанием на коньках.

Итальянский марафонец Дорандо Пиетри лишился золотой медали благодаря медвежьей услуге судей. За несколько метров до финиша он, обессиленный, упал на дорожке. Двое судей, подхватив его под руки, до-

вели до финишной черты, и Дорандо был дисквалифицирован. За проявленное мужество английская королева вручила спортсмену памятный золотой кубок.

В соревнованиях по перетягиванию каната британские команды, составленные из тяжелых весов полицейских Ливерпуля и Лондона, быстро расправились с соперниками. Решающее значение в победе имели их огромные ботинки с медными шипами на подошвах.

Удачным был дебют русских спортсменов. Небольшая делегация — четыре борца и один фигурист — стала обладательницей двух серебряных и одной золотой медали. Серебро завоевали легковес Николай Орлов и борец тяжелого веса Александр Петров. Первым чемпионом Олимпийских игр и единственным среди спортсменов Российской империи стал Николай Панин, одержавший победу в исполнении специальных фигур на коньках.

Н. А. Панин-Коломенкин — уроженец Воронежской губернии — был одним из выдающихся русских спортсменов. Он пятикратный чемпион России по фигурному катанию, одиннадцатикратный — по стрельбе из боевого револьвера, двенадцатикратный — по стрельбе из пистолета.

Николай Александрович Панин-Коломенкин закончил Петербургский университет, он владел немецким, французским и английским языками, многие годы преподавал и вел научную работу в институте имени Лесгафта. В 1928 году в 56-летнем возрасте он стал победителем по стрельбе из пистолета на Всесоюзной Спартакиаде, а в 1940 году был удостоен высокого звания заслуженного мастера спорта.

Местом проведения V Олимпийских игр стала столица Швеции —

двух золотых медалей. В Америке затем он заключил контракт с Голливудом и снимался в главной роли в нашумевшем многосерийном кинобоевике «Тарзан».

Люцернский спортивный интернационал (ЛСИ) запретил контакт со спортсменами СССР, и это строго выполнялось руководителями МОК.

В СССР создается Красный спортивный интернационал (КСИ), объединивший рабочие спортивные организации многих стран мира. Сразу после завершения IX Олимпийских игр в Москве состоялась грандиозная Всесоюзная спартакиада. В этих первых комплексных состязаниях приняли участие около 7000 спортсменов, представителей всех союзных республик, 36 национальностей. Несмотря на запрещение, в Москву прибыли 612 спортсменов из 12 стран, многие из них нелегально, под чужими именами.

Летом 1932 года небольшие делегации 22 европейских стран вновь отправились в Соединенные Штаты Америки. Здесь, в городе Лос-Анжелосе, открылись X Олимпийские игры.

На поле огромного стадиона «Коллизей», вмещающего 104 тысячи зрителей, на парад вышли 1219 спортсменов 38 стран.

Мировой экономической кризис, сложная политическая обстановка отразились и на Олимпийских играх. Спортсмены Польши и Франции демонстративно не встали при исполнении государственного гимна Германии, канадцы отказались приветствовать флаг Великобритании. Много нареканий поступило в адрес арбитров. Скандально закончился матч ватерполистов Германии и Бразилии. Темпераментные бразильцы, проигрывая 3:7, якобы из-за необъективного судейства, стали избивать венгерского арбитра. Вмешательство немецких спортсменов привело к жестокой потасовке. Только полиция разняла драчунов...

Однако результаты соревнования были высокими — 40 олимпийских рекордов, 16 из них — лучшие мировых.

Финский спортсмен М. Ярвинен отличился в метании копья. В память об этом его олимпийском рекорде на стадионе в Хельсинки была сооружена башня высотой 72 метра 71 сантиметр, что соответствовало его высокому достижению.

Надо отдать должное организаторам Олимпиады, создавшим замечательные условия для участников игр. Состязания проходили на отлично оборудованных спортивных сооружениях. Олимпийцы жили в специальном поселке, получившем название Олимпийская деревня, которая состояла из 700 уютных домиков. Достижению высоких результатов спо-

собствовал и мягкий климат Калифорнии.

1936 год. Берлин. В столице фашистской Германии вдруг проходит праздник миролюбия и дружбы народов — Олимпийские игры?! Это произошло потому, что место проведения XI Олимпийских игр было определено еще в 1932 году, до захвата власти фашистами.

Национальные Олимпийские комитеты многих стран требовали бойкотировать гитлеровскую олимпиаду и перенести ее в Барселону. В Испанию прибыло свыше 20 иностранных спортивных делегаций, но фашистский мятеж и гражданская война помешали проведению соревнований в Барселоне.

Берлинская Олимпиада проводилась под личным покровительством Гитлера. Организаторы игр хотели использовать соревнования для пропаганды идей фашизма. Гитлер рассчитывал увидеть участников парада, торжественно марширующих мимо его ложи с поднятой рукой — олимпийским приветствием, так похожим на официальное приветствие фашистов. Спортивные делегации Англии, Франции, Швеции, Финляндии и других стран молча, без олимпийского приветствия прошли мимо трибуны. Разгневанный фюрер покинул стадион.

Из 29 легкоатлетических видов программы в 24 победила американская команда, в составе которой было 10 негров. Один из них — Джейси Оуэнс — стал подлинным героем Олимпиады, он завоевал четыре золотых медали, установив при этом два мировых и два олимпийских рекорда. Его выдающийся прыжок в длину — 8,06 метра был превышен, и всего на 1 сантиметр, только на Олимпиаде в Токио в 1964 году.

Начавшаяся вскоре мировая война, развязанная нацистской Германией, помешала проведению Олимпийских игр в 1940 и 1944 годах.

1948 год. XIV Олимпийские игры в Лондоне собрали рекордное количество участников — 4468 из 59 стран.

Советские спортсмены, как и прежде, не были приглашены на Олимпиаду. В Лондон выезжала только группа советских тренеров и журналистов.

Успешно выступали спортсмены стран народной демократии. Делегация Венгерской Народной Республики увезла на родину 25 олимпийских медалей — 10 золотых, четыре серебряных и 11 бронзовых и заняла общее четвертое место за командами США, Швеции и Франции. Олимпийский рекорд в стрельбе из скоростного пистолета установил Карой Ткач, стрелявший левой рукой — правую он потерял в 1939 году. Первый золотой дебют на олимпийском ринге сделал венгерский боксер Ласло Папп, добившийся выдающихся успехов в последующих Олимпиадах в 1952 и 1956 годах и на чемпионатах Европы.

30-летняя голландская спортсменка, мать двух детей Бланкерс-Кoen, прозванная «летучей голландкой», принесла своей команде четыре золотых медали.

По спортивному уровню лондонская Олимпиада была значительно ниже предыдущих — на ней были улучшены только четыре мировых рекорда.

XV Олимпийские игры состоялись в Хельсинки в 1952 году. Они знаменательны были прежде всего тем, что в них приняли участие советские спортсмены.

Вторая часть публикации «Страницы Олимпиад» будет напечатана в одном из ближайших номеров «Уральского следопыта».

Биография героя

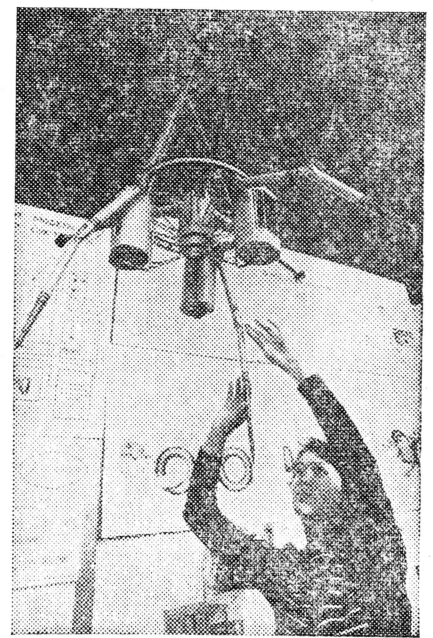
Десятки песен, легенд сложены про народного героя Белоруссии Константина Сергеевича Заслонова. В городах, поселках стоят памятники этому легендарному партизану. Есть бюст героя и на станции Вяземская Дальневосточной железной дороги — Заслонов работал на Дальнем Востоке.

Вот строчки из автобиографии К. С. Заслонова:

«По командировке наркома путей сообщения я как студент выпускного курса Ленинградского института инженеров путей сообщения поехал в Дальневосточный край. Затем получил направление в депо Вяземское паровозным мастером. Туда я прибыл 15 июля 1933 года».

В вяземской школе № 20, дружина которой носит имя героя, создана мемориальная комната. Здесь экспонируются уникальные фотографии К. Заслонова, паровозного мастера, участника художественной самодеятельности депо, схема рейда партизанского отряда К. Заслонова, ее прислали в подарок пионеры троицкой школы, что на Витебщине, и другие материалы, рассказывающие о легендарном разведчике.

Валерий ПАВЛОВ

Стальной паук

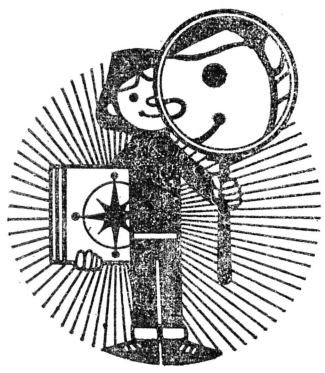
Студенты Уральского политехнического института разработали проект машины для замены выгоревшей футеровки (слой огнеупорного кирпича) в доменной печи. Стальной паук, опущенный в еще не остывшую печь, сильными лапами скалывает кирпичи. Так молодые исследователи намерены значительно сократить время ремонта доменных печей.

Конверты для коллекций

В альбомах и кляссерах филателистов пока еще нет марок, посвященных замечательному уральскому писателю П. П. Бажову. А вот на маркированных конвертах его имя встречается.

Впервые конверт с изображением памятника Павлу Петровичу Бажову в Свердловске был выпущен в 1959 году.

В 1967 году Министерство связи СССР выпустило конверт с изображением одного из героев «Малахитовой шкатулки» — Данилы-мастера. На конверте воспроизведена статуэтка кусинского завода.

МИР

на лагони

Уральский глиссер

В конце 20-х годов в Перми был построен один из первых, а может быть и первый, пассажирский глиссер.

Группа энтузиастов во главе с В. И. Григорьевым сконструировала и построила судно. Кроме самолетного мотора и пропеллера, все сделали сами, вручную.

Осенью 1927 года глиссер спустили на воду и с девятью пассажирами — акти-

вистами Осоавиахима на борту — опробовали его на ходу. Конструкция оказалась очень удачной по форме и простой в управлении.

Через несколько лет в Москве, в ЦАГИ, был разработан глиссер почти такой же формы, но больше по размерам; назвали его «Иван Михеев» — в честь знаменитого советского авиатора.

Снимки Виктора Темина...

Широко известны снимки времен Великой Отечественной войны фотокорреспондента Виктора Темина. Он сфотографировал первый подбитый немецкий самолет и первым заснял знамя Победы над Берлином, он делал и заключительные снимки войны — казнь фашистских преступников в Нюрнберге...

Еще в 30-е годы В. Темина называли королем фоторепортажа. За интересным снимком для газеты он готов был ехать на край света. И репортерская удача сопутствовала ему: он запечатлел моменты спасения экспедиции Нобиле, делал репортажи «Челюскинцы едут по Союзу», а позднее — с атомного ледокола «Ленин»...

Всюду побывал В. Темина со своей неизменной и безотказной «лейкой», которую ему подарил А. М. Горький.

Виктору Антоновичу Темину исполнилось 70 лет. Более 50 из них отданы фотографии, до войны он работал в Свердловске, в «Уральском рабочем». Ему присвоены звания заслуженного деятеля искусств, заслуженного работника культуры.

На снимке: Виктор Темина.

Евгений БИРЮКОВ.
Фото автора

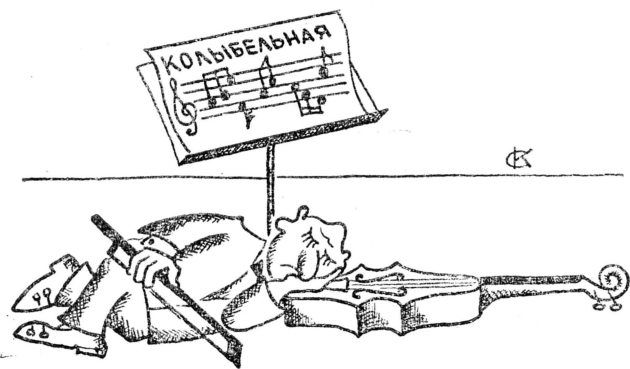
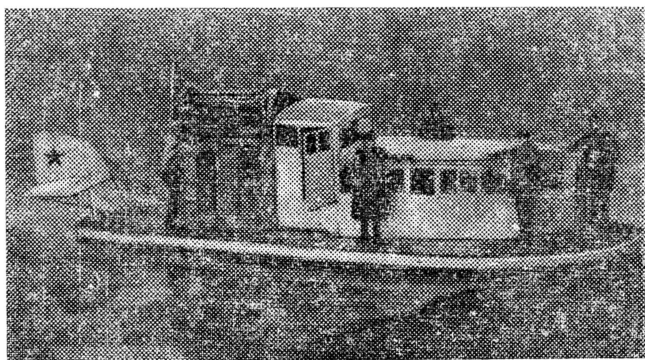

Рисунок С. Кусова (г. Ижевск)

Канал в дельте

При впадении в Каспий Волга, как известно, разветвляется на множество протоков и рукавов. Все они выносят в море огромное количество ила, что мешает судоходству.

Свыше ста лет назад, в 1874 году, начали сооружать Волго-Каспийский судоходный канал. Канал,

длиной в 116 километров и глубиной до пяти метров, постоянно поддерживается в рабочем состоянии — дноуглубительные караваны ежегодно извлекают с фарватера свыше 8300 кубометров грунта. Если этого не делать, то канал будет занесен илом всего за два года.

Первый конно-санный...

Летняя Башкирия покорила меня, но я с радостью узнала, что и зимой можно совершить удивительное путешествие по Южному Уралу — на санях. И вот я снова на знакомой турбазе Арский камень в группе туристов, которой первой предстоит пройти по единственному пока в нашей стране конно-санному маршруту.

Нас одевают буквально с ног до головы — выдают полушубки, ватные штаны, рукавицы... Запряжены с помощью конюхов лошади.

Со стороны наш поезд похож на свадебный: в гривы лошадей вплетены ленты, слышится звон бубенчиков. Нас сопровождают двое верховых и параллельно санному пути по целине мчится на снегоходе старший инструктор.

Азнагулово. Распрягаем лошадей, отводим их в конюшню, задаем овес. Гостеприимная хозяйка Хадиса-апа приглашает нас в дом. А в просторном, чистом и уютном доме-приюте уже посвистывает тульский самовар, стоят на столе сотовый мед и козье молоко...

Перевал на хребте Крака. Пройдена половина пути. В следующие дни делаем два тридцатикилометровых перехода и дневки — одну за другой.

Но вот последний переход Шигаево — турбаза Арский камень, последние 14 километров — и поход закончен.

Прощайте, Арский камень, Орлик, Муля, Буян...

Людмила МИХАЙЛИЧЕНКО.

Фото автора

Музей часов

В Ангарском краеведческом музее хранится уникальная коллекция старинных часов, собранных Павлом Васильевичем Курдюковым. Здесь собраны измерители времени всех времен и эпох. Вот золоченные каретные часы французских мастеров, немецкий «Беккер» с боем,

совершенно редкий экземпляр деревянных часов русского умельца Бронникова из Вятки...

В прошлом году в адрес музея часов пришла посылка из Архангельска, а в ней настенные часы с месячным календарем и деревянными платинами.

Самый-самый...

Самым крупным объектом во вселенной, по всей вероятности, является Антарес, самая яркая звезда в созвездии Скорпиона. Антарес примерно в 125 миллионов раз больше нашей скромной Земли, а отделяет его от нас 390 световых лет. Однако о высадке на Антарес думать не приходится не только из-за громадной удаленности, но и потому, что эта звезда состоит из жидких газов.

Самая большая масса на нашей планете находится в Антарктике. Этот обширный континент площадью в 13 миллионов квадратных километров почти весь покрыт ледовым панцирем. Во многих местах он достигает 4200 метров в толщину.

Самый большой водопад мира — Энджел Фолл — находится в Венесуэле. Он назван в честь американского летчика, который впервые обнаружил его в 1937 году. Энджел Фолл питается водами реки Карони, падающей в глубокую пропасть — на 2700 метров.

До открытия Энджел Фолл самым высоким водопадом считался норвежский Утигардс-Фос высотой 610 метров.

Знаменитый водопад Мисикатунга на Замбези (Виктория) падает со 120-метровой высоты, а Ниагара, оказывается, невысока — всего-навсего 59,9 метра.

Самое высокое озеро было открыто в 1934 году во время перелета над Эверестом — на высоте около 700 метров над уровнем моря.

Озеро Титикака в Центральных Андах — 3812 метров — оказалось на втором месте.

Самым большим полуостровом планеты является Аравия. Ее площадь 2730 тысяч квадратных километров. Второй по величине — Лабрадор — около 1,5 миллиона квадратных километров. Затем идут Скандинавский и Иберийский полуострова.

Мудрые мысли

Автомобилизация — это прилив лошадиных сил у человечества.

Иного человека ввести в культуру труднее, чем дикое растение.

Лес труб — это труба лесу.

Надо бороться с загрязнением атмосферы, хоть дым отечества нам сладок и приятен.

Час пик год жизни отнимает.

Всех
красивей
и крупней

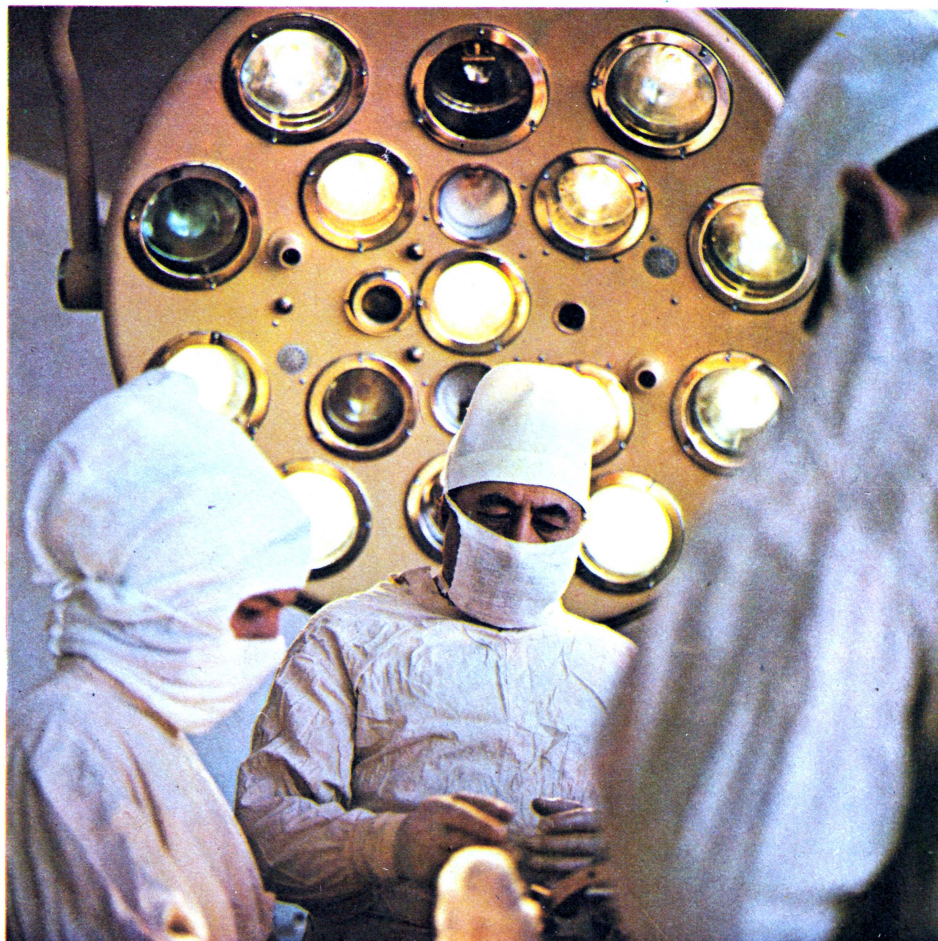
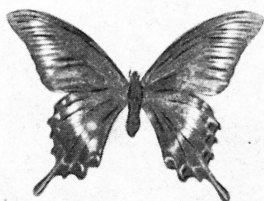
В Уссурийской тайге, где растет пробковое дерево — амурский бархат, обитает самая крупная, до 18 сантиметров в размахе, самая великолепная бабочка из всех известных видов.

Может быть, оттого, что ее гусеница питается красивыми листьями бархатного дерева, крылья бабочки становятся бархатистыми, сине-зелеными и отливают изумрудом на солнце.

Крылья бабочки-великанши заканчиваются небольшими хвостиками. За эту особенность ее назвали хвостоносцем Маака — в честь русского исследователя Р. К. Маака, который открыл ее в глухих дебрях Уссурийской тайги в конце прошлого столетия.

На снимке: бабочка-великанша.

В. КРИВОШЕИН

Без операции, без гипса...

Неизлечимому возвращено здоровье. Тяжелая операция заменена щадящим бескровным лечением. Скованному пожизненным увечьем органу дана свобода движения... Не правда ли, похоже на сказки о «чудо-исцелении»?

Никаких сказок. Чудо — да, есть. Оно — в мастерстве хирургов знаменитого Курганского института экспериментальной ортопедии и травматологии, в таланте его руководителя — заслуженного врача, заслуженного изобретателя РСФСР, лауреата Ленинской премии, профессора Гавриила Абрамовича Илизарова.

Хирурги всех времен ломали головы над тем, как вернуть изуродованным конечностям правильную форму, как регулировать их рост, устранить деформа-

ции и восполнить недостающие кости. Сложнейшие операции в лучших случаях заканчивались удлинением конечностей на 3—7 сантиметров. Нынче по методу Илизарова их удлиняют до 50 сантиметров!.. И — ни скальпеля, ни гипса: аппараты, создаваемые в клинике для каждого пациента, обеспечивают закрытое сращение костей при переломах, устранение врожденных дефектов.

Метод Г. А. Илизарова широко внедряется в практику здравоохранения нашей страны, находит все большее применение за рубежом.

На снимке: в клинике профессора Г. А. Илизарова.

Фото Эдуарда Котлякова

Школа

В... море

Известно, как дорого стоит земля на Японских островах. Все чаще местные власти обращают свое внимание на... необозримые океанские просторы. В городе Сунаки, что на острове Кюсю, построили в море, на массивных бетонных сваях... школу. Это единственная в мире школа, которой не нашлось места на земле.

ПОДРОСТОК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Победа!!! Фото Эдуарда Котлякова [г. Свердловск]

Лунный свет все ярче. И вскоре на дороге можно издали разглядеть каждую выбоинку, каждую соломинку, оброненную с воза. А слышимость! Не то что гул мотора, веточка треснет под тяжестью снега где-то в глубине бора, а кажется — рядом...

В «НАРЫМСКИХ ЭТЮДАХ» Николая ВОЛОКИТИНА, публикуемых в следующем номере журнала,

немало тонких и точных наблюдений, основанных на глубоком знании суровой и по-особому красивой природы северного края. В этом же номере читайте новый рассказ молодого прозаика Анатолия ИВАНОВА «НУЖНЫЙ УРВАНЦЕВ» — о том, как не сложились и, видно, не сложатся отношения между отцом и сыном.